4
П-21

Р.Ф.ПАУФОШИМА

ФОНЕТИКА СЛОВА И ФРАЗЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

77340

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Р.Ф. ПАУФОШИМА

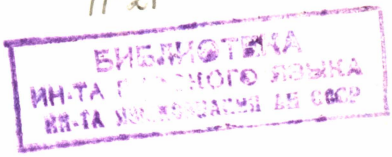
ФОНЕТИКА СЛОВА И ФРАЗЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1983

Монография посвящена исследованию явлений сегментной фонетики слова в зависимости от фразовых условий в говорах севернорусского наречия – проблеме новой и практически малоисследованной.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Р.И. АВАНЕСОВ

4
П-21

77340

II $\frac{4602010000-153}{042\,(02)-83}$ 390-83-II

© Издательство "наука", 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Тема этой работы – влияние фразовых условий на сегментную фонетику слова. Некоторые стороны этой проблемы затрагивались ранее [9, 55, 57, 13]. Одним из первых исследователей, обративших внимание на то, что фразовая позиция может быть благоприятной или неблагоприятной для реализации отдельных гласных фонем, был С.С. Высотский. В своей статье "Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных" [23] он показал, что отмеченные ранее Будде дифтонги в рязанских говорах в конце фразы – дань фразовой позиции, а не свойства самих гласных. Это фразовые "накладки" на гласные. Позднее А.А. Реформатский назовет такой подход к исследованию фонетических явлений "уровневым анализом" [75] и выдвинет С.С. Высотского в число первых "уровневиков" – наряду с П.С. Кузнецовым [55, 57] и Э. Бенвенистом [9]. Сам А.А. Реформатский был приверженцем и страстным проповедником такого подхода к анализу фонетических явлений (см. [73, 74]).

В более поздней работе С.С. Высотского "Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования)" [22] идеи, намеченные в работах 1949 г., применены на более широком диалектном материале.

В настоящей монографии рассматриваются следующие стороны фразовой фонетики в севернорусских говорах:

1) роль фразовых условий в реализации гласных под ударением, в том числе оптимальные фразовые условия для реализации дифтонгов;

2) фонетические явления на стыках слов (характер сандхи) в севернорусских говорах;

3) некоторые аспекты соотношения словесного ударения с интонационным контуром фразы. Кроме этих вопросов, непосредственно касающихся изменчивости фонетического облика слова в составе фразы, в работе рассматриваются фонетические явления, проявляющиеся и на словесном уровне и характерные для севернорусских говоров, такие, например, как эллипсис согласных, а также межслоговая ассимиляция безударных гласных.

Материал для исследования выбирался из магнитофонных записей окающих русских говоров, как собственно севернорусских, так и тех, которые согласно современной классификации относятся к среднерусским окающим говорам. Были использованы магнитофонные записи следующих говоров: из Архангельской области – д. Лампожня Мезенского р-на (запись О.Г. Гецовой), сел Карпогоры, Ваймуша и Кеврола Пинежского р-на (запись автора), д. Азаполье Мезенского р-на (запись Ю.С. Азарх); из Вологодской области – д. Куность Белозерского р-на, деревень Катромского сельсовета Харовского р-на (записи автора), д. Селищи Бирюковского р-на (записи Л.Л. Касаткина); из Карельской АССР – с. Кажма Медвежьегорского р-на (записи С.С. Высотского) и с. Ладва Прионежского р-на (записи

Л.Л. Касаткина); из Ленинградской области – д. Усланка Подпорожского р-на (записи Л.Л. Касаткина); из Новгородской области – д. Перестово Окуловского р-на (записи автора) и из Калининской области – с. Ивановское Рамешковского р-на (записи автора).

В "Приложении" к монографии даны расшифровки текстов спонтанной диалектной речи из части перечисленных пунктов.

Основной массив текстов, которые приводятся в "Приложении", составляют расшифровки магнитофонных записей архаических говоров, сохраняющих и в наше время семифонемную систему вокализма. Это говоры из Харовского р-на Вологодской обл. Каждый текст представлен двумя видами транскрипции – упрощенной и детальной. Упрощенная транскрипция по существу является фонемной; для литерации фонем используются буквы русского алфавита с добавлением двух знаков – ъ и ω, когда-то использовавшихся в русской графике. В этом упрощенном варианте транскрипции мы обозначали цоканье (*целовек, цай* и т.п.), отвердение конечных согласных (*мат стала ругат*), ёканье (*тёпло́, бу́дёт*), ассимилятивное смягчение задненёбных (*пецкя, цайкю*).

Детальная фонетическая транскрипция текстов основывается на принципах, сформулированных С.С. Высотским в работе [24].

Публикация письменных транскрипционных текстов диалектных фонограмм из фонотеки Лаборатории экспериментальной фонетики осуществляется впервые.

В подготовке текстов к публикации, а также в их подборе и транскрипции большое участие принимала Е.В. Щигель.

ПРОСОДИЯ ФРАЗЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Первое впечатление, создающееся при сплошной транскрипции спонтанной речи говоров, – это впечатление хаотического беспорядка. Кажется, что ни одно фонетическое явление не выступает в чистом виде, все находится в состоянии зыбкости и колебания. Так, в записях Харовского р-на Вологодской обл. нет четкого разграничения реализаций фонем ⟨ѡ⟩–⟨ о⟩ ⟨ѣ⟩ – ⟨ е⟩; наблюдаются значительные колебания в отношении степени палатализации согласных: мягкость, полумягкость, твердость согласных кажутся немотивированными; представляются беспорядочными колебания в выборе реализаций фонемы ⟨ л⟩ ([л, l, w] выступают в беспорядочном смешении); столь же непоследовательно проявляется цоканье. Словом, все фонетические явления предстают как бы в состоянии какой-то неупорядоченности.

Однако тщательный анализ материала позволяет установить, что в этом якобы хаотическом беспорядке есть некая упорядоченность[1].

Оказывается также, что соприсутствие в тексте разнородных фонетических явлений вполне естественно. Поэтому транскрипции спонтанной речи, в которых все фонетические явления представлены в безысключительном виде, могут вызвать недоверие и подозрение в стилизации.

Можно выделить по крайней мере два фактора, определяющих вариативность фонетических реализаций в спонтанной речи. Во-первых, это билингвизм носителей говора, которым определяется проявление в их речи фактов двух сосуществующих языковых систем. Этот аспект проблемы достаточно широко освещался в диалектологической литературе.

Билингвизм проявляется, в частности, в психологической настройке говорящего на какой-то определенный тип произнесения. Так, в говорах, знающих фонетическую полумягкость согласных, эта степень палатализации может колебаться в широком диапазоне в разных участках текста: есть участки с более "твердыми" полумягкими согласными, есть участки с более "мягкими" полумягкими согласными. То же самое относится и к другим фонетическим явлениям. Например, в цокающих говорах цоканье в одних участках текста проявляется последовательно, в других – нет. Иными словами, носитель говора то настраивается на собеседника, говорящего на литературном языке (и тогда в его речи возникают фонетические явления, свойственные литературному языку), то забывает себя контролировать и переключается на привычную систему родного диалекта.

Второй фактор – это влияние фразовых позиций на фонетические явления. Этому вопросу и посвящена данная монография. Область эта – "фразовая", или "синтаксическая", фонетика – еще почти совсем не разработана: "Если с точки зрения отдельного слова фонетические позиции изучены до-

[1] С.С. Высотский указывал на то, что в речи нет факультативных фонетических явлений: мнимая факультативность всегда имеет свою обусловленность [21].

статочно хорошо, то изучение фразовых ритмико-интонационных позиций отдельного звука только начинается. Это изучение затруднено тем, что пока не существует сколько-нибудь полной и стройной теории ритма и интонации русской речи. В дальнейшем, по мере изучения ритмико-интонационных факторов и установления разных фразовых позиций, факультативность полученных вариантов во многих случаях может превратиться в позиционную обусловленность" [78, *43*].

Вопрос о влиянии фразово-интонационных условий на фонетику в плане постановки проблемы затронут в фундаментальной работе С.С. Высотского "Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в северорусских говорах". Он пишет: « Зависимость звукового облика слова от ритмико-интонационных условий фразы известна как литературному языку, так и говорам. В данном случае следует подчеркнуть, что существующие по говорам разновидности "синтаксической фонетики" – интонации порождают соответственно и диалектное разнообразие возможностей варьирования фонетической структуры слова, если последнее оказывается в определенной позиции в составе так или иначе интонируемой фразы.

Однако известно, что и гласные ударенного слога в сильной части фразы, например в конце синтагмы или под логическим ударением, также более или менее отличаются от ударенных гласных слов, находящихся в других, слабых фразовых позициях.

Процесс деформации качества ударенного гласного параллелен изменению "полновесного" слова в сторону образования проклитик или энклитик. Понятно, что предел этого изменения обусловлен не столько возможностями ритмической вариативности, сколько семантическим фактором » [22, *10*].

Когда Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер и В.Б. Касевич [12, *66*] пишут о том, что "речевая цепь обычно неоднородна, она образуется сегментами полного стиля произнесения и сегментами неполного типа", то имплицитно здесь содержится установка на фразовую обусловленность фонетических реализаций.

Косвенным образом проблема фразовой фонетики затронута в кандидатской диссертации Н.Н. Розановой [76], которая показала модификации фонетического облика слов в зависимости от ритмического строения фразы в русской разговорной речи. См. также работу М.М. Галеевой [26].

Сопоставление разных реализаций одной и той же фонемы из разных участков текста спонтанной речи дает основание полагать, что во фразе есть "светлые" и "темные" участки для фонетических явлений.

На уровне плана выражения "светлыми", как правило, оказываются позиции под фразовым или синтагматическим ударением. В русской литературной речи это преимущественно позиция конца синтагмы или фразы, см. [16, *25*]; об условиях переноса фразового ударения на начало фразы см. [48]; в тех же случаях, когда фразовое ударение подчиняется логическому и интонационный центр смещается с позиции конца синтагмы (фразы) в другой участок фразы, соответственно" высветляется" именно этот участок.

Остальные участки фразы "затемнены", и слова, находящиеся в них, наиболее подвержены различного рода фонетическим деформациям – явления эллипсиса, редукции, ассимиляции наблюдаются в первую очередь именно в этих, "темных" интонационно- и фразово-слабых позициях.

Оценка на слух севернорусской речи: архангельских, вологодских, кировских, пермских говоров – дает основание считать, что, в отличие от речи на русском литературном языке, здесь наблюдается отчетливая тенденция к усилению начала синтагмы и фразы.

Нетрудно проследить здесь параллелизм и с акцентной структурой слова в тех же говорах: начальный слог слова нередко получает в них дополнительное усиление.

Просодические характеристики фразы с точки зрения динамических (силовых) и темпоральных параметров будут рассмотрены ниже.

Здесь же следует обратить внимание на то, что исследователи фонетики живой речи отмечают, что фонетическая деформация слов наблюдается обычно в частотных словах и при быстром темпе речи [45, *91*]. Это верно, но лишь отчасти. Частотные слова в сильной фразовой позиции, как правило, не деформируются.

Вот пример из русской разговорной речи: *Я* [с'он'ъ] *чуть не перевернулся.* Слово *сегодня* частотное и находится в слабой фразовой позиции, поэтому в нем произошло выпадение последовательности CVC.

Во фразе: *Я* [с'е^{и}во́дн'ъ] *тебе позвоню* слово *сегодня* находится под логическим ударением, здесь в этом частотном слове никаких фонетических потерь не наблюдается, фразовая позиция – сильная[2].

Итак, фонетические позиции как бы высветляются синтаксисом через интонацию.

С точки зрения актуального членения участки текста, выделенные фразовым ударением, как правило, воплощают рему.

Так, например, в высказывании: *тут Шубиха, Шубиха у нас была, я на Шубихе возьму и удавлюсь на березе* (Калининская обл., Рамешковский р-н) первое упоминание топонима *Шубиха* представляет собою рему, поэтому слово это, находясь в сильной фразовой позиции, произносится отчетливо, без каких-либо фонетических деформаций. При повторе то же слово оказывается в более слабой позиции, оно становится фонетически более уязвимым. Третья реализация того же слова манифестирует тему, фразовая попозиция его еще более слабая. Поэтому реально этот текст был произнесен следующим образом:

(тут шу́б'иха / шу́в'иха у на́з была́ / ја на шу́их'е воз'му́ и удавл'у́с' на б'ир'о́з'е]. В этом отрезке текста в слове *Шубиха* представлены разные степени деградации звонкого смычного губного.

Во фразе: *раньше* [пл'е̂ъса] *были* (Волог. обл. Харовск. р-н) интонационным центром является слово *плеса.* Соответственно фразовая позиция для фонетической оболочки этого слова – сильная, ср. его произнесение: *раньше* [пл'е̂ъса] *были.*

Во фразе: *а лес, говорит, пригибался к самой земле* рематическая группа – *пригибался к самой земле* выделена более отчетливым произнесением, замедленным темпом. Это способствует фонетической отчетливости составляющих группу слов: *пр'иг'иба́лс'е к са́мо̨ з'емл'и̯е.*

---

[2] Можно привести еще такой пример. А. Райкин в телевизионном фильме "Волшебная сила искусства" произносит известную реплику: *"Меняться бум?"* Комический эффект достигается исключительно за счет того, что слово "будем" в аллегровой форме *бум* "пересажено" из "темного" участка фразы, где оно вполне уместно, в "светлый" участок, и там оно выглядит нелепо.

В спонтанной севернорусской речи весьма распространены повторы, причем могут повторяться как отдельные слова (ср. выше *Шубиха*), так и синтагмы, и целые фразы. При этом при повторе фразовая позиция для составляющих его слов всегда более слабая, чем при первом произнесении. Ср.:

н'ёбо да вода́ / н'ёво да вода́,

или

j а сама́ пришл а́ // коруо̂wу доит // доjу коруо̂wу //

Слово *корову* в первом случае произнесено более громко и соответственно с более отчетливым дифтонгом, чем во втором.

Во фразе: *Были такие поменше* (гармошки) / *назывались балаго́лк'и // балаго́wки эти были очень шибкиё* – слово *балаголки,* повторенные в третьей синтагме, несколько изменило свой фонетический облик, фонема ⟨ л⟩ реализуется в [w].

Сильная фразовая позиция, благоприятная для сегментного состава слова, как правило, сопровождается и более яркими суперсегментными характеристиками. Не рассматривая в данной монографии вопросы, связанные с мелодикой речи, остановимся только на некоторых аспектах динамического и темпорального строения разных участков фразы.

Информативно более весомые участки фразы, как правило, произносятся более громко и замедленно. Впрочем, в разных речевых ситуациях на первый план может выходить то динамическая, то темпоральная характеристика.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЫ

Слуховые впечатления о более сильном начале фразы в севернорусских говорах были проверены инструментально.

Для замеров интенсивности в разных участках фразы использовался прибор РИ-58 отечественного производства. Измерения производились следующим образом: речевая последовательность, в которой реализуется фраза, разбивалась на равные участки длительностью по 100 миллисекунд. Затем измерялась интенсивность каждого участка в децибелах. Полученные значения наносились на графики, которые приведены на рис. 1–11.

Приведенные графики позволяют проследить, что почти во всех случаях фразовая дуга силы имеет отчетливо выраженную тенденцию к усиленному началу; конец фразы по преимуществу оказывается ослабленным.

В тех случаях, когда синтагма состоит из одного слова, начальный слог его получает акцентное усиление, если ритмическая структура слова допускает такое усиление (см. об этом подробнее ниже). Ср. примеры:

Берегли муку-то? [б'ѐр'егл'и́]. *Кольца брякнут* / [у́ дуг'и́].

В пецкю поставят / [ск'и́п'ет'е̂ат].

То же явление отмечается и в многословных синтагмах:

Оно так-то / [б'ѐз м'е́lу-то /н'ѐ поид$^{\hat{e}}$от].

Однако общая дуга фразовой интенсивности получает конкретные уточнения, связанные с местом акцентной выделенности, которая в свою очередь отражает актуальное членение. Поэтому естественны "всплески" интенсивности на фоне общего сильноначального и слабоконечного динамического контура. Слуховые впечатления о более "громких" и "тихих" участках фразы могут быть переданы знаками, принятыми в нотной грамоте *f* и *p*, при-

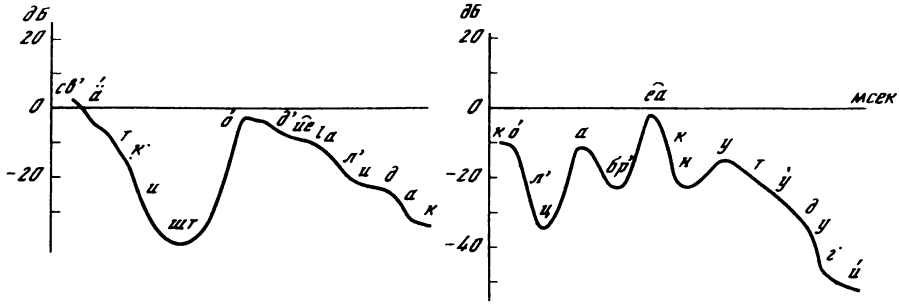

Рис. 1. График движения интенсивности во фразе: *В святки што делали дак*

Рис. 2. График движения интенсивности во фразе: *Кольца брякнут у дуги*

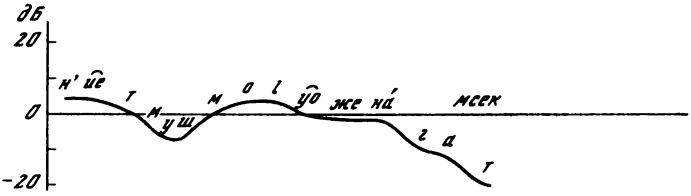

Рис. 3. График движения интенсивности во фразе: *Нет, муж моложе на год*

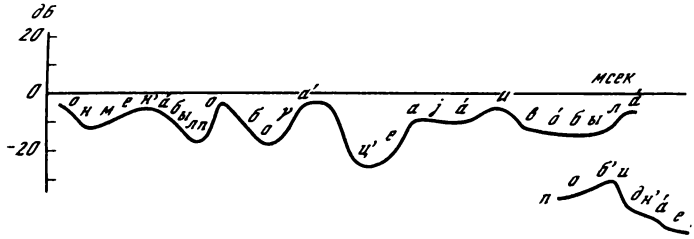

Рис. 4. График движения интенсивности во фразе: *Он меня был побогаче, а я его была победняе*

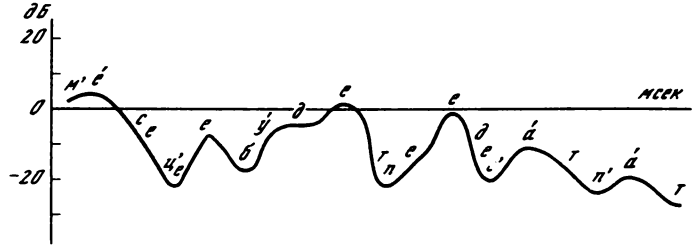

Рис. 5. График движения интенсивности во фразе: *В этом месяце будет пятьдесят пять*

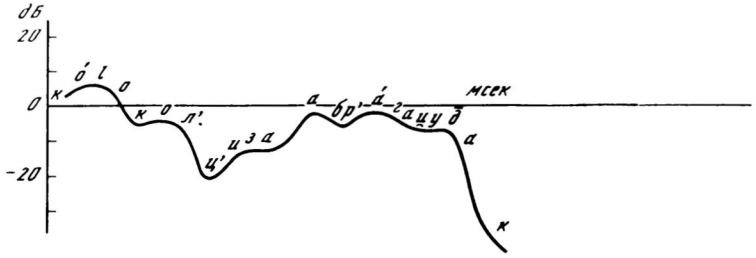

Рис. 6. График движения интенсивности во фразе: *Колокольцы забрякают дак*

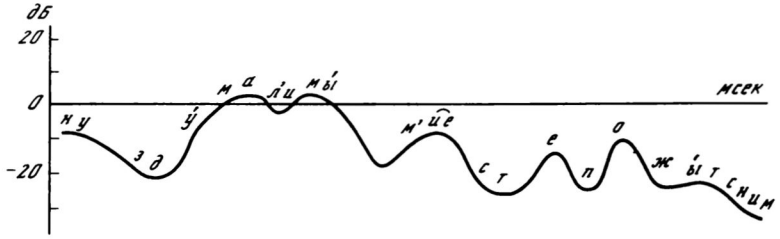
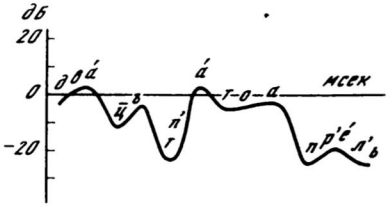

Рис. 7. График движения интенсивности во фразе: *Ну вздумали мы вместе пожить с ним*

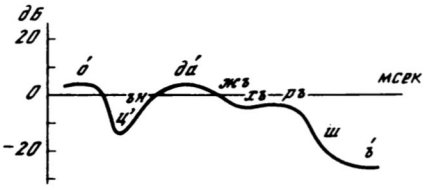
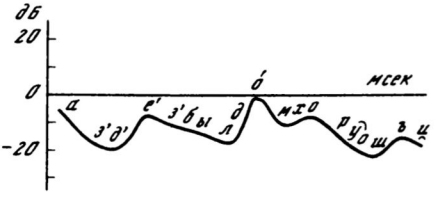

Рис. 8. График движения интенсивности во фразе: *Двадцать пятого апреля*

Рис. 9. График движения интенсивности во фразе: *Оценьдаже хорошо*

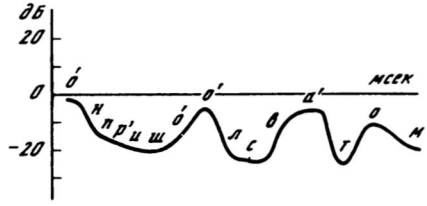

Рис. 10. График движения интенсивности во фразе: *А здесь был дом хороший*

Рис. 11. График движения интенсивности во фразе: *Он пришел сватом*

чем можно с помощью этих символов детализировать разные градации громкости, например, *ff* – самые громкие участки, *pp* – наиболее тихие. В таком случае образцы транскрипции будут выглядеть следующим образом:

[kòlokol'ċ'ý забр'áгаут дáк / в' é̂тои сторон'é жен'ýс']

[w св'áтк'и што д'ие̂ла̀л'и дък]

[кóл'ċ'а бр'áкнут / ù дуг'ý]

[говóр'ý / матýшка // ja нашлá вóра]

[máсla // намáзъл'и на хл'ёб да]

[a ja род'илá // дóц'к' у]

[рáн'ше пл'ê̂оса бы́л'и]

Столь подробная динамическая нотация в значительной степени перегружает транскрипцию, поэтому в дальнейшем изложении мы будем прибегать к ней только в некоторых случаях; в большинстве примеров будет отмечаться громкость только тех участков текста, которые подвергаются непосредственному анализу.

Ниже приводятся данные по распределению интенсивности в пределах фразы из говоров Харовского и Биряковского районов Вологодской области. Из числа примеров для анализа были сознательно *исключены* вопросительные, восклицательные и побудительные предложения. Таким образом, в поле нашего зрения были включены повествовательные предложения из монологических текстов и реплики-ответы на вопросы из диалогических текстов.

Когда это было? –
– Двадцать пятого апреля.

д^{в}	а	а$_{ц}$	ц$_{ъ}$	т	п'а	а$_{т}$	тō	а	п	р'е	л'ь
–4	+3	–11	5–9	–25	+2	–5	–3	–2	–25	–20	–25

Наш дом был не очень-то хороший, а здесь был дом хороший.

на	а	жд	о	о$_{м}$	мб	ы	л	н'е	о	о	ц'
–9	–2	–15	0	–6	–14	–11	–13	–14	–5	–2	–25

ен'	то	х	ору̂о	ш	шъи̯		з'д'	д'е	е	з'б^{в}	б^{в}ы
–14	–13	–25	–18	–22	–22	**–6**	–18	–20	–9	–11	–15

лд	о	о$_{м}$	хо	ру̂о	ш	эи̯
–19	–2	–11	–10	–18	–25	–19

Сколько Вам лет? –
– В этом месяце будет пятьдесят пять.

м'е	ес'	с'е	ц'	ц'е	е	бу	уд'	д'е	т	п^{ь}	е^{и}
+1	+ 3	–8	–22	–8	–19	–6	–5	0	–24	–16	–0,5

с$^{'}$	с'а	^{а}т	тп	е	^{е}т
–22	–11	–15	–25	–20	–25

Очень даже хорошо

о	о	ц'	ън'	да	а^{ж}	ж^{ъ}	х^{ъ}	ъръ	^{ъ}ш	ш	ъ^{з}
+3	+3	–13	–4	+3	+2,5	–2	–4	–3,5	–15	–25	–25

Он пришел сватом

о	нп	пр'	и^{ш}	шо	о	лс	св	ва	а	т	о	м
–1	–14	–19	–20	–16	–5	–22	–25	–8	–4	–25	–11	–15

Он меня был побогаче, а я его была победняе.

о	нм'	м'е	н'а	бы	лп	^{п}о	б	о	$^{\gamma}$а	а
–5	–14	–11	–6,5	–9,5	–18	–3,5	–15	–18	–5	–4

ц'	ц'е	е	а	ja	а^{и}	и$_{в}$	о	^{о}б	ы	ла
–25	–25	–10	–10	–10	–5	–11	–13	–14	–14	–5,5

п	^{о}б	б'и	дн'	н'а	а	е
–25	–22	–18	–22	–22	–25	–25

– Он был старше? –
– Нет, муж моложе на год.

н'и	ет	му	уш	мо	ол	лу	ож	ен	на	а^{г}	га	^{а}т
+ 3	+ 3	0	–9	–1	+3	+3	0	–1	–1	–9	–11	–17

– Ну, вздумали мы вместе пожить с ним.

ну	у	^{у}з	д	у	^{м}а	л'и	м	мы	ы	м'и	и^{е}
–8	–12	–18	–20	–5	0	–2	+2	–3	–18	–11	–8

с'	т'	е	е	по	ж	жы	т с' н' им
–25	–25	–14	–25	–10	25	–22	–25

Колокольцы забрякали, так в этой стороне женюсь.

ко	ол^{о}	ок^{о}	ол'	ц'и	и^{з}	за	а	аб	р'а	^{а}га
+1,5	+2,5	–2,5	–2	–11	–7,5	–6,5	+0,5	–3	+1	–4

л'идак	вэ	тэ	ис	ть	рън'	н'е	е^{ж}	жа	ан'у	ус'
–3,5	–1	0	–4,5	–4	–5	–1	+2	–3,5	–5,5	–6

Кольца брякнут у дуги.

ко	л'ц'	ц'а	бр'	е͡а	кн	нут	у	ду	г'	г'и
–4	–17,5	–4,5	–11	–0,5	–11,5	–6,5	–7,5	–9	–19	–20

В святки што делали дак.

св'а	а	тк'	и	шт	о	д'и͡е	la	л'и	дак
+1	–3	–25	–15	–20	+0,5	–3	–4	–9,5	–9

---

[3] Здесь под ударением гласный типа [ъ].

Она уж жила́ вот тоже теперь дом ее на задах.

а	на	ау	уж	жы	ла	^{а}в	о	т	о	же	то
–7	–4	–5	–7	–10,5	–2	–6	–6	–25	–14	–13	–19

п'е	р'	до	^{о}му	уы	ена	за	а^{д}а	а	х
–7	–15	–11	–18	–16	–12	–13	–9	–20	–25

У ее никогда дров не было.

у	ие	ен и	и^{к}	о	^{д}а	др	ow	wн'	еи	бы
–14	–8	–10	–16	–4	–2	–10	–5,5	–14	–12	–20

ыл	ла^{ъ}
–18	–23

Я пошлю тетушку свою.

ja	^{а}п	пу	ш	л'у	$^{у}_{т'}$	т'е	о	ту	ш	ку
–3	–10	–16	–25	–10	–20	–11,5	–9	–22	–25	–23

с	во	jу
–25	–18	–23

Он послал тетушку, тетушка пришла.

он	нп	о	^{о}с	ла	л	т'и	о	^{о}т	уш	ш	ку
+1	–11	+2	–9	+2	–7	–15	–5	–15	–8	–25	–10

Анализ приведенного выше материала показывает, что начало фразы и синтагмы всегда сильнее (интенсивнее) конца. Разница в физической интенсивности между этими участками фразы может достигать 23 *дб*, если сравнивать только интенсивность ударных гласных слов в начале и в конце фразы. Самые слабые участки – в конце фразы.

Завершение неконечной синтагмы может быть довольно интенсивным, но оно всегда слабее, чем начало той же синтагмы.

Если в начале фразы, синтагмы просодия слова обнаруживает некоторую независимость от просодии фразы, т.е. слово в какой-то мере сохраняет свои динамические и темпоральные характеристики, присущие ему и в независимой позиции (в изолированном произношении), то в конце фразы динамические характеристики слова оказываются полностью подавленными просодией фразы. Ср. следующие примеры слов из конечной позиции:

а	п	р'е́	л'ъ
–2	–25	–20	–25

х^{ъ}	ъръ	^{ъ}ш	ш	ъ́
–4	–3,5	–15	–25	-25

п	^{о}б	б'и	дн'	н' а́	а	е
–25	–22	–18	–22	–22	–25	–25

у̀	ду	г'	и́
–7,5	–9	–19	–20

с	во	jу́
–25	–18	–23

на	за	^{а}да	а́	х
–12	–13	–9	–20	–25

Во всех этих случаях динамика слова – нисходящая: ударный гласный, оказываясь в самом исходе фразы, становится слабее своих безударных предшественников; иногда это приводит и к искажению его тембра (ср. х р шъ). Схематическое изображение дуги силы см. на рис. 12.

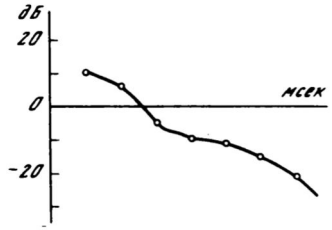

Рис. 12. Схематическое изображение дуги силы фразы

Эта кривая видоизменяется, когда информативно значимые слова размещаются в малоинтенсивных участках фразы. Но при этом уровень интенсивности выделенных слов испытывает давление фразовой интенсивности: информативно значимое слово в конце фразы значительно уступает по силе аналогичным словам, находящимся в начале фразы.

В наших опытах, результаты которых приведены выше, измерениям подвергалась физическая интенсивность разных участков фразы. В акустике известно различие между интенсивностью (силой) звука и громкостью, т.е. восприятием этой силы человеческим слуховым аппаратом. О соотношении этих характеристик см. [34, *101*].

Шкала уровней равной громкости, приведенная Л.Р. Зиндером, свидетельствует о том, что в речевом частотном диапазоне резких расхождений между интенсивностью и громкостью не наблюдается, поэтому вполне допустимо в работах по фонетике пользоваться только измерениями уровня силы. Эта физическая характеристика, как более доступная фиксации приборами, и использовалась в работе.

Предпринятое исследование динамических характеристик фразы позволило установить, что с точки зрения интенсивности конец фразы в севернорусских говорах не может являться сильной позицией для слова. Усиленным в этих говорах оказывается начало фразы.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЫ

Исследование темпа речи, проведенное ранее на материале из Харовского р-на Вологодской обл. [68][4], показало, что этим говорам, – а они с точки зрения речевого темпа типичны для всех севернорусских говоров, – свойствен ускоренный темп речи. Вологодские говоры сравнивались в отношении темпа с говорами из Рязанской и Владимирской областей. Это исследование показало, что для вологодского говора средним темпом речи – по данным пяти дикторов – является скорость 17 звуков в секунду, т.е. при таком темпе средняя длительность звука речи составляет около 60 *мс*. При ускоренном темпе те же дикторы могут произносить по 21–22 звуков в секунду (средняя длительность одного звука – 46–48 *мс*), при за-

[4] Сведения о темпе спонтанной речи были получены путем измерения количества звуков, произносимых диктором в единицу времени.

медленном – 12–14 звуков в секунду (средняя длительность звука – 71–83 *мс*).

Говоры из Рязанской и Владимирской областей в отношении характерного для них темпа обнаруживают большое сходство. Средний темп речи по данным пяти дикторов из д. Елховки Владимирской обл. составляет 12 звуков в секунду (средняя длительность одного звука – 83 *мс*); максимальные значения темпа речи в этом говоре – 15–16 звуков в секунду – при средней длительности звука 63–66 *мс*. Приблизительно такой темп речи является нормальным для говора из Вологодской обл. Замедленные отрезки речи владимирского говора могут произноситься со скоростью 8–10 звуков в секунду при средней длительности звука 100–125 *мс*.

В говоре д. Деулина Рязанской обл., по данным пяти дикторов, средний темп речи составляет 12–13 звуков в секунду, т.е. средняя длительность одного речевого звука равна 77–83 *мс*. Минимальное значение темпа речи в этом говоре – 9–10 звуков в секунду, максимальное – 14–15 звуков в секунду[5].

Из приведенных данных следует, что вологодский говор существенно отличается по темпу речи от владимирского и рязанского, а также и от русского литературного языка: темп речи в нем наиболее высокий.

При этом, как и в любой другой речевой системе, в пределах фразы наблюдаются существенные колебания по темпу. Если динамические характеристики фразы, как было показано, оказываются в значительной мере обусловленными фразовой просодией и говорящий лишь относительно свободен в усилении того или иного участка фразы (информативно значимые слова в конце фразы слабее, чем в начале и середине), то в отношении темпа речи положение слова во фразе не настолько зависимо: здесь "командует" семантика. Информативно значимые слова, как правило, произносятся при замедленном темпе, менее важные участки фразы проговариваются ускоренно.

Замедление темпа может затрагивать не все звуки слова. Неоднократно наблюдалось такое явление: при сохранении длительности ударного гласного постоянной, длительность безударных гласных варьирует; то же самое происходит и с согласными. Ср. следующий отрывок текста:

Я пошлю тетушку свою. Он послал тетушку, тетушка пришла, место посмотрела и говорит ... (Харовский р-н, Вологодская обл.).

Слово *тетушка,* повторенное трижды в этом контексте, имеет разные темпоральные характеристики:

1)	т'	е	о	т		ъ	ш	к	у
	100	51	75	83		35	110	50	44
2)	т'	е	е	о	т	у	ш	к	у
	100	36	35	46	85	72	100	90	150
3)	т'	е	е	ъ	т	ъ	ш	к	а
	100	67	54	41	38	54	85	53	63

[5] По данным сотрудников кафедры фонетики ЛГУ, средняя длительность звука в русском литературном языке колеблется в диапазоне от 72 до 120 *мс* (ЛЭФ ЛГУ, отчет по теме "Ключевые звуки русской речи", Л., 1958). Следовательно, владимирский и рязанский говоры практически не отличаются в этом отношении от литературного варианта русского языка.

В первых двух случаях длительность ударных гласных приблизительно совпадает, зато значительны различия между заударными сегментами слова: сильной количественной (и качественной) редукции подвергается *у* в 1-м заударном слоге в первом произнесении, в то время как во втором произнесении этот гласный довольно длителен и сохраняет присущий ему тембр. Сильную количественную редукцию испытывает конечное *у* в первом произнесении, а во втором конечное *у* растянуто и превышает по длительности гласный ударного слога.

Вероятно, удлинение конечного заударного слога связано непосредственным образом с интонацией, а именно с интонационным оформлением незавершенности. В исследуемых говорах повышение тона в конце неконечной синтагмы, как и при вопросе, имеет место и на безударных слогах [15]; очевидно, это и вызывает замедление всей заударной части слова.

В третьем произнесении растянут гласный ударного слога. Это и понятно, ведь он – первый в синтагме! Заударная часть произнесена в "нормальном" темпе, без ускорения или замедления. При этом *у* в первом заударном слоге испытывает качественную редукцию: [ъ].

В конце фразы, в зависимости от семантической нагрузки, темп может замедляться, что сказывается на растяжении ударного гласного, ср. примеры:[6]

Только зашла в этот [сосн·е̂ак] ([е̂а]–150 *мс*) [а сосн'а́г = от] ([а] – 130 *мс*) *по обе стороны;*

А [л'и̂ез] ([и̂е] – 128 *мс*) *говорит, пригибался к самой* [з'емл'и̂е] [и̂е] – 250 *мс*).

Однако сама по себе позиция конца фразы не создает условий для замедления темпа, ср., например:

Зашла в этот [л'есо́к] ([о́] – 86 *мс*)
Давай, говорит, сделаем [полотну̂о] ([у̂о] – 104 *мс*);
А я родила [до́ц'к'у] ([о̂] – 93 *мс*);
Сёгод ягод будёт [мно́го] ([о́] – 92 *мс*);
Пошла на другой [д·ен'] ([е] – 80 *мс*);
Тут от [ов·е́ц] ([е́] – 96 *мс*) *вот такая выбежала*
И с горбом скотина, пробежала и [з го́рбом] ([о́] –87 *мс*);
Говорю, матушка, я нашла [во́ра] ([о́] – 58 *мс*);
Ну, меня-то дома-то [не́ было] ([е́] – 84 *мс*);
я пришла, поглядела, а нас сухарей-то [н'и̂ету] ([и̂е] –110 *мс*);
Масла намазали на [хл'и̂еб] *да* ([и̂е] – 102 *мс*).

Длительность ударных гласных в замедленных участках фразы может превышать длительность гласных того же тембра из ускоренных участков в произношении одного и того же диктора:

1) [ма́сла] ([а́] – 162 *мс*) // [нама́зал'и] ([а́] – 78 *мс*) *на хлеб да;*
2) *Я сперва-то подумала, что* [ку̂он·еи̯] *пасут;* ([у̂о] – 178 *мс*);
Давай, говорит, сделаем [полотну̂о] ([у̂о] – 104 *мс*);
Наш дом был не оцень-то [хору̂ошый] ([у̂о] – 96 *мс*);
Хлеба дали [хору̂шово] ([у̂о] – 197 *мс*);
Я была сорока пяти [году̂ow] ([у̂о] – 93 *мс*);
Мой Саша стал шести [году̂ow] ([у̂о] – 130 *мс*);

[6] Все примеры из записей говоров Харовского р-на Вологодской обл.

3) *А* [л'ӣес] ([ӣе] – 128 *мс*), *говорят, пригибался к самой* [з'емл'ӣе] ([ӣе] – 250 *мс*);
Он богатее меня, а я [разб'ӣедный] ([ӣе] – 202 *мс*) [цelов'ӣек] ([ӣе] – 90 *мс*);
4) *Ну, меня-то* [до́ма-то] ([о́] – 106 *мс*) *не было;*
Я поехала из [до́му] ([о́] – 140 *мс*);
Вцера видела [сон] ([о] – 86 *мс*);
Свицкя горела на [со́сн'е] ([о] – 136 *мс*);
5) *У ее никогда дров* [н'е^{и} было] ([е^{и}] – 120 *мс*);
Ну, меня-то дома-то [н'е^{и} было] ([е^{и}] – 64 *мс*);
6) *Вот в загороде* [рост·еот] ([ео] – 100 *мс*);
Ранше [пл'еоса] были ([ео] – 319 *мс*);
Какая трава от цего [ид·еот] ([ео] – 119 *мс*);
[пр'ид·еот] *там десять целовек* ([ео] – 85 *мс*);
[ид·еот] *тамо-тка сноха ли мат ли* ([ео] – 102 *мс*);
Полотенце [несеот] ([ео] – 212 *мс*);
7) *Оне только* [сп·еат] ([еа] – 187 *мс*);
[оп·еат] *он пришел* ([еа] – 97 *мс*);
А на этом [пор·еатк·е] ([еа] – 202 *мс*), *а на этом* [пор·еатк'ь] ([еа] – 156 *мс*) *все стекла перелопали от жару;*
А я была видно такая, что не [с'еаду] ([еа] – 194*мс*);
Моего мужа [вз·еал'и] *в армию* ([еа] – 105 *мс*).

Итак, исследование некоторых темпоральных характеристик фразы в севернорусских говорах показало, что:

1. При общем ускоренном темпе речи, свойственном севернорусским говорам, отдельные участки фразы могут проговариваться з а м е д л е н н о. Другие участки, напротив, могут произноситься с еще более у с к о р е н н ы м, чем обычно, речевым темпом.

2. Замедление темпа может затрагивать группу слов, одно слово или только его отдельные сегменты. Иногда замедляется, растягивается только ударный слог, иногда – заударная часть слова (например, при восходящей мелодике, оформляющей завершение неконечной синтагмы).

3. Контраст по длительности между замедленными и ускоренными участками фразы может быть довольно большим; разница в длительности ударных гласных из этих участков может достигать 100% и более.

4. Фразовое варьирование по длительности отмечено у всех гласных.

Как же быть с утверждением о том, что позиция конца фразы – сильная, что здесь "нормально" локализуется фразовое ударение? Это утверждение повторяется из работы в работу и механически переносится на диалектный материал.

Для литературного варианта русского языка объяснение находим в работах Т.М. Николаевой. Согласно ее данным, конечная часть фразы характеризуется замедлением темпа, т.е. более растянутыми временны́ми характеристиками. Однако во фразе выделяется не только конец, но и начало. При этом начало выделено громкостью, конец – темпом. "При слуховом восприятии эти два центра (при компенсации и неразличении параметров) могут казаться равно выделенными: неискушенный слух отмечает "ударение" вообще, не различая, акцентное оно или временное" [61, *155*]. Следовательно, феномен фразового ударения имеет и динамическую, и временную природу.

77340
ИН-ТА
ЯЗ-ТА
www.ruslang.ru

Так обстоит дело в русском литературном языке. К этому следует добавить, что спонтанная речь на русском литературном языке с этой точки зрения не исследовалась.

На материале диалектной севернорусской речи нам не удалось обнаружить непременного замедления темпа речи в конце фразы (возможно, что это свойственно и вообще спонтанной речи, а не только диалектной). Как уже было отмечено, темповое выделение сопровождает информативно значимые компоненты фразы, а их размещение во фразе может быть достаточно произвольным. В ряде случаев они могут оказаться и в конце но это вовсе не обязательно. Так, во фразах: *А лес, говорит, пригибался к самой земле; Так и узнали, что какая трава от цево идет; Там вот сколькё целовек видало, что все свицкя горела; Мой Саша стал шести годов; Отец меня свой жалел; Тут от овец вот такая выбежала и с горбом скотина* заключительные слова замедлены по темпу (что способствует оптимальной реализации ударных гласных в дифтонгах). Это и создает эффект фразового ударения в конце фразы, хотя по интенсивности эти участки достаточно слабы.

Гораздо больший массив составляют фразы, где конечные участки не сопровождаются замедлением темпа:

Говорю, матушка, я нашла вора;
Ну меня-то дома-то не было;
Он богатее меня, а я разбедный целовек;
А в цистой понедельник не было;
Ушли, меня мат стала ругат;
Я все держусь закона, закона;
Я жила со свекровушкой двадцать семь лет;
Масла намазали на хлеб да;
Я пришла поглидила, а у нас сухарей-то нету;
Ну я обрадовалася, что этого вора поймала;
Грибов набрала в корзину;
Им так показалося: страшно;
Ну, вздумали мы вмисте пожыт с ним.

Этой тенденции – не усиливать конец фразы замедлением темпа и не нагружать его фразовым ударением – возможно, отвечает характерное для севернорусских говоров размещение в конце фразы семантически "пустых" слов – частиц, союзов. Ср., например:

В святки что делали дак;
Масла намазали на хлеб да;
А бела-та мука была дак;
Красивые были пироги, пшонишные вот;
Баскиё-то узды и надинет на лошадь-ту;
А уж женщины прядут дак;
Клали это уже на столе уж;
Вот что делалось дак.

Итак, две рассмотренные просодические характеристики фразы – интенсивность и темп – оказываются неравнодействующими и достаточно независимы друг от друга.

Как было показано, дуга силы фразы является, как правило, заданной. Ее трансформации, обусловленные семантикой, все же подчиняются общей закономерности – начало фразы сильное, конец – слабый.

Темп речи представляется более независимым и находится всецело на службе семантики. Информативно важное слово независимо от позиции во фразе выделяется временны́ми характеристиками.

Какие же участки фразы оказываются выделенными с помощью этих характеристик? Иными словами, где следует искать сильные позиции для фонетических явлений?

Часто исследователи связывают акцентную выделенность с проекцией актуального членения на фразу. Однако нередко материал спонтанной речи оказывает сопротивление такому подходу. Это очень аргументированно показано в книге О.А. Лаптевой [59]. Она пишет: "При анализе текста отнесение той или иной части фразы к составу данного или нового производится интуитивно и оставляет возможность иной интерпретации – как в установлении составов, так и в их случайной характеристике. Имеющиеся расхождения не случайны" [59, *248*]. "Думается, что релевантным для единицы актуального членения оказывается только один признак – относительная степень коммуникативной (информативной) нагрузки. В этом смысле компоненты актуального членения принципиально не различаются" [59, *250*].

О.А. Лаптева предлагает по признаку коммуникативной (информативной) нагрузки выделять во фразе к о м м у н и к а т и в н ы й ц е н т р. Таких центров, по мнению исследователя, во фразе может быть несколько. Естественно, что они не связаны между собою отношениями бинарности.

Предложенный О.А. Лаптевой термин "коммуникативный центр" нам представляется весьма удобным и достаточным для обозначения информативно важных участков фразы.

Следовательно, с и л ь н ы м и п о з и ц и я м и для слов в составе фразы оказываются:

1) Н а ч а л о ф р а з ы; фонетические характеристики слова на этом участке выражены ярко, ритмико-динамическая структура реализуется достаточно независимо от просодии фразы, деформаций фонетического облика слова не наблюдается.

2) Р е а л и з а ц и я к о м м у н и к а т и в н о г о ц е н т р а в слове. В этом случае слово может находиться в любом участке фразы. Если коммуникативный центр располагается в конце фразы, то его выделение достигается только темпоральными средствами. При этом нередко выделенным оказывается только ударный слог, или предударная часть слова + ударный слог, а заударная часть может быть фонетически ослаблена и деформирована.

В других участках фразы выделению коммуникативного центра способствуют обе просодические характеристики – и силовая, и темпоральная.

С л а б ы м и п о з и ц и я м и для реализации фонетического облика слова во фразе оказываются к о м м у н и к а т и в н о н е з н а ч и т е л ь н ы е, мало нагруженные информативно участки. Сюда же, видимо, можно отнести и п о в т о р ы. Именно в этих позициях происходят различные деформации фонетических оболочек слов, но в этих деформациях, возможно, таятся ростки будущих фонетических изменений.

ЗАВИСИМОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ НЕВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА ОТ ФРАЗОВЫХ ПОЗИЦИЙ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В этом разделе монографии приводятся результаты исследования реализации гласных неверхнего подъема в разных участках фразы.

Объектом исследования послужили в основном гласные среднего подъема, участвующие в реализации фонологического противопоставления фонем ⟨ω⟩–⟨о⟩ и ⟨Ѣ⟩–⟨е⟩, поскольку звуковые воплощения именно этих фонем располагаются в наиболее широком тембральном диапазоне: "Некоторое растяжение и усиление ударенного гласного в конечных фразовых позициях слова, а также внутри фразы под влиянием ритмико-интонационного фактора менее всего деформирует тембр основного вида г л а с н ы х н и ж н е г о и в е р х н е г о п о д ъ е м а" (разрядка моя. – *Р.П.*). [22, *14*].

Растяжение и усиление ударенных гласных с р е д н е г о п о д ъ е м а с его повышенными и пониженными разновидностями от средне-верхнего до средне-нижнего подъема в отдельных фонетических системах может порождать диалектные различия.

Материал для анализа был выбран из магнитофонных записей Харовского и Биряковского районов Вологодской области, в фонологических системах которых еще живо противопоставление семи гласных фонем.

В этих же говорах отмечена реализация фонем ⟨а⟩ и ⟨о⟩ после палатализованных согласных в виде дифтонгов [e͡a] и [e͡o] (см. [44]). Зависимость фонетических воплощений этих гласных от фразовых условий также стала объектом исследования в данном разделе монографии.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМ ⟨ω⟩–⟨о⟩ ⟨Ѣ⟩–⟨е⟩

В первую очередь интерес представляли колебания тембра гласных неверхнего подъема в разных позициях фразы.

Поскольку исследовались, наряду с монофтонгами, и дифтонги – [ȳo͡], [ие͡], [e͡a], [e͡o], то были рассмотрены также и соотношения их фаз по длительности и по силе в разных участках фразы; эти характеристики в свою очередь сопоставлялись с соответствующими данными относительно монофтонгов.

В сильных фразовых позициях фонемы ⟨Ѣ⟩ и ⟨ω⟩ реализуются в ярко выраженных дифтонгах. Эти позиции как бы способствуют "расцвету" дифтонгической природы гласных. В слабых фразовых позициях, напротив, дифтонги "угнетены", там наблюдается их деградация. В слабых ("темных") синтаксических позициях дифтонги вырождаются в дифтонгоиды и даже в монофтонги.

Проследим сказанное на примерах.

Реализации фонемы ⟨Ѣ⟩ в сильных фразовых позициях:

ff f
А лес, говорит, пригибался к самой земле.
[а л'е́з говр'и́т / пр'иг'иба́лс'е к са́мо̯й з'емл'и͡е]

ff
А это, девушка, доброхотушка[1] *тебе показался.*
[а е́то // д'и͡е́вушка // доброху̯́одушка тоб'и͡е показа̯́wс'е]

[1] *Доброхотушкой* в говорах Харовского р-на называют домового.

f

Я пришла, поглядела, а у нас сухарей-то нету.

[ja пр'ишлá / погл'ид'и̂la // а у нас сухар'е̂и̯ то н'и̂ет

f

Я над тобой цего-то сделала.

[ja нат тобо́и̯ ц'ево́-то зд'и̂elala]

f

Да и то, грех.

[да и то / гр'и̂ех]

ff

В суп свежу клали капусту.

[w суп св'и̂ежу кла́л'и капу́сту]

ff

Лучше нонешних белых запах-то был.

[лу̯ч̄'е но́н'ешн'иɣ б'и̂елых / за́пах-од быw]

f

Она уже поспела.

[она́ уже́ посп'и̂ela]

На моем веку было дело.

[на моjо́м в'еку́ / бы́lo д'и̂elo]

ff

А у хлеба уж побольше.

[а у хл'и̂eба уш побо́лше]

А белыё были толькё на одни праздницки.

[а б'и̂elыjo бы́л'и то́л'к'о на одн'и́ пра́зн'иц'к'и]

При максимально благоприятных фразовых условиях дифтонг [и̂е] ф
тически превращается в полифтонг с плавно переходящими от одного
другому оттенками тембра, охватывающими всю шкалу изменений гласн
го — от верхнего подъема до нижнего. Таким образом, дифтонг [и̂е] ра
вертывается в

и
и̯
е̯
е̯
а̯
а

Замечательно, что такой полифтонг при прослушивании непрепарированной сегментатором спонтанной речи воспринимается как хороший дифтонг [и̂е].

Отмечено также большое количество дифтонгов без такой полной гаммы тембров, т.е. "классических" [и̂е], в таких случаях, как:

В святки что делали дак.

[w св'а́тк'и што д'и̂elал'и дак]

ff

Ну, девушка, доброхотушка я нагляделася.

[ну дие̂вушка / доброху̯ддушка ja нагл'е́д'elac'e]

ff
Нет, муж моложе на год.
[н'йет / муш молуожеа гат]

f
А в лисе дак со всех сторон жили.
[а w л'ис'е дак со w с'йех сторон жыл'и]

fff f
Масла намазали на хлеб да.
[масla намазал'и нА хл'йеб да]

f p
Давай, говорит, сделаем полотно.
[даваи говор'ит /зд'йelам полотнуо]
Отец меня свой жалел.
[от·ец' м·ен·а свои жал'йew]
И только-то? Хорошее дело.
[и тол'к'о-то? хорушоео д'йelo]

В некоторых случаях дифтонг переднего ряда может начинаться не с самой верхней ступеньки подъема и таким образом не вся шкала переходов тембра переднего ряда оказывается охваченной; в таких случаях фонема ⟨ѣ⟩ может реализоваться в гласных [e͡ee̯], [e͡ee̯a] и т.д. (см. об этом также [22, *16*]).

Для восприятия гласного [и͡е] как дифтонга необходимо, чтобы первая его фаза – верхнего подъема – была достаточно длительной. Классическое соотношение фаз дифтонга по длительности – 50% и 50% – при замедленной реализации гласного может быть нарушено в пользу второй фазы. Ср., например, график смены тембра в составе полифтонга из словоформы [з'емл'и͡е]:

и	–	e̯	–	е	–	а
78		30		54		93

Фаза верхнего подъема здесь составляет всего лишь 30% общей длительности гласного, однако абсолютная длительность [и] достаточно велика, чтобы быть заметной при суммарном восприятии гласного.

Более обычным для дифтонга [и͡е] является примерно равное соотношение фаз по длительности, например:

Сухарей-то [н'и͡ету] ([и] – [е] – 65–50 *мс*);
Я [разб'и͡едныи̯] *человек* ([и] – [е] – 102–100 *мс*);
Всё свицкя [гор'и͡ela] ([и] – [е] – 59–60 *мс*);
Отец меня свой [жал'и͡ew] ([и] – [е] – 60–65 *мс*).

При резком нарушении этого равновесия и при отсутствии растяжки дифтонга он воспринимается как обычное [е], т.е. как соответствующий гласный в литературном произношении, который фактически представляет собой дифтонгоид [и͡е]:

Я жила со свекровушкой двадцать семь [л'и͡ет] ([и] – [е] – 40–60 *мс*);
А [л'и͡ес], *говорит, пригибался к самой земле* ([и] – [е] – 44–84 *мс*);
[хл'и͡еба] *дали хорошего* ([и] – [е] – 54–103 *мс*);

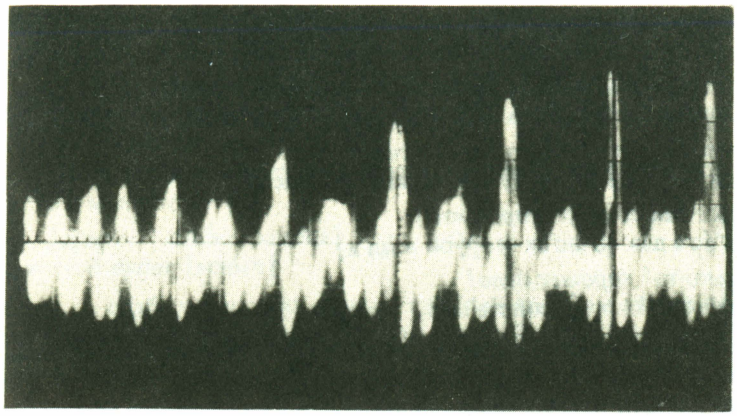

Рис. 13. Осциллограмма дифтонга [и̂е̂] из слова [л'и̂ес]

Дифтонг [и̂е̂], как уже неоднократно указывалось исследователями, принадлежит к категории в о с х о д я щ и х, т.е. распределение силы в его протекании носит нарастающий характер, *и*-образная фаза отличается слабой интенсивностью, более открытая фаза значительно сильнее. Эта динамическая конструкция дифтонга довольно постоянна. Замечательно, что даже в позиции конца фразы, где, как было показано выше, фразовая просодия подавляет словесную, динамика дифтонга [и̂е̂] сохраняет устойчивость. Ср., например:

А лес, говорит, пригибался к самой [з'емл'и̂е̂].

и	е	е̣	а
−3	+2	+3	+1 *дб*

Всё свицкя [гор'и̂е̂la].

и	е
−10	+5 *дб*

См. рис. 13.

Следовательно, в этом своем проявлении говор принадлежит к числу архаических, сохранивших наиболее древние формы дифтонгов с восходящей силовой структурой (см. [22, *31*]).

Совершенно аналогичным образом проявляет себя дифтонг [у̂о̂], в котором реализуется фонема ⟨ ω ⟩. Благоприятные фразовые условия способствуют его превращению в полифонг

у
у
с о̣
о
ǫ̣ а,

воспринимаемый как нормальный дифтонг заднего ряда:

Я сперва-то подумала, что коней пасут.
[ja сп'е́рва-то поду́mala што ку̂он· е̣и̯ пасу́т]

Я сама пришла корову доить. Дою корову.
[ja сама пр'ишлá // корýowy дойт // дojý корýowy]

Так вот сколько человек видало, что все свицка горела
[так вот скýол'ке ц'elов'ék в'идálo што // фс'о св'и́ц'к'а гори́ela]

Я так вот десять годов отжила в селе
[jа́ дак вот / д éс'ет' годýow / оджыла́в л'и́с'е]

А в лесе дак со всех сторон жили
[а в л'и́с'е дак со фс'ех сторýон жы̯л'и]

И только-то? хорошее дело!
[и тол'ко-то? хорýошоио д'и́elo]

Во всех приведенных примерах дифтонг [ýo] реализуется оптимальным образом, со всеми оттенками тембра заднего ряда.

В ряде случаев внешне благоприятная фразовая позиция не сопровождается необходимыми просодическими характеристиками, т.е. либо темп речи, либо интенсивность этого участка фразы не способствуют реализации дифтонга в оптимальном виде, в результате чего дифтонг приобретает несколько усеченный характер[2].

Такие неполностью реализованные дифтонги наблюдались в следующих случаях:

1. *Давай, говорит, сделаем полотно.*
[дава́д / говори́т / [зд'élам полотнýo] ([у] – [о] – 39–65 *мс*).

2. *Вот это какой доброхотушко-то*
[во́т ето коко́й доброхýодушко-то] ([у] – [о] – 52–78 *мс*).

3. *Теперь нет отводов*
[топ'ép' н'и́ет отводýow] ([у] – [о] – 42–60 *мс*).

Во всех случаях слова, завершающие фразу, были произнесены тихо и ускоренно. Дифтонги, выступающие в них под ударением, были реализованы в усеченном виде: [ýo], без полного скольжения гласного по шкале тембра заднего ряда.

При таком соотношении фаз верхнего и неверхнего подъема гласного он все же воспринимается как дифтонг. Видимо, важную роль при восприятии играет соотношение двух фаз дифтонга по силе. Восходящий характер динамической структуры [ýo] сохраняется постоянно, даже при неблагоприятных фразовых условиях. В конце фразы, например, наблюдается такое соотношение фаз дифтонга по силе:

Мой Саша стал шести [годýow]:	у	о	о
	56	53	41 *мс*
	–4,5	+3	+2 *дб*

---

[2] Ср. по этому поводу рассуждение С.С.Высотского: "... для большинства северно-русских говоров, сохраняющих фонемы /ω/, /ѣ/ как дифтонги, конститутивным признаком последних можно считать только скольжение тембра гласного от верхнего подъема до среднего, или только в части этой области (разрядка моя. – *Р.П.*), при условии, чтобы один из двух основных тембральных компонентов дифтонга не был слишком краток по сравнению с другим и чтобы переход между ними не сопровождался резким изменением силы звука" [22, *30*].

А здесь был дом [хору͡о̂шыи̯]:

у	о
50	80 *мс*
−18	−12 *дб*

Распределение силы в пределах дифтонга [у͡о̂] можно видеть на осциллограммах, приведенных на рис. 14, 15.

В слабых фразовых позициях наблюдается деградация дифтонга, превращение его в монофтонг [о]:

Я все держусь [зако́на, зако́на].
Сёгод ягод будет [мно́го].

Иногда, в слабых участках фразы, гласный деформируется настолько, что произносится как редуцированный неясного тембра, например:

Оцень даже [хъ ръ шъ́]
−4 −15 −25 *дб*

Слово произнесено на нисходящей дуге силы, все его гласные испытали качественную редукцию, но самый слабый из них и "темный" по тембру – конечный ударный. Это яркий пример торжества фразовой просодии над словом.

Итак, фонема ⟨ѣ⟩ реализуется в сильных фразовых позициях в дифтонге [и̯е̂], который в свою очередь имеет широкий спектр тембральных градаций; в слабых фразовых позициях фонема реализуется в дифтонгоиде [и̯̂е], тождественном тому, который произносится в литературном варианте русского языка.

Фонема ⟨ѡ⟩ реализуется, в зависимости от позиции во фразе, то в дифтонге [у͡о̂], то в дифтонгоиде [у̯̂о̂]. В самых слабых позициях наблюдается полная деформация гласного, вплоть до редуцированного [ъ].

Исследование дифтонгов в вологодских архаических говорах было бы неполным, если бы мы их не сравнили с аналогичными гласными в южнорусском говоре[3].

Материал для анализа выбирался из магнитофонных записей от двух информантов, представляющих разные наречия русского языка: Нины Леонидовны Лопатиной (51 год) из д. Мишутиха Харовского р-на Вологодской обл. (запись сделана в 1971 г. Л.Л. Касаткиным) и Александры Павловны Панкрашкиной (57 лет), из д. Бояновича Хвастовичевского р-на Калужской обл. (запись произведена в 1956 году С.С. Высотским).

Оба эти говора, принадлежащие к разным наречиям русского языка, характеризуются рядом архаических черт. И в южнорусском, и в севернорусском говоре выступают под ударением семь гласных фонем. Ряд архаических особенностей наблюдается и в системе консонантизма – наличие полумягких согласных в определенных позициях, сохранение билабиального [w] в соответствии с *в* литературного языка и т.п.

Кроме того, сходство между этими говорами заключается также и в том, что в соответствии с некоторыми монофтонгами русского литературного языка в этих говорах произносятся дифтонги. Этим обстоятельством и определялся наш выбор для исследования именно этих говоров.

Дифтонгические гласные, как совпадающие в обоих говорах, так и различающиеся, мы выбирали из записей спонтанной речи.

[3] Об этом см. также [90].

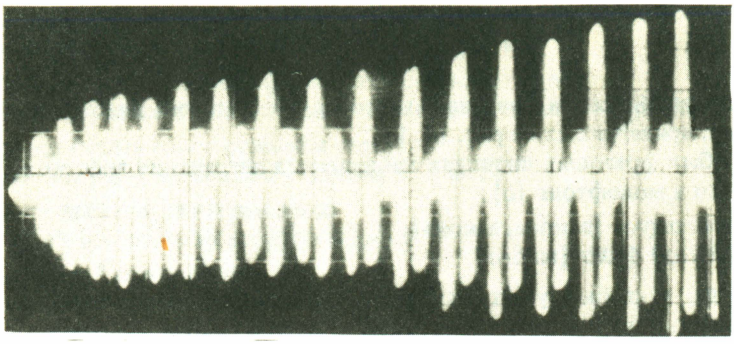

Рис. 14. Осциллограмма дифтонга [у͡о] из слова [году͡ow]

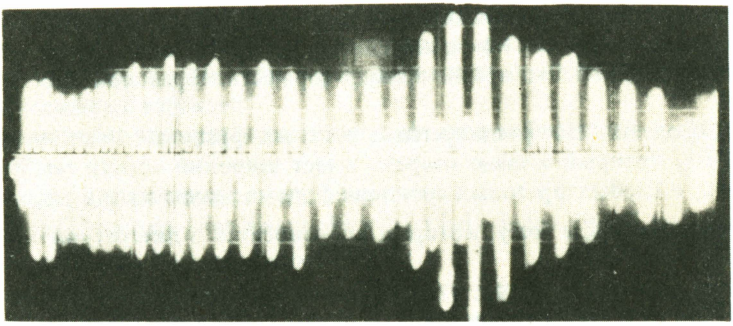

Рис. 15. Осциллограмма дифтонга [у͡о] из слова [хору͡шыи̯]

Прослушивание материала с помощью сегментатора позволило выявить следующее различие между севернорусским и южнорусским говорами: первая фаза дифтонга в севернорусском говоре, как правило, короче остальной части или примерно равна ей, а в южнорусском говоре первая фаза, как правило, длительнее остальной фазы дифтонга.

Вот характерные примеры:

Таблица 1

‹Ѣ› в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[д'и̯ѣтк'и] – *детки*	и – е	75 – 77	49–51
[л'и̯ѣто]–*лето*	и–е	64–88	42–58
[w'и̯ѣч'но]–*вечно*	и–е	89–84	51–49
[мн'и̯ѣ]–*мне*	и–и̯–е	75–36–104	34–18–48
[н'и̯ѣт]–*нет*	и–е̯–е	133–130–69	40–39–21
[с'и̯ѣw]–*сел*	и–е̯–е	46–42–47	34–31–35
[гowор'и̯ѣla]–*говорила*	и–е–э	96–70–36	48–35–17

Таблица 2

⟨ѣ⟩ в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[д'и̯ет'и]–*дети*	и–е	85–63	57–43
[л'и̯ет]–*лет*	и–е	102–90	53–47
[таб'и̯е]–*тебе*	и–е	104–62	63–37
[п'ир'ид'и̯елавъит']–*переделывает*	и–е	92–52	64–36
[к'илам'и̯етръф]–*километров*	и–е	76–58	57–43
[д'и̯ewc'а]–*делся*	и–е	84–76	53–47
[б'и̯елыи]–*белые*	и–е–а	162–60–65	56–21–23

Таблица 3

⟨ω⟩ в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[году͡ow]–*годов*	у–о	48–72	40–60
[на ру͡один'е]–*на родине*	у–о	70–80	47–53
[golу͡одныи]–*голодный*	у–о–ъ	67–67–52	36–36–28
[топу͡ор]–*топор*	у–о̣–о	60–52–93	29–25–46
[бату͡ок]–*батог*	у–о̣–о	80–31–80	42–16–42
[поту͡ом]–*потом*	о̣–о	55–50	52–48
[холу͡одныи]–*холодный*	о̣–о	72–65	52–48
[с колу͡откои]–*с колодкой*	у–о	69–60	53–47

Таблица 4

⟨ω⟩ в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[пр'испасу͡оп']–*приспособь*	у–о	76–50	60–40
[тру͡оик'еа]–*тройка*	у–о	71–55	56–44
[кату͡оръи]–*который*	у–у̯–о	79–36–79	41–18–41
[карту͡ошка]–*картошка*	у–у̯–о		
[п'ис'му͡о]–*письмо*	у–у̯–о	78–47–57	43–26–31
[малаку͡о]–*молоко*	у–у̯–ъ	99–41–60–50	39–16–24–21
[твају͡о]–*твое*	у–у̯–о	91–58–71	41–26–33
[прашлу͡о]–*прошло*	у–у̯–о	78–45–76	39–23–38
[харашу͡о]–*хорошо*	у–у̯–о–а	135–34–55–73	45–11–18–26

Противопоставленные фонемам ⟨ѣ⟩ и ⟨ѡ⟩ фонемы ⟨е⟩ и ⟨о⟩ в сильных фразовых позициях реализуются в ярко выраженных монофтонгах [е] и [о] – однородных гласных без начального элемента верхнего подъема, или с этим элементом, но сравнительно кратким. Ср. примеры:

Тут от овец вот такая выбежала и с горбом скотина.
[тут от ов'е́ц" // вот така́а вы́б·ежаla / и з го́рбом скот·и́на]

Пошла на другой день.
[пошла́ на друго́и д·ен]

Пошла в этот лесок.
[пошла́ в' е́тот л'^е^ис́о̯к]

Скотина с горбом дак.
[скот·и́на з го́рбом дък]

И тут у нас сосняк по обе стороны.
[и тут у нас // сосн·а́к по о̯б'е сто̯́роны]

Свицкя горела на сосне.
[св'и́ц'к'а гор'и̯е̂la на со̯́сн'е]

В этих примерах слова с фонемами ⟨о⟩, ⟨е⟩ под ударением были произнесены громко, отчетливо, в замедленном темпе и несли на себе фразовое ударение. Фонемы ⟨о⟩ и ⟨е⟩ были реализованы в виде отчетливо выраженных монофтонгов [о̯] и [е].

Были получены следующие характеристики длительности этих монофтонгов:

[з го́рбом]	([о̯́] – 112 *мс*)
[д·е́н]	([е] – 80*мс*)
[л'есо̯́к]	([о̯] – 86 *мс*)
[сто̯́роны]	([о̯] – 133 *мс*)
[на со̯́сн'е]	([о̯] – 126 *мс*)
[от ов·е́ц"]	([е] – 96 *мс*)

Однако в наиболее благоприятных позициях, например при эмфатическом произнесении, и эти гласные могут быть реализованы как дифтонги, но дифтонги, "обратные" по отношению к тем, в которых воплощаются фонемы-корреляты ⟨ѣ⟩ и ⟨ѡ⟩. Итак, в соответствии с фонемами ⟨е⟩ и ⟨о⟩ возможны, при благоприятных фразово-интонационных условиях, дифтонги, которые здесь мы условно обозначим как ⟨е̂й⟩ и ⟨о̂у⟩.

Это явление, наблюдающееся также в архаических южнорусских и среднерусских говорах, было описано С.С. Высотским в работах [20, 23] на материале рязанского говора.

В наших записях эти "обратные" дифтонги фиксировались довольно последовательно при эмфатическом произнесении.

Ср. примеры:

А в чистый понедельник не было.
[а w ц'и́сто̯и̯ пон'ед·е́л'н'ик н·е̂й былo]

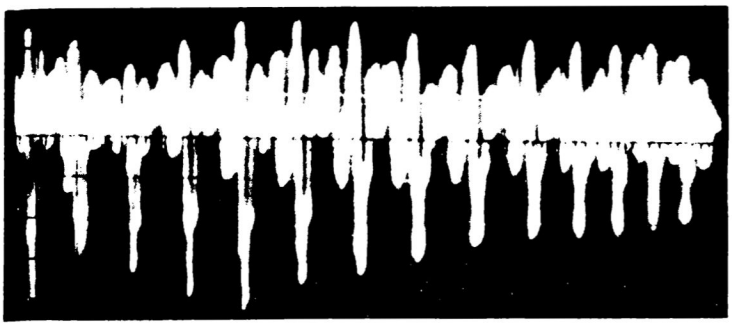

Рис. 16. Осциллограмма дифтонга [о̀у] из слова [го̀ут]

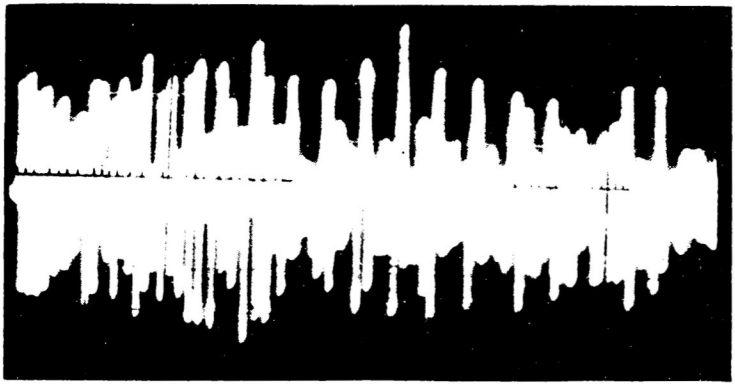

Рис. 17. Осциллограмма дифтонга [е̂й] из слова [не̂й было]

Машины туда нет, не было.
[н'е́^{и} было[4]]

Я поехала из дому.
[ja пое́xala из до̀^{у}му]

Ходишь по лесу,
[хуо̀д'иш по̀^{у} л'^{е}су]

Не сама я к вам залетала.
[н'е сама́ ja к вам́ зал'е́^{и}tala]

До прошлого году
[до про́шloo го̀^{у}ду]

Часика по три,
[ц'а́с'ика по̀^{у} тр'и]

У кажного своя лошадь.
[у ка́жноо своjа lо̀^{у}шат']

[4] Отрицательная частица *не* в говорах особенно часто получает эмфатическое усиление. Это наблюдается и в литературной разговорной речи, где эта частица может даже получать дополнительное ударение.

Небо да вода, небо да вода.
[н'е^{и}бо да вода́ // н'е^{и}во да вода]

Прослушивание этих обратных дифтонгов с помощью сегментатора позволило выявить любопытную картину. Оказалось, что фаза верхнего подъема, завершающая дифтонг, может быть весьма скромной по длительности: всего 30–40 *мс*. Это очень мало по сравнению с длительностью первой фазы, среднего подъема, – 80–100 *мс*. Оба дифтонга – [е͡й] и [о͡у] – обнаружили полное сходство в этом отношении. Воспринимаются же эти квазидифтонги как настоящие дифтонги. Очевидно, это связано с тем, что при таком развертывании динамики тембра оказывается нарушенным стереотип скольжения тембра гласного в русском литературном произношении: ведь обычно наблюдается "сползание" гласного под ударением по подъему, если этому не препятствуют комбинаторные условия. В случае произношения "обратного" дифтонга такое привычное протекание гласного нарушается, и поэтому даже короткий сегмент верхнего подъема воспринимается как полноправный компонент дифтонга.

Силовая структура этих дифтонгов – нисходящая. Начало сопровождается сильной атакой, к концу интенсивность падает. См. осциллограммы на рис. 16, 17.

Прослушивание примеров с дифтонгом [е͡й] с помощью сегментатора дало следующие результаты, сходные для севернорусского и южнорусского говора:

Таблица 5

Севернорусский говор

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[не^{и}куды]–*некуда*	е–и	73–50	60–40
[от^{и}ц]–*отец*	е–и	77–53	59–41
[ц'е^{и}тв'еро]–*четверо*	е–и	75–46	62–38
[не^{и}коўда]–*некогда*	е–и	92–52	64–36
[не^{и}было]–*не было*	е–и	111–63	64–36
[не^{и}было]–*не было*	е–и	104–43	71–29
[овец']–*овец*	е–и	90–50	65–35

Таблица 6

Южнорусский говор

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[н'^{и} была]–*не было*	е–и	82–67	55–45
[н'е^{и} была]–*не было*	е–и	99–58	63–37
[м'ине^{и}]–*мене́* (р. ед)	е–и	93–55	63–37
[драв'е^{и}ц]–*дровец*	е–и	186–63	75–25
[кан'е^{и}ц]–*конец*	е–и	150–39	79–21

Как видно из приведенных цифр, фаза верхнего подъема [и], завершающая "обратный" дифтонг, может быть достаточно краткой: 30–40% общей длительности дифтонга. И севернорусский, и южнорусский материал демонстрируют в этом отношении поразительное единообразие.

Еще больше неожиданного оказалось в дифтонгических реализациях фонемы ⟨о⟩. Фонема ⟨о⟩ после этимологически твердого согласного обычно реализуется монофтонгом [o̯]. При эмфазе может появляться звук неоднородного тембра. Аудиторы этот звук часто определяли как [о͡у] или [о͡ў]. Так же определяли этот звук и мы, когда отбирали примеры для анализа. Однако при прослушивании на сегментаторе ни в одном из отобранных примеров из обоих говоров не оказалось конечного сегмента верхнего подъема.

Все эти примеры можно разбить на следующие группы.

1. В гласном наблюдается незначительное повышение подъема к концу: от [о] к [o̯] в севернорусском говоре и от [o̯] к [о] в южнорусском.

Таблица 7

[о͡о̯] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[го͡о̯т]–*год*	о–o̯	161–61	73–27
	[кбо̯л'а]–*Коля*	о–o̯	225–110	67–33
	[г до̯му]–*к дому*	о–o̯	118–84	53–47
	[зо̯ото]–*золото*	о–o̯	120–70	64–36
ю.-р. говор	[до̯о͡ч']–*дочь*	o̯–о	80–50	61–39
	[бро̯ос'ил'и]*бросили*	o̯–о	92–52	64–36
	[сто̯о͡рожъм]–*сторожем*	o̯–о	78–45	65–35

2. Подъем и лабиализованность гласного на всем его протяжении остаются неизменными, а ослабляется интенсивность конечного сегмента:

Таблица 8

[о͡о̯] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[до̯о͡с'а]–*Дося*	о–o̯ (слаб.)	88–51	63–37
	[до̯о͡с'у]–*Досю*	о–o̯ "	76–86	47–53
	[из до̯о͡му]–*из дому*	о–o̯ "	100–50	67–33
	[кбо̯л'к'а]–*Колька*	о–o̯ "	82–59	58–42
	[со̯о͡wушка]–*совушка*	о–o̯ "	78–38	67–33
ю.-р. говор	[w по̯л'ъ]–*в поле*	о–o̯ "	95–67	59–41
	[в до̯о͡ску]–*в доску*	о–o̯ "	122–47	72–28
	[плато̯о͡к]–*платок*	о–o̯ "	97–59	62–38

3. Происходит ослабление и делабиализация конечного сегмента гласного:

Таблица 9

[о͡ʌ] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[ко͡ʌл'к'а]–*Колька*	о–ʌ	80–40	67–33
	[по͡ʌ тр'и]–*по три*	о–ʌ	65–65	50–50
ю.-р. говор	[во͡ʌ р]–*вор*	ǫ–о (сл.) –ʌ (сл.)	110–66–37	52–31–17
	[што͡ʌ ты]–*что ты*	ǫ–о (сл.) –ʌ (сл.)	143–65–58	54–24–22

4. Наблюдается обратное явление: начало гласного нелабиализовано, а конец лабиализуется:

Таблица 10

[ʌ͡о] в с.-р. говоре

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[дʌ͡ома]–*дома*	ʌ –о	75–105	42–58
	[стʌ͡ога]–*стога*	ʌ –о	88–110	44–56

5. На протяжении гласного наблюдается значительное понижение тона с одновременным ослаблением интенсивности:

Таблица 11

[о͡о̯] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[до͡о̯м'ик]–*домик*	о (выс. тон) –ъ^{о} (сл. низк. тон)	75–62	55–45
ю.-р. говор	[п'ит'со͡о̯т]–*пятьсот*	о (выс. тон) – о (сл. низк. тон)	122–47	72–28

Почему же эти разнообразные случаи реализации ⟨о⟩ воспринимаются аудиторами как неоднородный гласный типа [о͡ʸ], хотя ни в одном из этих случаев нами не обнаружен сегмент типа [у]? Ответ на этот вопрос, возможно, заключается в следующем. Незначительное повышение подъема может переоцениваться аудиторами при восприятии. Такая же переоценка может происходить при появлении лабиализации в конечном сегменте гласного при его ослаблении, так как [у] отличается от [о] и большей лабиализацией, и меньшей собственной интенсивностью (см. [34, *182*]).

Таблица 12

Реализации гласных среднего подъема в зависимости от фазовых позиций

Фонема	Позиция во фразе	
	сильная	слабая
ω	[у̂о]	[у̂о] [о] [о] [ъ]
о	[o̯] [о̯о̯]	[o̯] [у̂ъ] [о] [ъ]
ѣ	[ие̂]	[и̂е̯] [е] [е]
е	[е] [е̂и]	[и̂е̂] [е]

Эти особенности в реализации дифтонгов можно было выявить только с помощью сегментатора.

Что же происходит с фонемами ⟨о⟩, ⟨е⟩ в слабых фразовых позициях? Судя по нашему материалу, они реализуются в дифтонгоидах [у̂о], [и̂е], подобных тем, которые произносятся в русской литературной речи. Ср. примеры из говоров Харовского р-на:

Вот как в [д'ер'и̂е̯вн'е];

Теперь уж двадцать [шест у̂о̯и̯] *год вдовая*;

Пред сенокосом день, Иванов [д'и̂е̯н];

Да и у него родителей-то никого [н'и̂е̯ было];

Но знаешь от [л'у'д'и̂е̯и̯] *тоже слыхала*;

Положат песку, и с [п'ес у̂о̯м] *намнут*;

И обваливают уж этой [мук у̂о̯и̯].

Впрочем, в некоторых случаях эти гласные в слабых позициях сохраняют свою монофтонгичность, жертвуя лишь длительностью:

А свекру моему было сорок три [го́да] ([о̯] – 70 *мс*);

Говорю, матушка, я нашла [во́ра] ([о̯] – 58 *мс*);

Ну, я обрадовалася, что этого [во́ра] *поймала* ([о̯] – 68 *мс*);

Зашла я в этот [л'есо́к] ([о́] – 80 *мс*);

На другой [д'ен] *он приходит* ([е] – 80 *мс*).

Как было показано выше, в гласных [у̂о] и [и̂е] могут реализоваться также и фонемы ⟨ω⟩ и ⟨Ѣ⟩ в слабых фразовых позициях.

Все реализации гласных среднего подъема в исследуемых говорах могут быть представлены табл. 12.

Из табл. 12 видно, что слабые фразовые позиции создают условия для нейтрализации ⟨ω⟩–⟨о⟩ и ⟨Ѣ⟩–⟨е⟩. Можно представить, что именно таким был путь отхода от древней системы, различающей семь гласных фонем в большинстве говоров русского языка, включая те, которые легли в основу современного литературного языка.

При этом разнообразие фонетических реализаций фонем среднего подъема в слабых позициях дает основание предполагать, что возможна дальнейшая классификация этих позиций.

Видимо, возможно и дальнейшее разделение сильных позиций на просто сильные и эмфатические, в которых фонемы ⟨о⟩, ⟨е⟩ реализуются в дифтонгах [о̯о̯], [е̂и].

Реализация ⟨ω⟩–⟨o⟩ в абсолютном начале слова

Для противопоставления фонем ⟨ω⟩–⟨o⟩ важна также еще одна позиция в слове, которая раньше не привлекала специального внимания исследователей. Это – позиция абсолютного начала слова. Данная позиция достаточно редка, в спонтанной речи ее встретить чрезвычайно трудно[5]. Обнаружить это явление нам помог счастливый случай – нашего основного информанта в д. Полутиха звали Ольгой (Ольга Ивановна Фокина). Артистичная по натуре, эта женщина в своих устных импровизациях нередко передавала речь других лиц, реплики, обращенные к ней. Поэтому разные формы имени *Ольга* довольно часто встречаются в наших записях. Встречаются они и в абсолютном начале фразы, преимущественно в звательной форме, например: "*Оль*, ты идешь?", "*Оль*! – Я говорю: што? – Пойди сходи по Николая!" и т.п.

Во всех этих случаях началу гласного предшествовал консонантный элемент типа смычно-гортанного согласного: [ʔo̯л'а], [ʔo̯л'], [ʔo̯л'га], [ʔo̯л'г'а]. Это наблюдение было проверено на других словах с фонемой ⟨o⟩ в начальном неприкрытом слоге: *окна, окунь, озеро*. Информанты произноси́ли их также с начальным смычно-гортанным согласным: [ʔó̯кна], [ʔó̯кун'], [ʔó̯з'оро].

На осциллограммах ясно виден смычно-гортанный глухой согласный, начинающий слово: "щелчок" взрыва и нерегулярный высокочастотный шум, предшествующий периодическому рисунку гласного.

Наряду с другими словами с начальным *о* информантам было предложено слово *он*. В произношении этого слова ничего необычного обнаружено не было, смычно-гортанный приступ перед гласным отсутствовал. Это местоимение нередко начинает собою фразу и оказывается таким образом в позиции абсолютного начала: "Он пришел и говорит", "*Он* тут проходит сутки, его возьмут, сольют через решето", "*Он* и просит придти" и т.д. Ни в одном из приведенных примеров начальной гортанной смычки обнаружено не было.

Этому явлению можно предложить следующее объяснение. Возможно, что в современных говорах, сохраняющих различие фонем ⟨ω⟩–⟨o⟩, есть слова с начальным *о* в корне, не участвующие в этом противопоставлении. И одним из таких слов является местоимение *он*.

Наше исследование зависимости сегментной фонетики слова от фразовых условий показало, что противопоставление фонем ⟨ω⟩–⟨o⟩ в полной мере может выявиться лишь в сильных фразовых позициях. А такими для слова оказываются позиции под фразовым ударением или каким-либо другим акцентным усилением. Иными словами, только слово, оказывающееся во фразе коммуникативным центром, может оптимальным образом выявить свои фонетические потенции. Сильная фразовая позиция способствует "расцвету" дифтонгов, четкой реализации гласных безударных слогов и т.д. Слова, оказывающиеся в "теневых" позициях фразы, могут произноситься "скомканно", кое-как, с редукцией безударных слогов (даже в севернорусских говорах!), с гласными неясного тембра под ударением. И совершенно очевидно, что существуют целые категории слов,

[5] Следует иметь в виду большую спаянность слов в пределах синтагмы; вот почему позиция абсолютного начала слова так редка – она по существу совпадает с позицией начала синтагмы.

в первую очередь служебных, но, видимо, и не только служебных, которые никогда не получают акцентного усиления.

К таким словам, по-видимому, относятся в исследуемом говоре личные местоимения *он, она, оно.* Местоимение *он* в прослушанных нами текстах может быть либо проклитикой (он пр'ишów), либо энклитикой (пр'ишów он). Не имея самостоятельного ударения на *о*, это слово и не произносится со смычно-гортанным приступом перед гласным.

В истории языка можно найти аналогию этому факту. Известно, что в праславянском языке слова по отношению к ударению могли быть разделены на 2 класса: 1) основной класс и 2) клитики. Основной класс составляли ортотонические слова и энклиномены (слова, склонные не иметь самостоятельного ударения); клитики включали проклитики и энклитики (см. об этом, например, [31]).

Можно предположить, что в современных вологодских говорах есть категории слов, ведущих себя по отношению к ударению так же, как энклиномены в праславянском языке.

Итак, начальное ⟨о⟩ под ударением произносится с согласным [ʔ]. Этот консонантный элемент может рассматриваться как заместитель древнего высокого тона[6] или как след прежнего нисходящего ударения.

В противоположность этому старое *о* под восходящим ударением, которому в современных говорах соответствует фонема ⟨ω⟩, в позиции абсолютного начала развивает консонантную протезу типа *в*. Ср. примеры *вóтчим, вóстрый, вóбла, вóльха, вóспа* и т.д. Примеров такого рода довольно много, и они достаточно хорошо известны[7].

Следовательно, древнее противопоставление по тону: *о* под нисходящим ударением – *о* под восходящим ударением в начале слова в современном вологодском говоре трансформировалось в противопоставление по тембру начальных слогов с консонантными протезами: [ʔǫ] – [во] : [ʔǫл'г'а] – [вóл'х'а]. При этом заслуживает внимания тот факт, что монофонемное противопоставление ⟨о⟩–⟨ω⟩ трансформировалось по существу в противопоставление слогов [ʔǫ] – [вǫ], поскольку, несмотря на возникшие консонантные протезы, гласные фонемы имеют разные реализации: [ʔǫ] – [во].

"Обратные" дифтонги типа [о͡ǫ] *и этимологические гласные*

Сплошное прослушивание записей спонтанной речи говора позволило заметить, что "обратные" дифтонги заднего ряда (*о*-образные) произносятся преимущественно в соответствии с этимологическим **о* под нисходящим ударением[8]. На месте старого **ъ* нам удалось отметить лишь единичные случаи произношения обратных дифтонгов.

---

[6] См. по этому поводу наблюдения Вяч.Вс. Иванова в работах [41, 42].

[7] В наших примерах встретились также единичные случаи трансформации [у͡о] > [вǫ] внутри слова: [ку͡он'] > [квǫн'], [ду͡обрыи] > [двǫбрыи], [ху͡оч'ем] > [хвǫч'ем].

[8] О том, насколько редко можно встретить дифтонг [о͡ǫ] в спонтанной речи говора, может свидетельствовать такой пример. В следующем отрывке текста: *Бери с собой* [*ико͡ну*]// [икону] *пущай берет этот / бери* [ико́ну] *ты / и хлеб ты // С этой / с петухом / с хлебом и* [с' ико́ноu] *приходишь домой / в избу ...*, слово *икона*, произнесенное четыре раза, лишь один раз было реализовано с дифтонгом [о͡ǫ]. Это было первое произнесение, слово было эмфатически выделено, такое произнесение и вызвало к жизни дифтонг. В остальных случаях в соответствии с фонемой ⟨о⟩ был произнесен монофтонг [ǫ].

В следующих словах с *о под нисходящим ударением были произнесены дифтонги (примеры даются в орфографической записи):

год, Дося (уменьш. от *Досифей*), *икона, дом, лошадь, солод, ночкой, дожили, роспись, по три, воду, с ложки, три года, угрозы, бросим, подал, золото, попусту, бродом, лось, Коля.*

Только в двух словах: *квасок* и *сотня*, где фонема ⟨о⟩ восходит к *ъ, было отмечено произношение дифтонгического гласного.

Эти наблюдения позволяют предположить, что в современных вологодских говорах, обследованных нами, сохраняется след древнего различия *о под нисходящим ударением и *ъ. Впрочем, выявляется это различие только в редких фазовых позициях, при эмфазе. К тому же случаи произношения дифтонгов на месте *ъ, хотя и единичные, свидетельствуют о том, что эта реликтовая черта угасает.[9]

Функционирование фонем ⟨ω⟩–⟨о⟩ в речи

Может сложиться впечатление, что в харовских говорах реализации фонем ⟨ω⟩–⟨о⟩ в сильных фазовых позициях строго разграничены и смешения этих фонем не происходит. В действительности это не совсем так.

При довольно последовательном разграничении сфер употребления этих фонем, очерченных в классических работах О. Брока [14] и Л.Л. Васильева [18], в современных харовских говорах все же наблюдаются случаи "вторжения" реализаций фонемы ⟨ω⟩ в зону ⟨о⟩ и наоборот. Однако и в этих исключениях из правил можно проследить определенные закономерности.

И в наше время в архаических говорах, к каким принадлежат говоры Харовского р-на, можно выделить большие пласты лексики и ряд морфологических категорий, где противопоставление фонем ⟨ω⟩–⟨о⟩ сохраняет свою устойчивость.

Прежде всего сюда следует отнести слова с полногласными сочетаниями *-оро-, -оло-*. При ударении на первом гласном сочетания в этих словах последовательно выступает фонема ⟨о⟩, при ударении на втором – фонема ⟨ω⟩: *во́рон–ворώна, бо́рону–борώнят, во́лок–волώцит, во́лость–волώстку, го́род–огорώд, сто́рону–сторώнушка* и т.д.

Кроме того, фонема ⟨ω⟩ последовательно выступает в следующих случаях:

1. В окончаниях *-о́* им., вин. п. существительных среднего рода: *селώ, ведрώ, окнώ, стеклώ, винώ* (исключение – *рождество*). Новые слова типа *пальтώ, кинώ* подравниваются под эту модель.

2. В наречиях на *-о́*: *далекώ, хорошώ, светлώ, теплώ, темнώ* и т.д.

3. В окончании *-о́в* род. п. мн.ч. существительных м.р.: *годώв, столбώв, снопώв, клопώв* и т.д.

4. В окончании *-о́й* род., дат., тв. и предл. п. прилагательных ж.р.: *к роднώй (сестре), у худώй (избы), с толстώй (бабой)* и т.д.

5. В окончаниях прилагательных *-о́е, -о́го, -о́му*: *плохωе, другωе, любωе, грудноωго, парноωго, сухωму, такωму, чужωму* и т.д.

6. В суффиксе *-о́к-* прилагательных: *ширωкий, ширωк, глубωкий, глубωк* и т.д.

---

[9] В ю.-р. говоре (калужском) обратные дифтонги были отмечены и в соответствии с *ъ.

7. В суффиксе *-ов-* прилагательных и производных от них словах (отчествах, фамилиях): *готѡвый, сурѡвый* и т.д.; *отцѡв, Фролѡв* (день), *Петрѡв; Смирнѡв, Башмакѡв, Шадрѡва, Чистякѡва* и т.д.; *Петрѡвич, Петрѡвна, Мелякѡвна* и т.д.

8. В притяжательных местоимениях: *мѡй, твѡй, свѡй.*

9. В местоимении *тѡт.*

Фонема ⟨о⟩ последовательно отмечена в следующих случаях:

1. В словах с приставками *по́-, до́-, про́-*: *про́дали, до́жили, по́мер, по́греб, по́дали* и т.д.

2. В существительных с суффиксом *-о́к-* и производных от него: *кусок, кипяток, квасок, носок, колосок* (исключение – *потолѡ́к*); *кусочек, песочек* и т.д.

3. В существительных на *-о́вь*: *кровь, морковка, свекровушка, золовушка.*

4. В окончании *-о́м* тв. п. существительных м.р.: *песком, молотком, мужиком, вечерком* и т.д.

5. В окончании *-о́й* + в.п. существительных ж.р.: *рукой, женой* и т.д.

Во всех перечисленных случаях не было отмечено смешения фонем ⟨ѡ⟩ и ⟨о⟩ в сильных фразовых позициях.

Однако в целом ряде форм наблюдалась непоследовательность в употреблении фонем ⟨ѡ⟩–⟨о⟩:

1. В окончании *-о́й* им., вин. п. прилагательных мужского рода: при преобладающих формах типа *другой (день), родной (брат), лихой (человек), страшной (сон), сизой (голубь), худой (двѡр), баской (выряд)* и т.д. были отмечены примеры: *роднѡй-от батюшко, островнѡй (лес), основнѡй (праздник).*

2. В окончании *-о́м* предл. п. ед. ч. прилагательных м. и с.р.: *(на) любѡм* и *любом (месте), (на) шестѡм* и *шестом (году), (в) семѡм* и *семом (классе).*

3. В окончании *-о́* глаголов пр. вр. ср. р.: при преобладающих формах *унеслѡ, затяслѡ, вошлѡ, нарослѡ* и т.д. были отмечены случаи *пошло, наросло.* В тех же формах глаголов, но с возвратным постфиксом *-сь, -ся* нам встретились только случаи с фонемой ⟨о⟩: *собралось, пришлось, оторвалось.*

4. В местоимениях *что* и *кто* была отмечена фонема ⟨о⟩, без исключений. При этом в произношении местоимения *то* наблюдались колебания: *(за) тѡ* и *(за) то.*

5. Смешение фонем ⟨ѡ⟩ и ⟨о⟩ постоянно наблюдалось в формах род. п. местоимений: *никого* и *никогѡ, его* и *егѡ, сего* и *сегѡ, чего* и *чегѡ.*

6. Колебания в употреблении фонем ⟨ѡ⟩ и ⟨о⟩ отмечены также в следующих словах: *тѡже* и *тоже, мнѡго* и *много, стѡлько* и *столько, мѡжно* и *можно, завѡд* и *завод, закѡн* и *закон, Кѡстя* и *Костя, со́сну* и *сѡсну.*

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМ ⟨а⟩, ⟨о⟩ ПОСЛЕ НЕТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ

В исследуемых говорах Харовского и Бирюковского районов слабо развита корреляция согласных по твердости–мягкости [5, 68, 44]. О. Брок называл степень палатализации согласных в говорах такого типа *е*-овой [14]; Л.Л. Касаткин полагает, что корреляция согласных по твердости–мягкости в говорах Бирюковского р-на вообще отсутствует, а функцию

обозначения палатализованности берут на себя гласные. Он впервые обратил внимание на то, что гласные непереднего ряда ⟨а́⟩, ⟨о́⟩ после нетвердых согласных в этих говорах выступают в виде дифтонгов [е͡а], [е͡о] [44].

Наши наблюдения над спонтанной речью говоров показывают, что эти дифтонги последовательно выступают только в сильных фразовых позициях.

Ср. примеры:

В [све͡атк'и] *что делали дак;*
Я пошлю [т'е͡отушку] *свою;*
Только я зашла в этот [сосн'е͡ак];
Долго-то ждат [н'ел'з'е͡а];
Так и узнали, что какая трава от целого [ид'е͡от].
Или в загороде [рост'е͡от].
Раньше [пл'е͡оса] *были.*
А я была видно такая, что не [с'е͡аду].
И [оп'е͡ат] *в этот мел-то нальют хмелю.*
Раньше бывало напекут пирогов-то [wс'е͡ак'их]
[т'е͡отушка] *пришла, место поглядела и говорит.*

Восприятию этих гласных как дифтонгов сопутствует приблизительно равное распределение фаз *е–а* и *е–о* по длительности, например:

[св'е͡атк'и] : ([е] – [а] – 58–55 *мс*), [т'е͡отушка]: ([е] – [о] – 56–70 *мс*);
[сосн'е͡ак]: ([е] – [о] – 71–79 *мс*); [рост'е͡от]: ([е] – [о] – 56–64 *мс*)
[ид'е͡от]: ([е] – [о] – 65–54 *мс*)

См. рис. 18–19.

При нарушении этого равновесия в ту или другую сторону гласный воспринимается как монофтонг того тембра, длительность которого в составе гласного преобладает, например:

кольца [бре͡[а]кнут] *у дуги* ([е] – [а] – 66–36 *мс*)
[н'ел'з'е-а̣-а-ъ] – все вместе воспринимается как [н'ел'з'а́]
([е] – [а̣] – [а] – [ъ] – 50–50–116–47 *мс*)
[с'е-а̣-аду] – ([е] – [а̣] – [а] – 60–100–34 *мс*);
[т'е͡отушку] – ([е] – [о] – 71–46 *мс*).

Во всех последних примерах "расщепление" монофтонга было возможно только с помощью сегментатора. Прослушивание на магнитофоне создавало впечатление о монофтонгическом характере гласных.

Дифтонги [е͡а], [е͡о] в вологодском говоре мы сравнили с аналогичными гласными в архаическом калужском говоре. Нашими информантами были те же лица – Н.Л. Лопатина (севернорусский говор) и А.П. Панкрашкина (южнорусскйй говор). Результаты прослушивания дифтонгов [е͡а], [е͡о] в севернорусском говоре приведены в табл. 13, 14.

В южнорусском говоре в соответствии с ⟨а⟩, ⟨о⟩ после мягких согласных также произносятся неоднородные гласные – дифтонги [и͡а], [и͡о], нередко и более сложные гласные полифтонгического характера. Они ближе по звучанию к гласным в русской литературной речи после мягких согласных, чем вологодские дифтонги, поскольку их начальные сегменты – верхнего подъема. Однако длительность этих начальных сегментов значительно превышает длительность первых фаз дифтонгоидов [и͡а], [и͡о] в русской лите-

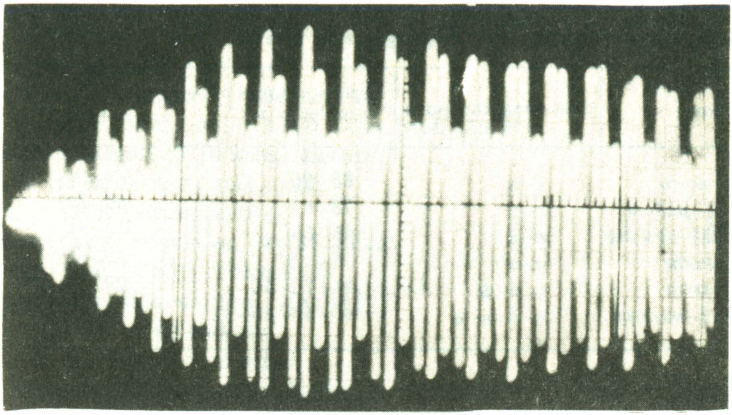

Рис. 18. Осциллограмма дифтонга [е̂а] из слова [кре̂аш] (*кряж*)

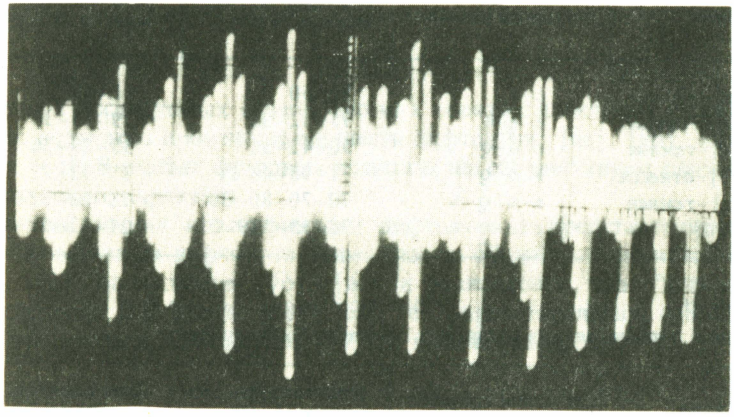

Рис. 19. Осциллограмма дифтонга [е̂о] из слова [пле̂оса]

ратурной речи. Результаты наших измерений гласных [иа], [ио] в калужском говоре приведены в табл. 15.

Сравнение данных, приведенных в таблицах для севернорусского и южнорусского говоров, показывает, что южнорусские гласные представляют более широкий спектр тембральных изменений, от верхнего подъема до нижнего. Тембр севернорусских дифтонгов изменяется в более узком диапазоне. Это связано с разными степенями палатализации в сравниваемых говорах – "*i*-овой" в южнорусском и "*е*-овой" в севернорусском говоре.

Кроме того, бо́льшая "размытость" калужских гласных может объясняться более медленным темпом речи в южнорусских говорах.

Соотношение по интенсивности двух фаз дифтонгов [е̂а], [е̂о] в вологодских говорах может варьировать: они могут быть равны по интенсивности, но могут иметь восходящий либо нисходящий характер: [е̨а̂], [е́а̂], [е̂а], [е̨о̂], [е̂о̨], [е̂о]. Для этих дифтонгов силовая структура не является релевантной.

Таблица 13

а после нетвердых согласных в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[м'ɛ̂асо]–*мясо*	е–а	80–90	44–56
[р'ɛ̂адом]–*рядом*	е–а	73–83	46–54
[тр'и дн'ɛ̂а]–*три дня*	е–а	46–66	41–59
[дɛ̂ада] –*дядя*	е–а	76–120	39–61
[хот'ɛ̂а]–*хотя*	е–а–ъ	45–72–40	29–46–25
[пол'ɛ̂ану]–*поляну*	е–а̂–а–ъ	60–60–50–32	30–30–25–15

Таблица 14

о после нетвердых согласных в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[у̂идеош]–*уйдешь*	е–о	92–60	61–39
[фпер'ɛ̂от]–*вперед*	е–е̯–о	75–92–93	29–35–36
[т'ɛ̂омна]–*темная*	е–о̯–ǫ	50–42–51	35–29–36
[отнɛ̂ос'е]–*отнесся*	е–о–ǫ̯	77–96–48	35–43–22
[тɛ̂омнаа]–*темная*	е–о–ǫ̯–ъ	70–70–80–30	28–28–32–12
[фсɛ̂о]–*все*	е–о–ǫ̯–ъ	78–35–149–31	27–12–51–10

Таблица 15

Гласные *а, о* после мягких согласных в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в *мс*)	Длительность сегментов (в %)
[т'ил'и̂атам'и]–*телятами*	и–е–а	52–39–65	33–25–42
[тр'и дн'и̂а]–*три дня*	и–е–а	60–50–91	34–29–37
[вз'и̂ат']–*взять*	и–е–а	60–57–57	34–33–33
[дъч'и^{е}р'и̂ам'и]–*дочерями*	и–е–е̯–а	84–34–40–104	33–13–15–39
[з'и̂ат']–*зять*	и–е–а–е	62–44–93–44	25–18–38–18
[лаша^{ъ}д'и̂ах]–*лошадях*	и–е–ӓ–а	55–42–60–47	27–20–29–24
[пар'и̂адашнъи̯]–*порядочный*	и–е–ӓ̈–а	68–42–71–42	37–23–38–22
[л'и̂ажу]–*лягу*	и–е–ӓ–ӓ–а	84–41–44–49–68	29–14–15–17–23
[л'и̂он]–*лен*	и–е–о	78–47–53–76	31–18–21–30
[аптапл'и̂она]–*отоплена*	и–у–о	60–42–105	29–20–41
[в'ир'и̂офку]–*веревку*	и–е–о	60–45–120	28–20–42

В слабых фразовых позициях фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩ после смягченных согласных реализуются в монофтонгах [а], [а̇], [о], [о̇]

Надо уж открыто [фс'о];
И вдруг колокольцы [забр'а́кал'и];
Он меня был побогаче, а я его была [поб'едн'а̂е];
Это было двадцать [п'а́тоо] *апреля*;
Ушли [м'ен'а̇] *мат стала ругат.*
Сёгод [jагот] *будет много*;
Да, это будет однакова [wс'а] *мука*;
Вот мы [молод'о́ш] *собираемсе,*
Даже пожилые женщины [с'ид'а́т];
[с'ид'а́т] *это с* [пр'а́wкам];
Витька [р'еб'а̇т] *подговорил*;
И решил вот дедушко наш [вз'ат];
Ранше [м'а́са-то] *было не помногу;*
Он пущай [ид'о́т п'ер'о́т];
Так уж пена вглубь [по̯д'о́т].

* * *

Итак, в исследуемых севернорусских говорах в сильных фразовых позициях возможно произношение шести дифтонгов: [и̂е], [у̂о], [е̂и], [о̯о̯], [е̂а̀] и [е̂о̀]. В слабых фразовых позициях им соответствуют гласные монофтонгического характера.

С точки зрения классификации дифтонгов в представленном наборе имеются все виды дифтонгов, известные из общей фонетики: нисходящие [о̯о̯], [е̯и], восходящие [у̂о], [и̂е] и равновесные, или "истинные" (в терминологии Л.В. Щербы [88]) [е̂а], [е̂о], представляющие собой, по мнению Л.В. Щербы и Л.Р. Зиндера [34, *30*], весьма редкий тип[10].

[10] Согласно классификации Йесперсена, различается 3 вида дифтонгов: 1) "падающие" (или "собственно" дифтонги); 2) "восходящие" (или "не истинные") дифтонги и 3) "равновесные", где оба компонента равноправны. Л.В. Щерба считал первые два вида дифтонгов ложными, так как их компоненты неравноценны; только третий тип он называл истинными дифтонгами, т.е. подлинно двугласными, так как оба компонента в них равноценны.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕГМЕНТНОМ СОСТАВЕ СЛОВА В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ РЕДУКЦИИ ГЛАСНЫХ

В окающих среднерусских говорах широко распространена качественная и количественная редукция слабых безударных гласных[1]. Эти факты хорошо известны из диалектологической литературы.

Экспериментально-фонетическое исследование случаев редукции слабых безударных гласных было предпринято казанскими диалектологами З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой. Результаты их исследования содержатся в работе [6].

Поэтому здесь мы остановимся на случаях редукции безударных гласных в севернорусских говорах – вологодских, архангельских, кировских.

Единичные случаи редукции гласных в севернорусских говорах отмечались исследователями. Так, П.С. Кузнецов приводит такие примеры из пинежских говоров: [з'ˇмой] *ходили, успи* [нˇта] (Усть-Пинега), [ц'ˇт] *ыре*, [сˇц] *ас, ме* [сˇц] *а* [55]. Есть подобные примеры и в книге З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой из кировских и вологодских говоров: [пˇш] *ол, хо* [рˇш] *о, го* [вˇр] *ит, го* [рˇч] *о,* [вˇу] *не месяце* [6, *47*].

Обращает на себя внимание, что почти во всех приведенных примерах полной редукции подвергается гласный 1-го предударного слога.

Если для окающих среднерусских говоров типична полная редукция гласного 2-го предударного слога (*гˇворила, хˇрошо, гˇр'ячо, сˇноги* и т.п.), то для севернорусских говоров скорее возможен другой тип редукции – *говˇрила, хорˇшо.*

Такие случаи отмечены и в наших записях. В разделе "Звуковой эллипсис в севернорусских говорах", например, приводятся эллиптированные формы глагола *говорит*; встречаются также примеры типа *хорˇшо, говˇр'ила* и т.п.

Анализ материала с точки зрения влияния фразовых позиций на фонетику слова позволил выявить следующую картину: в слабых фразовых позициях возможны разные виды редукции безударных гласных, отмечены даже случаи редукции ударных гласных (см. с. 11).

Классификация случаев качественной и количественной редукции позволила выявить, что чаще всего редукцию испытывают гласные 1-го заударного слога.

В следующем фрагменте текста:

Знаешь што, я пошлю тетушку свою. Он послал тетушку, тетушка пришла, место посмотрела и говорит

– слово *тетушка* было произнесено трижды:

1) [ja пушл'у́ т'е͡отъшку свою́]: ([е͡о] – 51–75 *мс,* [ъ] – 35, [у] – 44 *мс*).

2) [он по́слал т'е͡отушку]: ([е͡о] – 71–46 *мс,* [у] – 72, [у] – 150 *мс*).

3) [т'е͡отъшка пришла́]: ([е͡о] – 67–95 *мс,* [ъ] – 54, [а] – 63 *мс*).

Приведенные данные о длительности гласного в 1-м заударном слоге показывают, каким количественным изменениям подвергаются гласные в

[1] Под слабыми безударными гласными мы имеем в виде гласные не 1-го предударного слога и не конечного открытого слога.

зависимости от фразово-интонационных условий. Наиболее благоприятна позиция для этого гласного (и для слова в целом) во втором примере. Здесь слово завершает неконечную синтагму, чему соответствует оформление восходящей мелодикой заударной части слова; видимо, такое интонационное оформление способствует замедлению темпа и соответственно прояснению тембровых характеристик заударных гласных (длительность конечного *у* достигает 150 мсек!).

В двух других примерах гласный *у* в 1-м заударном слоге испытывает не только количественную, но и качественную редукцию – полностью делабиализуется. Длительность ъ в слове [т'е̯отъшку] в первом случае – всего 35 мсек, что характерно и для гласных в той же позиции в русском литературном языке (см., например, [35]).

Как уже отмечалось выше, нередко самой слабой позицией для слова оказывается позиция в конце фразы. И здесь наиболее часто нам приходилось отмечать случаи качественной редукции гласных. Ср., например: *Нет, муж моложе меня* [на́ гат] – шепотный гласный типа *а; В святки што делали* [дък]*; У ее никогда дров* [не́ была^{ъ}]*; Наш дом был не очень-то* [хору̯ошъи̯], *а здесь был дом* [хору̯ошэи̯]; *Вот такая скотина пробежала и с* [го́рбъ^{а}м дак], *Двадцать пятого* [апр'е́л'ъ]. Впрочем, следует отметить, что все эти случаи качественной редукции гласных нам удалось зафиксировать только с помощью сегментатора.

Ср. еще примеры: *И* [го́лъс] *такой хороший у нее; Тепло,* [со́wнъшко], *снегу не было; Баскиё-то узды и надинёт* [на́ лошът'-ту].

В среднерусских окающих говорах этот тип редукции представлен весьма широко.

Кроме качественной и количественной редукции описанного типа, в окающих говорах – как среднерусских, так и севернорусских – представлен еще один тип, на существование которого в этих говорах не обращали должного внимания.

Имеется в виду так называемая межслоговая ассимиляция безударных гласных.

В 1941 г. С.С. Высотский в своей кандидатской диссертации [25] обратил внимание на то, что в говорах исследованного им региона широко распространена ассимиляция гласных по подъему и степени лабиализации. "Так, звук *и* чаще встречается перед слогом с ударным гласным верхнего подъема нелабиализованным, тогда как более опущенные гласные от Е^{и} до Е – перед гласными среднего подъема, нелабиализованными" [25, *98*].

Отмечая общую склонность к "гармонизации" гласных в указанных говорах, проявляющуюся во всех предударных слогах, С.С. Высотский пишет: "Особенно заметна тенденция к уподоблению слабых гласных более сильным в слогах 2-м до ударения и 1-м заударном, т.е. где активнее проявляется редукция" [25, *104*].

И далее: "Но раз такая ассимиляция возникает, то она протекает по определенным правилам. Регрессивная ассимиляция слабого гласного идет в сторону понижения его подъема, если следующий количественно сильный гласный принадлежит по образованию к нижнему подъему, – и в сторону повышения при уподобляющем гласном верхнего подъема.

Если последний лабиализован, то в предыдущем слабом гласном прояв-

ляется более или менее значительная лабиализация – $ъ^{у}$, иногда достигающая в своем развитии вместе с повышением артикуляции образования *у*. Прогрессивная ассимиляция проходит по тому же плану, но с соответствующей переменой мест взаимодействующих звуков. Процесс захватывает также случаи проклитики и энклитики" [25].

Отмечая случаи прогрессивной *у*-ассимиляции в говорах, С.С. Высотский пишет: "Если в слове не меньше двух слогов до ударения и только во II предударном находится (после твердого согласного) гласный *у*, то в I предударном слоге на месте возможных в такой позиции звуков в результате прогрессивной ассимиляции иногда возникает *у* полного образования" (с. 108). Примеры: мужук'и́, пузур'е́к, умуваць, хул'уга́н. Автор отмечает, что причины такой ассимиляции неясны.

Исследование "гармонизации" гласных в говорах юго-западного Подмосковья было проведено С.С. Высотским на широком диалектном фоне – в работе содержатся ссылки на исследования О. Брока "Говоры к западу от Мосальска", А.А. Шахматова "Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров", В.И. Чернышева "Сведения о мещерских говорах", Е.Ф. Карского "Русская диалектология" и др., авторы которых отмечают случаи ассимилятивных изменений слабых безударных гласных.

С.С. Высотский приводит также большое число примеров *а*-ассимиляции, *у*-ассимиляции и *ы*-ассимиляции, почерпнутых им из ответов на диалектологические программы МДК из Медынского у., Карачевского у., Жиздринского р-на, Бельского у. Смоленской обл., Мещовского у., Серпуховского у., Крапив. у., Тульской обл., Характерно, что В.И. Чернышев, отмечающий случаи регрессивной ассимиляции в Мещевском у., считает, что это явление свойственно передовому слою говора: "В некоторых словах, по влиянию говора молодого поколения и вообще образованного языка, слышится неясный звук средний между *о* и *у* (г°/усударь) и т.д." (указ. соч. цит. по дис. С.С. Высотского).

С.С. Высотский отмечает, что прежде всего и чаще всего наблюдатели фиксируют случаи возникновения л а б и а л и з а ц и и слабых редуцированных, т.е. проявления *у*-ассимиляции как наиболее доступные для слухового восприятия.

В последнее время ассимиляция безударных гласных гласным последующих слогов отмечена и в литературном варианте русского языка [65].

Наше исследование показало, что в современном русском литературном произношении широко распространено уподобление слабых редуцированных гласных более "сильным" соседям – гласным соседних слогов, как правило, последующих слогов, т.е. "соседям справа". Следовательно, в современном русском литературном произношении можно отметить проявление регрессивной (по преимуществу) межслоговой ассимиляции, которую испытывают гласные 2-го, 3-го предударных слогов со стороны гласного 1-го предударного слога, а гласные неконечных заударных слогов – со стороны гласных конечных слогов.

Таким образом, в литературном языке в слабых безударных слогах возможно произношение редуцированных гласных трех типов: *у*-образного, *ы*-образного и *а*-образного; выбор говорящим одного из них определяется качеством гласного в последующем слоге, а не фонемной принадлежностью редуцированного.

Если для акающих русских говоров межслоговая ассимиляция гласных отмечалась и раньше, то окающие говоры как среднерусские, так и севернорусские с рассматриваемой точки зрения почти совершенно не обследованы. Лишь единичные сведения относительно *о*-ассимиляции слабых безударных гласных содержатся в более ранних работах по диалектологии, например [46, *4;* 78, *104–105*].

"Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" содержит вопрос о произношении гласных *у, ы* в слабых безударных позициях (вопрос № 16). Однако вопрос этот нацелен на выявление только обычной качественной редукции слабых безударных гласных, в то время как ассимилятивные изменения гласных 2-го предударного слога могут ускользнуть от внимания наблюдателя.

Наше обследование говора с. Ивановского Рамешковского р-на Калининской обл. показало, что в нем широко распространена ассимиляция гласных 2-го предударного слога 1-му предударному, однако в ответе на "Программу собирания сведений..." это явление не отражено. Зато картографированы многочисленные факты редукции *у, ы* в слабых безударных позициях (типа [мъжык'и́, съхар'и́, ръбак'и́, ба́т'ишка] и т.п.)[2]. Прослушивание магнитофонных записей из с. Ивановского показало, что подобные изменения гласных верхнего подъема часто определяются качеством последующего слога и наряду с отмеченными фактами встречаются и [кублук'и́, тубуно́к] и т.п.

Ср. примеры:

а-ассимиляция: [зъ^{а}дав'и́ло, дъ^{а}рако́ф, з бъ^{а}гач'а́м, звъ^{а}нар'и́, ф канако́в'е (в Конакове), хъ^{а}даш'а́в'ин'ка, дъ^{а}гада́л'ис, съ^{а}бач'о́нку, в бъ^{а}шмач'ка́х, с лашад'а́м, нъ^{а}лашад'а́ф, ръ^{а}кава́, ръ^{а}кав'и́цы, съ^{а}хар'и́, дъ^{а}рач'о́к, хъ^{а}даш'а́вой, къ^{а}нтав'и́ш'е] ("кнутовище", с метатезой);

ы-ассимиляция: [пъ^{ы}н'има́л, дъ^{ы}жыда́уца, мъ^{ы}жык'и́, пръ^{ы}в'ир'а́ют, къ^{ы}вырну́ла, ф кыл'идо́р'е, мыжык'и́];

у-ассимиляция: [тубуно́к, кублук'и́, пулуч'и́ла, б'уз рука́ф];

о-ассимиляция: [зоробатъва́ют, молосо́л'ныи, блоуоро́дно, с^{о}могон, норос'т'о́т, кросота́, ностоя́л, по́зофч'ора́с', ноточ'у́, заговор'и́л, зо тобо́и, зоробо́тала, колдова́иа, колдову́иу ("кладовая", с метатезой), остонов'и́л'ис'].

Последний раздел свидетельствует о том, что возможности ассимиляции в окающем говоре расширяются за счет позиций перед *о*.

Были отмечены также случаи *и*-ассимиляции: [ф к'ип'ират'и́вном, б'ис'ико́м].

В этом же говоре встречаются отдельные случаи уподобления гласных 1-го предударного слога гласному под ударением: *а*-ассимиляция: [никала́и, баја́н, микала́и, лама́л];

о-ассимиляция: [софоново], [н'ъподол'о́ку], [постоно́фк'и], [стоно́в'ут];

ассимиляция по лабиальности: [тонцу́ют].

Схемы предударного вокализма, приведенные в книге "Русская диалектология" (76), не предусматривают существование модели такого типа.

---

[2] Ср. также примеры из наших магнитофонных записей: [п'ибава́ца, высъшыш, во́здъх, на́ръку, ч'имавои, выръпка, ои ба́т'ишки].

Аналогичный материал был нами получен и при прослушивании магнитофонных записей из д. Перестова Окуловского р-на Новгородской обл.

Анализ материала этих окающих среднерусских говоров дает основания считать, что в отношении ассимиляции безударных гласных нет принципиальных отличий этих говоров от акающих среднерусских и южнорусских, а также от литературного языка. Отличие заключается только в расширении сферы ассимиляции за счет случаев *о*-ассимиляции. Сходство же этих систем представляется более глубоким – ассимилятивному воздействию в каждой из них подвергаются преимущественно гласные слабых безударных слогов, т.е. не 1-го предударного слога; такие случаи крайне редки во всех перечисленных говорах.

Иначе обстоит дело в окающих севернорусских говорах. Здесь широко представлены ассимилятивные изменения и гласных 1-го предударного слога.

Ниже приводятся примеры из говоров Катромского сельсовета Харовского р-на Вологодской обл.

Гласные 2-го предударного слога.

а-ассимиляция: [кашам'и́рову, стъ^{а}жар'е́ӈ, манастыр', баγаты́р'];

о-ассимиляция: [хто нозов'о́т, нъ^{о} гор'е́, нохожу́с', нокос'и́т, нокошу́, нъ^{о} одно́м, новоз'и́л'и, бlоγода́т', нъ^{о} пол'то́, зъ^{о}колу́оц'оны, съ^{о}пог'и́, съ^{о}погу́оф, пономор'о́ва, зо око́шоцк'о, зокоlо́л'и, но пlото́к, но прода́жу, но лопа́тку, нотоска́л'и];

у-ассимиляция: [гур'уны́-т'и был'и, гул'а́н'иа-то, дък он м'ен'а со́звал в гор'у́н; пуlуц''и́лос'а, прупуст'и́л'и].

В большом количестве случаев отмечены ассимилятивные изменения гласных 1-го предударного слога. Ср., например:

а-ассимиляция: [снапа́м, вайна́, са^{w}да́т'ик, тава́рка, иза стала́, а ана́кот]; [пал'а́, пал'а́-то], *девка;* [даста́lос', дая́ркоӈ, гадна́, стая́т];

о-ассимиляция: [пол'ту́о, пономор'о́ва, тъ^{о}ко̃ӈ, ново́зу, шотро́ваиа, зо до́мом, плото́к, н'и зо што́! корто́шка, по знако́мсву, троктора́];

у-ассимиляция: [н'е пуиду́, пушл'у́, н'е спуjу́, кусу́, свуjу́, в' е́том гуду́, пусу́дина];

э-ассимиляция: [крэшэ́] (нитки "краше́").

В этих же говорах отмечены случаи уподобления безударных гласных "*о*-закрытому" под ударением: [хо̝ро̝шу́о̝, по̝lо̝тну́о̝], а также такой пример: [хъръшъ] (в слабой фразовой позиции).

Встретились также случаи (более редкие) прогрессивной ассимиляции: [умува́иуце, у продоwца́, кулок'и́] (ассимиляция по лабиализованности), [кулока́, укоза́н'ио, по конв'е́, кружова́].

В некоторых случаях межслоговая ассимиляция гласных может изменить фонетический (и фонемный) облик слова до неузнаваемости. В первую очередь это относится к топонимам, гидронимам и др. случаям, когда контекст не помогает восстановить истинное звучание слова.

Так, в наших магнитофонных записях неоднократно встречалось слово *У́стругу*: "Поехал на У́стругу", "Позвали в У́стругу" и т.п.

Оказалось, что этот топоним звучит так: "Усть-река"! Флексия *-у* винит. пад. вызвала к жизни ассимиляцию 1-го заударного гласного: *У́сть руку,* слабо смягченные согласные *т'* и *р'* полностью отвердели, а интервокальное *к* озвончилось в *г*.

Прослушивание магнитофонных записей из Архангельской обл. (Мезенский и Пинежский р-ны), Карельской АССР (с. Кажма), Ленинградской обл. (д. Усланка) позволило установить, что и в этих говорах имеет место межслоговая ассимиляция гласных, причем гласные 1-го предударного слога также подвержены ассимилятивным изменениям, как и гласные других безударных слогов.

Приведенный материал свидетельствует о том, что ассимиляция безударных гласных гласным последующих слогов – явление, широко распространенное во многих говорах русского языка. Это фонетическое явление отмечено и в среднерусских, и в южнорусских, и в севернорусских говорах.

Следует отметить, что, несмотря на обилие случаев регрессивной ассимиляции безударных гласных, такое произношение сосуществует с другим, когда этимологические гласные произносятся без изменения своего качества. Следовательно, говорить об ассимиляции слабых безударных гласных пока можно лишь как о тенденции в развитии вокализма русских говоров, но тенденция эта проявляется во многих типологически различающихся говорах.

Подверженность ассимилятивным изменениям безударных гласных можно объяснить стремлением говорящих к преодолению артикуляторных трудностей – при таком типе произношения несколько соседних слогов образуют единую артикуляторную программу.

Эта закономерность – взаимодействие гласных через слог – по-видимому, действует во многих языках. Ср., например, работы [94–95] на материале шведского языка. Однако это воздействие соседних гласных приобретает качественно иную окраску, когда гласный, полностью подвергаясь ассимилятивному воздействию "соседа", вторгается в зону другой фонемы.

Именно с этим явлением мы и сталкиваемся в современном русском языке: и в его литературном варианте, и в самых разных его говорах.

Итак, в севернорусских говорах возможна редукция безударных гласных – как обычная, так и возникающая в результате межслоговой ассимиляции.

Наиболее слабыми, подверженными качественной и количественной редукции оказываются здесь гласные 1-го заударного слога, и эта черта сближает севернорусские говоры со всеми другими говорами русского языка.

Что же касается гласных предударных слогов, то в севернорусских говорах все они перед лицом редукции равны: они приблизительно равновелики по длительности и одинаково подвержены ассимилятивным воздействиям соседних гласных. Однако при этом есть довольно веские основания полагать, что гласные 2-го предударного слога могут быть сильнее гласных 1-го предударного слога. Это проявляется в следующем:

1) случаи (довольно редкие) полной редукции гласного отмечены только в 1-м предударном слоге: [гов ̆ри́ла, гов ̆ри́т, хор ̆шо́] и т.п.;

2) акцентное усиление, связанное с просодией фразы, выпадает, как правило, на 2-й предударный слог: [гòвори́т, нà столе́, пòсмотри́] и т.п.

Эти факты, как нам кажется, довольно убедительно свидетельствуют о сохранении, хотя бы частичном, в современных севернорусских говорах архаической акцентной структуры, которая имела волнообразный характер.

ЗВУКОВОЙ ЭЛЛИПСИС

Фонетический эллипсис – явление, хорошо известное каждому исследователю живой речи, будь то диалектная речь или разговорная разновидность литературного языка.

Наблюдения над диалектами, а также пристальное изучение записей спонтанной речи позволяют сделать некоторые обобщения данных, касающихся эллиптических явлений в говорах.

Обобщения эти могут быть сформулированы следующим образом: если для южнорусских и среднерусских говоров характерен преимущественно эллипсис гласных, то для севернорусских говоров следует отметить преобладание эллипсиса согласных. Иными словами, компрессия речевой цепи осуществляется в этих говорах преимущественно за счет консонантных элементов звуковой последовательности.

Об этом свидетельствуют и единичные факты пропуска согласных в севернорусской речи, и явления, затрагивающие целые категории согласных. Сюда же, несомненно, следует отнести явления, связанные с упрощением консонантных сочетаний.

Преимущественный эллипсис согласных в севернорусских говорах связан с характером языковой системы этой диалектной зоны, а именно, с отсутствием редукции гласных и слабой выраженностью словесного ударения. Ср. по этому поводу следующее замечание С.В. Кодзасова: "Нужно заметить, что характер эллиптических явлений тесно связан с системой данного языка. Например, широкое выпадение гласных, очевидно, возможно лишь в языке с сильным ударением и значительным ослаблением безударных, а также при отсутствии жестких ограничений на сочетаемость согласных" [47, *132*].

Поэтому универсальная тенденция к упрощению речевых артикуляторных программ, проявляющая себя в любой речевой цепи, направлена в севернорусских говорах прежде всего на консонантные элементы звуковой последовательности, за счет сокращения которых и осуществляется здесь принцип экономии речевых усилий.

Случаи эллипсиса гласных в севернорусской речи крайне редки. Если они и встречаются, то затрагивает полная (до нуля) редукция гласных только слова модели СГСГСЃ(С...) и осуществляется она, как уже указывалось, преимущественно в 1-м предударном слоге[3]. Ср. примеры: [гов ̆р'и́-

[3] Можно, впрочем, указать на один случай деформации гласных в севернорусских говорах, который можно причислить к эллиптическим явлениям и на который до сих пор диалектологи не обращали внимания. Имеются в виду следующие случаи: во фразах, где союз *и* попадает в интервокальную позицию, он консонантизуется, становится "j-образным". Ср. примеры: *А потом накладут ржи, пшеницы, ячменя* [и̯ owcá]; *Коль, ты поедешь, да* [jо́л'а] (= да и Оля); [да и̯ об'е̂даю̯т]. Отмечен даже случай консонантизации *и* в начале фразы: [и̯ оп' е̂а̯т'^] *в этот мел-от нальют хмелю.*

Зато различные формы глагола *говорить* подвержены и в севернорусской речи значительным искажениям. Ср. следующие примеры: *да я* [г'ид] *болию; да я* [г'] *до тебя только пришла; я* [г'] *коруб̂ушка не даёт молока; сумку наклади ежи* [ид'и́гыт]; [jез'д' г'ит] *у тебя свечка восковая? и* [гвор'у] *прям по литре два раза надоила; иди* [говор'ид] *дýд̂ц.*

Все примеры выбраны из монолога Анны Васильевны Клешниной (д. Арзубиха Харовск. р-на Вологод. обл.); единственная недеформированная форма глагола в последнем примере.

Ia, хор᷄шó], т.е. и в этих случаях сохраняется ритмическое усиление нечетных слогов (см. об этом подробнее в разделе "Некоторые наблюдения над ритмической организацией спонтанной речи в севернорусских говорах"), в то время как максимально ослабленным оказывается гласный четного слога.

Кроме того, что фонетическое выпадение гласных в этих говорах – явление чрезвычайно редкое и удельный вес эллиптических явлений в области консонантизма тем самым оказывается более высоким по сравнению с южнорусскими и среднерусскими говорами, сам диапазон эллипсиса согласных в севернорусских говорах более широк. Это проявляется и в большей частотности выпадения согласных, и в распространении этих явлений на более широкий круг лексики, не ограниченный только аллегровыми формами, и в вовлечении большего числа категорий согласных в этот процесс.

По нашим наблюдениям, в севернорусских говорах эллипсис согласных возможен в следующих случаях: 1) в интервокальной позиции; 2) в консонантных сочетаниях, которые в свою очередь могут находиться в начале, конце и середине слова.

Выпадение согласных в интервокальной позиции

В этой позиции в севернорусских говорах наблюдается спорадическое выпадение согласных разных категорий. Некоторые из этих явлений носят хрестоматийный характер и широко известны, другие описаны как единичные, не связанные друг с другом факты в диалектологической литературе, третьи до сих пор не привлекали к себе внимания.

К фактам первого рода прежде всего следует отнести выпадение ⟨j⟩ в интервокальной позиции. Явление это широко распространено в севернорусских говорах и в ряде среднерусских. Наши материалы изобилуют примерами такого рода, но эти факты слишком хорошо известны, чтобы на них специально останавливаться.

Широко распространено по севернорусским говорам выпадение интервокальных фрикативных согласных. "Лидирует" среди согласных этой категории губной спирант *в*[4]. В большинстве севернорусских говоров фонема ⟨в⟩ воплощается в губно-губном спиранте [w]. Этот согласный в позиции между гласными зачастую утрачивается.

Ср. примеры из наших записей: [траý, с ка́жноо, коруy̆ушку, коруy̆у, короа́, самоа́р, жыу́т, постаи́ш, е́тоо] (Вологод. обл., Харовск. р-н); [на п'ер'еос, зоу́т, называ́ос', ис ц'и́стоо, э́тоо горуy̆ху] (Вологод. обл., Белозерский р-н).

Отмечены также случаи выпадения интервокальных фрикативных *ж, з*, например: [ка᷉а᷉ца, скаа́w, ска᷉ш].

Случаев выпадения глухих спирантов не наблюдалось.

Из смычных наиболее подвержены эллипсису звонкие согласные, на пер-

---

[4] Ср. по этому поводу наблюдение Л.Р. Зиндера (относительно русского литературного произношения в быстром темпе): "Из звонких щелевых наименее устойчивыми оказываются губные v, v'" [33, 18]. К аналогичному выводу приходят и исследователи русской разговорной речи [47; 77, 78].

вом месте здесь *д, д'*. Ср. примеры: [схо́иш, го́спои́, на́о, прию́т, л'уд'и пр'ихо́ат, проава́т', ув'и́иш, пр'ихо́ит][5].

Возможны случаи утраты интервокальных *б, б'*: [ба́ушка] – повсеместно, [шу́иха] – (= "Шубиха", Калининская обл., Рамешковск. р-н), [у т'еа́, с'еа́] (Вологод. обл., Харовский р-н).

Случаев эллипсиса интервокального *г* не отмечено.

Глухие смычные, как правило, не подвержены выпадению, во всяком случае среди наших примеров такие случаи не зафиксированы.

Однако можно предположить, что замена *к* смычногортанным [ʔ], отмеченная Н.И. Скуратовой в говорах Заонежья и Л.Л. Касаткиным в некоторых говорах Ладого-Тихвинской группы, например [мужʔи́, моло́ʔа́][6], можно отнести к проявлению описываемой тенденции.

Но все же наиболее часто утрачиваются в речевой цепи севернорусских говоров именно звонкие согласные – как фрикативные, так и смычные. Из глухих шумных на первом месте в этом отношении фрикативные. Наибольшую устойчивость к эллипсису проявляют глухие смычные. И в этом отношении материал севернорусских говоров сходен с материалом русской разговорной речи. Убедительные объяснения этому явлению находим в книге "Русская разговорная речь": «Если рассматривать выпадение интервокальных согласных с информационной точки зрения, то заметим, что выпадают в основном согласные, малоконтрастные окружающим их согласным (т.е. близкие им по артикуляции и звучанию): звонкие и особенно сонорные – по звучности, фрикативные – по "открытости".

Объяснение просто: выпадение одного элемента из цепи элементов, мало контрастирующих друг с другом, приводит к меньшей потере информации, чем выпадение из цепи элемента, сильно контрастирующего с окружающими. Именно поэтому в интервокальном положении исчезают легче звонкие, чем глухие, фрикативные легче, чем взрывные.

Естественно, что согласные, сочетающие в себе звонкость и фрикативность, особенно близки гласным и исчезают особенно легко. Это объясняет и очень высокую частоту выпадения [и̯] (на месте *j*), звука "почти что гласного" » [77, *81*].

Если не ограничивать случаи фонетического эллипсиса только утратой отдельных сегментов речевой цепи, но включать в это понятие и утрату признаков, как это предлагает сделать С.В. Кодзасов [47, *109*], то к числу эллиптических явлений, наблюдаемых в севернорусских говорах, могут быть отнесены также такие факты, как озвончение интервокальных шумных и спирантизация смычных[7]. Остановимся на этих явлениях подробнее.

Согласные, как известно, могут быть расположены по шкале звучности, или, так сказать, с обратным знаком, по шкале нарастания консонантных

---

[5] См. также наблюдения В.В. Колесова в работе [50]. Что же касается разговорной речи на литературном языке, то здесь случаи эллипсиса твердого интервокального *д* крайне редки, однако в частотных словах они возможны, ср. примеры: [ка́а] – *когда*, [та́а] – *тогда*, [фс'ьа́] – *всегда*, [на́а] – *надо*, [сл'е́ш'ьа] – *следующая* [77, *79*].

Многочисленны случаи утраты в русской разговорной речи интервокального *д'* (см. 47, *25*).

[6] Это явление описано С.С. Высотским [24, *127–128*].

[7] См. в этой связи замечание Л.Р. Зиндера: "... чем тот или иной согласный ближе по своей акустической природе к гласным, тем он менее устойчив" [33, *27*].

признаков. Исходя из этого, наиболее яркими консонантными признаками обладают глухие смычные. Самые "плохие" консонанты – сонорные. Поэтому озвончение глухих шумных, с чем мы сталкиваемся спорадически в большинстве севернорусских говоров, может быть расценено как "понижение" их в ранге консонантности. Подробнее об озвончении интервокальных шумных согласных см. в работе [66, *211–214*].

Во многих севернорусских говорах наблюдается спирантизация ряда смычных согласных. Так, например, широко распространена спирантизация губных смычных, преимущественно – *б*, но отмечены также и случаи произношения *ф* в соответствии с этимологическим *п*. Примеры такого рода отмечаются в широком ареале севернорусских говоров. Наши материалы отражают это явление на территории Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской областей, а также в ряде окающих говоров Калининской и Новгородской областей.

Ср. примеры: [пр'ив'еру́т, ахто́вусы, завы́ла (= забыла), т'ев'а́, ету ры́ву, со̂во̂и̯ (= с собой), со̂в'ира́т, н'е выва́ла, н'е фосп'ева̂и̯от, ф клу́в'е (= в клубе), пов'ежал'и, пов'е^{a}жа́ла, р'ев'а́та (= ребята), гр'иву̯̂w (= грибов), н'е ув'ираеца, пр'ив'ежа́ла, хл'е́ва (= хлеба), зло́в'иха, фс'о в'егу́т и в'егу́т].

Приведенная транскрипция довольно грубо отражает звуковую реальность, поскольку в действительности в речевой цепи присутствуют разные степени спирантизации губных: от некоторого сокращения длительности смычной фазы и превращения тем самым губного в аффрикату или аффрикатоид ($б^{в}$, $б̂в$ и $б̂_{в}$) до полного исчезновения смычки и появления *в* (или *w*) в соответствии с этимологическим *б*. Те же явления наблюдаются и в реализации глухих губных, однако гораздо реже.

Это явление возможно и в начале слова, ср.: [выва́ло, фосп'ева̂и̯от, в'е́гат, потстана́вл'ивът' во́ч'ку (= бочку), в'егу́т].

Можно предположить, что произношение *б*, *п* в соответствии с *в*, *ф*, например [бор'а́г (= Варяг), бо́з'ер'е (= в озере), б'е́т'ор (= ветер), б'ерхо́в'иа, наб'ива́иош на в'и́лы (=навиваешь), бал'а́т] (= валят), – следствие гиперкоррекции[8].

Из других смычных можно указать на случаи (повсеместно распространенные на Севере) спирантизации *д'*, но заместителем смычного в этих случаях выступает *j*.

Такой путь спирантизации *д'* в севернорусских говорах представляется естественным, если принять во внимание особое качество этого согласного на севернорусской территории.

Как убедительно показала в своей работе А.М. Кузнецова [54], *д'* (так же, как и *т'*) в исследованных ею севернорусских говорах представляет собой палатальный среднеязычный согласный (см. палатограммы в [54]). При таком способе артикуляции не наблюдается свистящего послевзрывного элемента (ассибиляции) после смычной фазы *д'*, как в русском литературном языке, поэтому в результате спирантизации *д'* в этих говорах произносится [j], отличающийся от взрывного *д'* способом образования и совпадающий с ним по месту образования[9].

---

[8] Аналогичное явление в сибирских говорах А.М. Селищев объясняет иноязычным влиянием, см. [78, *245–246, 321–323*].

[9] Однако, по наблюдениям исследователей русской разговорной речи [47], и на этом материале не отмечено произношение *з'* на месте интервокального *д'*. См. рассуждения по этому поводу в книге [77, *82–84*].

В этом же ряду могут быть рассмотрены и случаи произношения [γ] [г^{γ}] в соответствии с фонемой ⟨г⟩, отмечаемые исследователями в неко торых севернорусских говорах. Подробно это явление описано С.С. Вы сотским [84].

В говорах Харовского р-на такие случаи также спорадически встреча ются: [н'е проγ͡γон'иш, заруγа́ла, руγа́м, мнγ͡γо, руγа́т, стоγγ͡γоw] и др

Это явление не лежит на поверхности, не сразу привлекает внимание исследователя, и только большие массивы записей спонтанной речи дают возможность его обнаружить.

Глухие смычные *т'* и *к'*, по нашим материалам, в говорах не спиранти зуются.

Тот факт, что озвончение глухих и спирантизацию смычных можно рас сматривать как частный эллипсис или как шаг к полному эллипсису согласных, подтверждается примерами такого рода: [тут шуб'иха/шув'их у наз была//ja на шуих'е воз'му/и удавл'ус' на б'ир'оз'е].

В этом отрезке слово *Шубиха* (топоним) предстает в трех звуковы обликах: с интервокальным звонким губным смычным, с заменой его со ответствующим спирантом и с выпадением интервокального губного. Фор ма [шу͡в'иха] – промежуточная ступень между полной формой слова и его эллиптическим вариантом.

Столь же вариативны формы местоимений: [т'еб'а́ > т'ев'а́ > т'еа́], [с б'а́ > с'ев'а́ > с'са́]; [тобо́и > тово́и > тоо́и], [собо́и > сово́и > соо́и].

Как видно из рассмотренных фактов, бо́льшая часть из них свойственна и разговорной речи литературного языка. Отличие говоров от русской раз говорной речи в этом плане носит в основном количественный характер: в говорах указанные явления распространены шире, затрагивают все слои лексики, а не ограничены лишь наиболее частотными словами, как это наблюдается в русском литературном языке.

Но некоторые из перечисленных явлений специфичны только для фоне тики говоров и отсутствуют в нормативной русской речи, во всяком слу чае они не отмечены в исследованиях по разговорной фонетике. Это заме на *к* смычногортанным согласным, спирантизация *г* и *б*.

Упрощение групп согласных

Явления, связанные с упрощением консонантных сочетаний в северно русских говорах, хорошо известны; многие из них достаточно полно осве щены в диалектологической литературе.

Наша задача – показать, что все эти явления в конечном счете сводятся к одному общему механизму – эллипсису согласных.

Этот механизм бесспорно, лежит в основе широко распространенны по говорам явлений.

1) Утрата одного из членов консонантного сочетания:

а) В конце слова

-ст > с: мост > мос, наст > нас; пост > пос;

-зн' > с': жизнь > жи [с']; *болезнь > боле* [с'];

-бр > п: добр > до [п];

-др > т: Александр > [ол'ексáнт].

б) В начале слова.

В наших записях широко представлено выпадение *в* в консонантных сочетаниях, например:

вм- > м: в магазин > [м]*агаз'ин;*
вз'- > з': взяли > [з']*яли;*
взг- > зг: взглянуть > [зг]*лянуть;*
вс'- > с': всю > [с']*ю; все* > [с']*е;*
вт'- > т': в тягу > [т']*ягу;*
вп'- > п': вперед > [п']*еред; в печку* > [п']*ечку;*
вн'- > н': внизу > [н']*изу;*
вд'- > д': в деревню > [д']*еревню;*
л'н'- > л': льняное > [л']*яное.*

в) Внутри слова.

Нередки случаи утраты *р* в сочетаниях согласных: *чорт* > [ч'от]; октябрьскую > *октя* [пс]*кую, ноябрьскую* > *ноя* [пс]*кую.*

Утрачивается интерконсонантное *-т-: жесткая* > *же* [ск]*ая; невестка* > > *неве* [ск]*а; в остроге* > *в* [оср]*оге; Усть-река* > *У* [с']*-река; бесчестье* > > *бесче* [с'ц̑е], *хозяйство* > *хозяй* [с]*во.*

В вологодских говорах мы отмечали утрату [j] в сочетаниях заднеязычный + j, губной + j в таких случаях, как: *к Юре* > [к'у́ р'е]; *к ему* > [к'е]*му; в юлину* > [в'у́]*лину.*

Все эти случаи, а также другие многочисленные примеры утраты одного или нескольких членов консонантных сочетаний дают один и тот же результат: разгрузку речевой цепи за счет устранения ее консонантных звеньев.

Так, фрагмент текста, который должен был бы иметь вид:

А внизу вот тут, внизу
vccvcvcvcvcccvc

трансформируется в:

[а н'изу вот̄ут н'изу]
vcvcvcvcvccv̄cv,

приближаясь тем самым к простейшей последовательности vcvcvc...

Ср. также следующий фрагмент:

И побежала с шаньгой в деревню
[и пов'ежала ш̄ан'г'оц̑ д'ер'евн'у]
vcvcvcvcvcvccvccvcvccv

2) По существу к тому же результату приводит уподобление 1-го члена сочетания второму, т.е. явление регрессивной ассимиляции:

дн > *н̄: водный* > во [н̄]ый, *медный* > ме [н̄]ый, *под ногами* по [н̄]огами;
бм > *м̄: обмен* > о [м̄']ен; *обман* > о [м̄]ан, *обмочу* > о [м̄]очу;
сш > *ш̄: с шаньгой* > [ш̄]аньгой; *лес шел* > [л'е ш̄] ол;
вн > *н̄: внизу* > [н̄']изу;
шс > *с̄: ты знаешь свой лес* > ты зн [а с̄]вой лес;
бв > *в̄: обведут* > о [в̄'] едут; *обварят* > о [в̄]арят.

В этих случаях заместителем утраченного согласного остается долгота оставшегося члена консонантного сочетания; результат же – уменьшение консонантной насыщенности речевой цепи.

3) К тому же результату приводит и уподобление 2-го члена сочетания 1-му, т.е. явление прогрессивной ассимиляции, например:

ст > *с̄: доставала* > до [с̄] авала; *останься* > о [с̄] аньс; *ст'* > *с̄': Настя* > На [с̄'] а; *опустили* > опу [с̄'] или; *угостили* > уго [с̄'] или; *стены* > [с̄'] ены; *пропустили* > пропу [с̄'] или; *гости* > *го* [с̄'] *и*; *зд* > *з̄: опоздала* > опо [з̄] *ала;* *зд'* > *з̄': гвозди* > гво [з̄'] и; *ездят* > е [з̄'] ят; *гвоздики* > гво [з̄'] ики; *сделают* > [з̄'] елают;

вб > *в̄: в бараках* > [в̄] араках; *в баню* > [в̄] аню; *вбить* > [в̄'] ить; *шс* > *ш̄: бьешся* > бье [ш̄а] .

В эту же группу следует отнести и изменения в сочетаниях переднеязычных согласных с j: *платье* > пла [т'] е; *ночью* > но [ч'] у; *Настасья* > Наста [с̄'] а (см. об этом подробно [7]).

Все перечисленные изменения имеют одну направленность – речевая цепь освобождается от согласных.

Если проанализировать, какие консонантные элементы утрачиваются в первую очередь, то кажется весьма достоверным предположение о том, что наиболее подвержены эллипсису согласные, слабо слышные, мало контрастирующие с гласными (*в, р, н, j*) и конечные имплозивные[10].

Наибольшую устойчивость к эллипсису проявляют согласные, имеющие наиболее контрастные характеристики по отношению к гласным: *с, ш, ц (ч), з, ж, к.* Эти согласные, к л ю ч е в ы е, по определению Л.Р. Зиндера [33], помогают сохранить консонантный костяк слова, сделать слово узнаваемым в потоке речи.

Однако консонантные потери, происходящие в результате эллипсиса, приводят к изменению морфологической структуры слова. Ср. по этому поводу рассуждение В.М. Живова:

"...южнорусские говоры (в отличие от с е в е р н ы х) (разрядка моя. – *Р.П.*) в изменениях сочетаний согласных стараются не нарушать морфологического единообразия (не вводить слишком большого числа новых морфонологических правил, требующих обращения к парадигме). Таким образом, в южнорусских говорах в консонантизме тенденция слушающего[11] проявляется в большей степени, чем в севернорусских" [30, *82*];

4) наконец, многочисленные изменения в консонантных сочетаниях, являющиеся результатом диссимиляции, например: *свадьба* > *свальба, сварьба; кто* > *хто; пчела* > *мчела; внук* > *мнук* и т.д. также могут быть в какой-то мере рассмотрены в аспекте консонантного эллипсиса, поскольку во всех перечисленных случаях наблюдается уменьшение консонантности хотя бы в одном из членов сочетания.

Большинство из рассмотренных явлений носит нерегулярный характер, они скорее проявляют себя как тенденция, и пока еще невозможно говорить об их системном характере. Они, безусловно, находятся в сфере реализации, но со временем могут закрепиться в системе.

Лишь некоторая часть из рассмотренных явлений может быть отнесена не к окказионализмам, а к системным явлениям.

Если исходить из разделения языковых систем на "вокалические" и

---

[10] Известно, что конечные смычные согласные во многих севернорусских говорах имеют имплозивный характер.

[11] О различии в языковых системах в связи с установкой на слушающего и говорящего см. [82].

"консонантические", то севернорусские говоры должны быть отнесены к первым. Отсутствие вокалических потерь в речевой цепи, существенные консонантные потери (даже в интервокальных позициях, не говоря об упрощении групп согласных), широко развитая система дифтонгов все это позволяет считать севернорусские говоры принадлежащими к вокалическим языковым системам.

В этом отношении окающие среднерусские говоры существенно отличаются от севернорусских: насыщенность речи согласными в первых значительно больше, в основном за счет возможных выпадений безударных гласных. Поэтому они могут быть отнесены к консонантическим языковым системам.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ САНДХИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Вопрос о явлениях на стыке фонетических слов в говорах русского языка находится еще в стадии изучения. Некоторые сведения о реализации согласных в этой позиции содержатся в отдельных публикациях по фонетике русских говоров, однако исследований, где бы освещалась указанная проблема в целом, до сих пор нет. А между тем поведение согласных в сандхи оказывается весьма информативным с точки зрения функционирования корреляции согласных по глухости-звонкости и твердости-мягкости в той или иной языковой системе. Иными словами, тот или иной тип сандхи можно считать индикатором коррелятивных отношений согласных в русском языке и его говорах.

Были исследованы реализации согласных перед последующими согласными и перед гласными переднего ряда на стыке фонетических слов.

Объектом изучения было поведение согласных в севернорусских говорах в сандхи с точки зрения их корреляции по глухости-звонкости и твердости-мягкости.

В ряде севернорусских говоров, а именно в говорах на территории Костромской, Ярославской, Владимирской, Ивановской и Горьковской областей, наблюдается систематическое различение звонких-глухих согласных в сандхи перед гласными и сонорными. Подробно это явление описано в работе [66, *185–186*].

Ср. примеры:

[когда поjезд останов'ílсе]; [год ыли два]; *один* [раз о] *н идет;* [и вдруг он] *меня выбирает;* но: *в обморо* [к у] *пал;* *бросаю* [т о] *середь полу* (Костромская обл., Межевский р-н);

всегда [уж ы] *дет он с рыбой; дол* [г о] *тдаст;* но: [рук н'е] *хватат* (Костромская обл., Шарьинский р-н).

Отличия от литературного языка представляет только эта позиция сандхи – перед гласными и сонорными, поскольку в других внутрисинтагменных позициях, а именно перед шумными согласными, как звонкими, так и глухими, во всех говорах русского языка шумные согласные ведут себя одинаково – озвончаются (или сохраняют звонкость) перед звонкими и оглушаются (или сохраняют глухость) перед глухими.

Благодаря созданию "Диалектологического атласа русского языка" ареал этих необычных отношений согласных по глухости-звонкости в севернорусских говорах очерчен с большой точностью[1].

При этом в целом ряде севернорусских говоров, где нет систематического сохранения звонкости согласных в сандхи перед гласными и сонорными, это явление наблюдается спорадически. Массовое прослушивание магнитофонных записей позволяет предполагать, что явление это распространено едва ли не повсеместно на территории русского Севера. Ср. примеры:

третий го [д ja] *работаю; нынц'е у* [ж ja] *ки лета холодны; го* [д о] *пределить; горо* [д в'] *ильгельм* (Вологодск. обл., Биряковский р-н);

колхо [з о] *организовали; дене* [г н'] *ету* (Арханг. обл., Пинежск. р-н); *медве* [д' у] *чуял* (Калининск. обл., Сандовск. р-н);

что [б н'] *е испортился; все колоб да коло* [б р] *анше называлось; дро* [в н'] *ет; нало* [г н'е] *выплатишь; а свекро* [в' о] *дна осталась* (Вологодская обл., Харовский р-н).

При этом следует иметь в виду, что статистически во всех указанных говорах преобладают случаи произношения глухих коррелятов звонких фонем в позиции перед гласными и сонантами, ср. примеры:

у их ни [с ы] *верх; сне* [к ы] *дет* (Вологодск. обл., Биряковский р-н);

лю [п л'] *и сосед? се го* [т у] *било лошадь* (Архангельск. обл., Пинежский р-н);

как ра [с в] *ыходила замуж; лоша* [т' в] *ыведут; му* [ш у] *шел; шане* [к р] *азных напекут; кру* [к о] *кружаю; все наро* [т ы] *народ* (Архангельская обл., Мезенский р-н);

досу [к н] *ам было учиться; досу* [к в] *ышивать; дене* [к н'] *е надо; а об*^{в}*е* [т н] *ам там готовой; как ра* [с м] *ы сыты* (Калининская обл., Сандовский р-н);

вра [к н] *ашелся; ле* [т ы] *ще пощиплят; этот коло* [п в] *ынимали; хле* [п м] *олотили; го* [т н'] *есчастный* (Вологодская обл., Харовский р-н).

Итак, в отношении функционирования глухих—звонких согласных в сандхи исследуемые говоры представляют некоторые черты отличия от литературного варианта русского языка. Вернее сказать, что в говорах как бы соприсутствуют две системы, одна из которых идентична системе русского литературного языка, а другая отличается от нее и аналогична системе украинского языка. Действительно, если обратиться к материалу этого восточнославянского языка, то нельзя не отметить сходства в отношении корреляции согласных по глухости- звонкости между ним и севернорусскими говорами. Для этих систем сильными по глухости-звонкости позициями оказываются позиции: 1) конца синтагмы, 2) перед гласными и 3) перед сонорными.

И, наконец, есть еще одна деталь, сближающая эти системы, но относящаяся не к фонологическому уровню анализа, а к фонетическому, на что также было обращено внимание в цитированной статье, а именно, наличие полузвонких согласных в интервокальных позициях в звуковой цепи

---

[1] Эта территория частично вошла в уже опубликованный "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (М., 1957) – сохранение звонкости конечными согласными отражено на карте № 46).

украинского языка и севернорусских говоров (см. [66], а также [49]). Этот факт дает основание для пересмотра существующего мнения о наличии корреляции по глухости-звонкости в этих языковых системах. Иное, чем в русском литературном языке, распределение сильных и слабых позиций согласных по глухости–звонкости, а также возможность произношения полузвонких согласных в некоторых позициях, позволяет высказать предположение о существовании в этих системах корреляции согласных по напряженности–ненапряженности (fortes–lenes). В свете этой гипотезы находят объяснение и факты "оглушения" звонких перед следующими глухими, и факты "озвончения" глухих перед следующими звонкими: в этих позициях происходит нейтрализация по напряженности/ненапряженности.

Что касается корреляции согласных по твердости–мягкости на стыке слов, то этот вопрос представляется недостаточно изученным не только применительно к диалектному материалу, но и к материалу русского литературного языка.

Прежде всего следует уточнить классификацию позиций, в которых этимологически твердые согласные могут испытывать палатализацию на стыке слов. Даже на уровне слухового наблюдения становится ясно, что, в отличие от других случаев сандхи, в понятие стыка слов здесь должно быть включено сочетание предлога со словом. Для русского литературного языка эта позиция имплицитно приравнивается к позиции сочетания двух самостоятельных слов, см. [*295*; 81, *310*].

В то время как в сочетании предлога с самостоятельным словом парные по глухости–звонкости согласные ведут себя так же, как внутри слова (ср. [под окном], [от окна], но [сат Ани] и [кот Ани]), в этой же позиции парные по твердости–мягкости согласные функционируют так же, как на стыке слов (ср. *о* [ты]*ры* и *ко* [ты]*ры*).

Итак, позиция сочетания предлога с самостоятельным словом для этого случая сандхи может быть приравнена к позиции сочетания двух самостоятельных слов.

В литературном варианте русского языка в этой позиции все парные по твердости–мягкости согласные перед фонемами ⟨и⟩, ⟨е⟩ и ⟨j⟩, начинающими следующее слово, выступают в своем основном виде[2].

При этом после твердых согласных фонемы ⟨и⟩, ⟨е⟩ реализуются в гласных среднего ряда [ы], [э]: от Иры [атыры], брат Иры [брат ыры], от Эммы [ат эмы], брат Эммы [брат эмы]; но: мать Иры [мат' иры], [мать Эммы [мат' емы].

[2] Вот почему одним из проявлений русского акцента при обучении иностранному произношению оказывается сочетание в сандхи конечного твердого (даже веляризованного) согласного с начальным *ы*, в то время как произношение на любом европейском языке, где нет корреляции согласных по твердости–мягкости, требует сочетания в сандхи невеляризованного и даже слегка палатализованного конечного согласного с начальным *и*. Ср., например, в немецком [darfiç] вм. [darf'ic], [musiç] вм. [mus'ic], [was ist das] вм. [was'ist das] и т.д.

Последний пример в записи, точно отражающей нормативное немецкое произношение, находим у Пушкина в "Евгении Онегине":

И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас

(Глава 1-я, XXXV).

Иной тип сандхи представлен в современном украинском языке. На стыке слов перед гласными переднего ряда здесь возможны только мягкие согласные.

Именно с таким фонетическим явлением на стыке слов мы сталкиваемся во многих севернорусских говорах.

В заметках С.С. Высотского о гласном *ы* находим следующее наблюдение: "Распространенность по говорам, как и в литературном языке, вариации *и–ы* в примерах "кот и повар" общеизвестна, однако такой тип сандхи не является единственным... несвойственное большинству говоров, как и литературному языку, смягчение конечных согласных перед *и* следующего слова *т'ех' и друг'их, иван' иваныч', поп' и балда* на окраинах территории южнорусских говоров может объясняться субстратом украинской фонетики, но этот же принцип сандхи встречается кое-где в с е в е р н о й зоне распространения с е в е р н о р у с с к о г о наречия" (разрядка моя. – *Р.П.*) [84, *81*].

Единичный пример такого рода находим у О. Брока [14, 82]: [вон' етот], который, впрочем, тут же оговаривается, что, возможно, здесь имел место эллипсис: "вон' и этот" (хотя и в таком контексте имеет место сандхи, не свойственное литературному русскому произношению).

Говор, описанный О. Броком, типологически близок к наиболее архаическим говорам из числа обследованных нами, а именно к говорам из Биряковского и Харовского районов Вологодской обл. Именно в этих говорах наблюдается последовательное смягчение этимологически твердых согласных перед ⟨и⟩, ⟨е⟩ на стыке слов, а также перед смягченными согласными и ⟨j⟩.

Вначале будет рассмотрен материал, записанный в Катромском с/с Харовского р-на Вологодской обл. (деревни Арзубиха, Полутиха, Злобиха, Макаровская, Дягелево, Никитинская). Согласные, различающиеся по месту образования, будут последовательно рассмотрены в позициях перед *и, е, j* и смягченными согласными.

1) Позиция перед *и*:

а) губные согласные:

[в' ин'д ииу], [з бл'инам' и хл'ебал'и];

б) переднеязычные согласные:

[ол'ексáндр' ид'éот], [на двуóр' и снос'и], [он' и говор'ит], [он' и поб ежáw], [он од'ин' и жы́w], [он' и говор'ит], [он' и прóс'ит], [мушы́н' и н é́ было], [нам ел'ут' ијо][3], [жен'щын' и тоо молуоже], [он' и в'jéце], [дъ нас' и в ел'и], [с'иконои], [как поес' ид'от], [нас' и погуóнат], [етот' иванow д'ен], [вот' и пр'ив'езýт], [вот' и нáо бы́ло], [тут' и попы́];

в) заднеязычные согласные:

[так' и жы́л'и], [их' и вар'иш], [одн'éх' икóн], [к' икóн'е].

2) Позиция перед *э*:

а) губные согласные:

[в' é́тот м'иэ̂l-от], [в' é́ту костр'ýл'у], [тóл'к'ь зашлá в' é́тот сосн'эак], [а там' é́тот н'икóл'ъскъи], [потом' é́т'и];

---

[3] Примечательно, что в результате возникает форма 3-го лица глагола (*намелють*). Сходная с южнорусской!

б) переднеязычные согласные:

[wот' ето старушка], [вот' ето], [в'ет' ето], [нам'ел'ут' етово горохy], [она wот с' етои м'ик'ит инс'к'ои была], [с' етовъ товар'иша], [што-то из'етово];

в) заднеязычные согласные:

[к' етому], [так' ето у нас пр'игороды называюце], [как' ета их, етот знаат], [отвод-от пр'итвор'аеца к' етому стowбу], [к' етому хоз'аину].

3) Позиция перед *j*[4]:

а) губные согласные:

[потом' ja], [в' jес'л'и], [об'jул'е];

б) переднеязычные согласные:

[из' jупк'и], (АС) [вот иево едаг зруб'ил'и], [ну вот'·ja ет'и травы тък на в'идок знаю] ;

в) заднеязычные согласные:

[ну как' ja гът вам закл'цу'ен'ие дам], [и ja к' иему], [и бол'ше жыт к' еи н'е пошл'и], [ja пр'ишла к' joи], [к' им гул'ет], [их' а заwтраком накормл'у], [их' иишо зал'jош водои].

Наконец, в позиции, поведение твердых согласных в которой недостаточно исследовано и в литературном варианте русского языка[5], а именно в позиции перед мягкими согласными, в говоре было отмечено последовательное смягчение этимологических твердых согласных. Ср. следующие примеры:

[На красном' м'ас'е], [а л'он' с'иел'и], [на иванов' д'ен'], [ет'им'с'л'едом], [пр'им'и моjу скот'инушку/к' с'иб'е на рук'и], [пр'им'и моиево м ilowo жывота/к' с'еб'е на рук'и], [снос'и к' с'еб'е].

Следует сразу же отметить, что, несмотря на явное количественное преобладание реализаций твердых согласных в палатализованных вариантах во всех перечисленных позициях, изредка были замечены и случаи сандхи, подобные тем, которые мы наблюдаем в литературном языке, т.е. случаи типа "в ын'д'иу", ср. примеры: [в ыjул'и л'и выjун'е], [тут ышо].

В типологически сходном говоре из Биряковского р-на отмечены подобные факты палатализации конечных согласных в сандхи. Ср., например:

1) Позиция перед *и:*

а) губные согласные:

[на п'ечи в' изб'е старуха], [вот л'иетом' ид'ош], [в' изб'е держала];

б) переднеязычные согласные:

[он'и постав'ил'и во фланг пул'ем'от'и], [с'ил'но ijо к'инул' и она];

---

[4] Фонетические реализации фонемы ⟨j⟩ в говоре еще более разнообразны, чем в русском литературном языке. В частности, *j* может реализоваться нулем звука, как в случаях [к' уре], [к'еи] и т.п. В литературном языке утрата *j* в слоге под ударением невозможна.

[5] О реализациях твердых конечных согласных в русском литературном произношении в указанной позиции см. [3, *212;* 70]. Наши наблюдения позволяют сказать, что полное смягчение конечного согласного перед следующим мягким на стыке слов воспринимается как явный украинизм, ср. в произношении И.С. Козловского: *приве*[т'т'еи]*бе, приют невинный; о*[н' н']*е отказывается* и т.д. Во всяком случае подобное смягчение конечного согласного в нормативном русском произношении невозможно в "светлом" участке фразы. Возможно, что оно допустимо в периферийных, "темных" фразовых позициях.

в) заднеязычные согласные:

[и в рука́х' ᵢиво п'ᵢла́], [та́к' и м'ерт'в'е́ц], [подᵢа́зок' и ло́ш'jес], [так' и л'ежа́т] и т.д.

Эти "нелитературные" случаи сандхи сосуществуют с теми, которые свойственны литературной норме.

Прежде чем обратиться к фонологической интерпретации изложенных фонетических фактов, следует отметить, что палатализация этимологически твердых согласных в сандхи – явление, распространенное далеко не повсеместно в зоне севернорусского наречия. Для сопоставления были обследованы говоры Белозерского р-на Вологодской обл. и севернорусские говоры на территории Карельской АССР.

Белозерский р-н Вологодской обл.

1) Позиция перед *и, е*

[д'е́в'ед' д'о́н ыска́л'и], [так ы бы́ло], [п'ер'ед ыко́ноᵢ], [вот ызв'ин'и́т'е], [так ысхуда́ᵢот фс'а б'е́днаа], [вот ето а́ᵢушка], [захо́д'ат ы с н'еᵢ вот ета ма́ч'еха], [взры́к ы р'ив'а́т] (="навзрыд и ревут"), [так ы было ра́нше], [м'ет'от ы́збу], [пото́м ето фс'е пр'ич'о́ты], [в'и́н'ик е́коᵢ], [вот ы пое́хал'и], [тут ы зап'ирова́л'и], [золо́вушок ы пл'ем'а́нушок].

2) Позиция перед мягкими согласными

[н'е́ с к'ем], [с н'им], [ц'ер'ез н'е́скол'ко вр'е́м'а], [потом н'есу́т], [там н'е́скол'ко].

3) Позиция перед *j*

[потом ыjé подру́г'и], [вот ja ишо́ роскажу́], [как ja б'е́днаа], [так ыjо́].

Медвежьегорский р-н Карельской АССР

1) Позиция перед *и, э*

[в ы́збу], [в ы́збы], [в ызбы́], [в ызб'о́нк'е], [в ызбу́], [как ыд'е́], [как е́то].

2) Позиция перед мягкими согласными

[с к'им].

3) Позиция перед *j*

[из jáндомы], [в jáндому], [от jáндомоз'ера].

Как видно из приведенных примеров, в отношении интересующего нас случая сандхи некоторые севернорусские говоры ведут себя аналогично литературному варианту русского языка. Отсюда следует вывод о том, что не все севернорусские говоры едины в плане реализации твердости–мягкости согласных на стыке слов.

Фонетическое различие представляется возможным связать с какими-то более глубокими различиями в фонологических системах севернорусских говоров. При этом следует иметь в виду, что говоры, типологически довольно далекие друг от друга, а именно, принадлежащие к Белозерской и Онежской подгруппам северного наречия, оказываются в определенном отношении сходными. Говор же Катромского и Кожуховского с/с Харовского р-на Вологодской обл. (Вологодская подгруппа северного наречия)

противопоставлен им, несмотря на то, что во многих других фонетических проявлениях он близок белозерским говорам.

Кардинальным различием в фонологических системах сравниваемых говоров оказывается различие в развитости корреляции согласных по твердости–мягкости. В катромском говоре, если говорить о поверхностном проявлении этой черты, отмечены так называемые согласные неполного смягчения.

Относительно говоров такого типа было даже высказано мнение в диалектологической литературе о том, что в них отсутствует корреляция согласных по твердости–мягкости см. [44]. Это наблюдение было сделано на материале говоров Биряковского р-на Вологодской обл., типологически очень близких катромским. Следует заметить, что сплошное прослушивание и транскрибирование текстов говора позволило выявить всю звуковую панораму и обратить внимание на такие детали, которые ранее при поиске отдельных примеров ускользали из поля зрения исследователей. Так, удалось установить, что полумягкость – не единственный способ реализации палатализации согласных. "Спектр" палатализованных оттенков согласных в говоре очень широк – от практически твердых (на месте этимологических мягких) до полностью смягченных. Сплошное литерирование текста позволило выявить, что существует определенная настройка говорящего на большую или меньшую палатализацию согласных в разных фрагментах текста. Поэтому вполне возможными оказались случаи полного смягчения согласных различных категорий, в том числе даже губных, которые, как известно, более других согласных подвержены отвердению. Но здесь имеется в виду фонетическая мягкость, которая может иметь место и в системах, в которых нет корреляции согласных по твердости–мягкости.

Вопрос же о фонологической принадлежности этих согласных представляется дискуссионным. И в этом отношении позиция согласных на стыке слов перед следующими гласными переднего ряда и мягкими согласными, как кажется, оказывается весьма показательной.

В языковых системах типа той, с которой мы сталкиваемся в литературном варианте русского языка, а также в большинстве его говоров, включая ряд говоров северного наречия, таких, например, как белозерские и заонежские, т.е. в тех, где имеет место произношение [к ыре], [ат эмы], [брат ыван'], "хозяевами положения" оказываются согласные. Позиция конца слова – сильная для противопоставления твердых–мягких согласных, поэтому твердые согласные фонемы реализуются в этой позиции в твердых согласных звуках. Гласные же "подстраиваются" под такое произношение согласных, вследствие чего фонема ⟨и⟩ реализуется в этой позиции в своей вариации [ы], а фонема ⟨е⟩ – в вариации [э], т.е. в гласных, обычно выступающих в позициях после твердых согласных.

В позиции перед словами, начинающимися с палатализованных согласных и палатальным *j*, твердые согласные фонемы реализуются в твердых согласных звуках; ассимилятивному воздействию следующих мягких согласных препятствует пограничный сигнал. Так обстоит дело в русском литературном языке и в большинстве русских говоров.

В тех языковых системах, где произносится [брат' иван], [к' ире], [в' инд'ии], палатализация конечного согласного не самостоятельна, а возникает под воздействием начального гласного последующего слова. "Хо-

зяевами положения" здесь являются гласные. Их тембром – переднерядным или непереднерядным – и определяется качество предшествующего согласного. Палатализация согласных в этих случаях имеет позиционный характер. Степень палатализации может иметь разные градации, зависящие от качества конкретных согласных, позиции во фразе и даже, как указывалось выше, психологической настройки говорящего. Такое положение, как кажется, возможно лишь в системах, где нет противопоставления согласных по твердости–мягкости – эта корреляция либо еще не сложилась, либо находится в зародышевом состоянии.

Были рассмотрены языковые системы, где все категории согласных либо противопоставлены по твердости–мягкости, либо это противопоставление отсутствует у всех категорий согласных.

Однако небезосновательным кажется предположение о том, что существуют говоры, где разные категории согласных неодинаково ведут себя в рассматриваемой ситуации сандхи. Так, позиционное смягчение перед последующими гласными переднего ряда могут испытывать либо только губные согласные, либо только заднеязычные, либо и те и другие, в то время как переднеязычные могут сохранять твердость. И в русском литературном языке, где корреляция по твердости–мягкости для заднеязычных согласных, по мнению ряда исследователей, не может считаться окончательно сложившейся, представляются неслучайными колебания в произношении конечных *к, х* в сандхи. Р.И. Аванесов [3] не случайно предостерегает против произношения мягких перед следующими *и, э* ("их' и́гры" и "их ыгры", "к'е́м'е" и "к э́м'ь").

Предварительное, и далеко не исчерпывающее, исследование материала литературного произношения позволяет отметить, что особенно часто заднеязычные согласные получают палатализацию перед последующим *j* ("их' ја́с'л'и", "к' ја́хт'ь"). Тот факт, что палатализация в таких случаях может быть неполной, только подтверждает предположение о связи "поведения" согласных в сандхи с корреляцией согласных по твердости–мягкости.

Наблюдения над речью дикторов радио, актеров театра и кино позволили заметить, что случаи сандхи, отличающиеся от нормативного, довольно часто встречаются. В ряде случаев такое произношение может быть объяснено, так сказать, "родимыми пятнами" диктора или актера и связано с его более ранним украинским или диалектным говорением. Так, у И. Смоктуновского (севернорусская диалектная база) отмечено [в' е́т' их'рбш'ахъ, [песо́к' и пы́л'] и др.; у В. Ланового (украинская база): *на восток* [к' и] *запад; принесенны* [х' и] *ми жертв, винтово* [к' и] *пулеметов;* у М. Астангова (украинская база): *автомобильны* [м' и] *парусным гонкам, по коридора* [м' и] *ще в тот сумрачный час;* у П. Кадочникова (украинская база): *высоки* [м' и] *страшным голосом.*

Однако даже у лиц, чье произношение во всех остальных проявлениях совершенно нормативно, нам случалось отмечать смягчение конечных заднеязычных перед следующими гласными переднего ряда, например: [к' е^{и} н'ерг'ии] – М.А. Реформатская.

Такое произношение отмечено у А.А. Реформатского, В.Н. Сидорова, С.С. Высотского, М.А. Реформатской.

Можно предположить, что такое позиционное смягчение заднеязычных согласных в литературном языке, хотя и проявляется спорадически, все же

отражает некую неустойчивость корреляции заднеязычных согласных по твердости–мягкости.

Любопытно отметить, что в современном русском произношении, которое, впрочем, должно быть отнесено к сфере разговорной речи, в результате эллипсиса начального *j* в предударных слогах, возникает возможность сочетания мягких губных и заднеязычных с последующим *и* в условиях сандхи как бы по украинской и севернорусской модели. Имеются в виду случаи типа:

[в' инвар'е́, в' ипо́н'ии, в' иврóп'ъ, в' ираслáвл'ъ, в' ијó глазáх, к' иво́ радны́м, к' ијó уд'ивл'ён'ию] и т.д.

Мягкость согласного в этих случаях – след исчезнувшего *j*. Впрочем, эти формы сандхи сосуществуют с другими, где конечный твердый согласный сочетается с начальным гласным непереднего ряда:

[в ънвар'е́, в ыпо́н'ии, в ывроп'е, к ыво́ радны́м, к ыjó уд'ивл'ён'ию] и т.д.

Такие колебания в выборе твердого или мягкого согласного характерны только для губных и заднеязычных. Переднеязычные согласные в этой позиции реализуются только в твердых вариантах:

[с ънвар'а́, из ыпо́н'ии, п'ър'ъд ывро́пъи, ат ыjó пал'то́, он ывó в'ид'ъл] и т.д.,

что естественно, поскольку в кодифицированном произносительном варианте эти согласные сохраняют твердость перед *j* [6]:

[с иинвар'а́, из иипо́н'ии] и т.д.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Прежде чем обратиться к анализу речевого материала, следует еще раз указать на те непредвиденные трудности, с которыми сталкивается на своем пути исследователь живой речи говора. Это естественно, ведь каждый говор являет собою систему, в корне отличающуюся от системы родного языка исследователя. С.С. Высотский по этому поводу как-то сказал, что к изучению любого говора следует относиться без тени высокомерия, как к изучению иностранного языка.

Особенно много неизведанного таит в себе просодическая сторона диалектной речи. Эта область недостаточно изучена и в русском литературном языке, а в говорах это настоящая "terra incognita". В этой связи можно вспомнить наблюдение К.К. Барышниковой: "Но как только исследователь рискует погрузиться в поток живой речи ... правила перестают действовать, а соотносимые слова рассыпаются и соединяются ударениями совсем не в указанных позициях, да еще порождают новые, неожиданные слого-

---

[6] Таким образом, севернорусская шутка *"В деревне* [волк'и] *церковь* [из'jел'и]" потому и шутка, что [из'jел'и] может соответствовать и *изъели* и *из ели* (а [волк'и] – *"волки"* и *"Волки"*). В литературном же языке двойного смысла нет, т.к. *"изъели"* и *"из ели"* произносятся по-разному: [из'jел'и] и [изjел'и]. Впрочем и в литературном языке идет процесс отвердения [з'] в приставке.

вые выделенности, которые вызывают недоумение и растерянность у исследователя" [8, *7–8*].

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся, рискнув погрузиться в поток живой речи говора.

Поэтому наши наблюдения под просодической стороной спонтанной речи севернорусских говоров носят во многом предварительный характер. В данной работе мы остановимся лишь на некоторых аспектах функционирования словесного ударения во фразе.

Акцентная организация слова в севернорусских говорах в собственно фонетическом, а точнее акустическом аспекте, до сих пор изучена недостаточно. Если подобные исследования и проводились, то внимание исследователей привлекала просодическая (вернее, темпорально-динамическая) организация диалектного слова в изолированном произнесении, т.е. фактически просодика слова-фразы. Само собой разумеется, что в таких случаях "идеальный" просодический облик слова не деформируется рамками просодии более широкого фразового контекста.

Сведения о просодических характеристиках изолированных трехсложных слов в севернорусских говорах содержатся в работе С.С. Высотского [21].

Специально исследованию проблемы просодической организации слова в севернорусских говорах посвящена монография З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой [6].

Задачей данного раздела является исследование некоторых аспектов функционирования слова во фразе, а именно некоторых случаев деформации просодического контура слова в пределах просодической организации фразы.

Слуховой анализ магнитофонных записей спонтанной речи исследуемых говоров позволил отметить следующие особенности просодической организации этих текстов:

1 Первое наблюдение относится к интонационному оформлению фразы в этих говорах. Обращает на себя внимание мелодическая выделенность, как бы особая интонационная самостоятельность слов, включенных в общий интонационный контур фразы. Почти каждое слово во фразе получает свое мелодическое оформление, становясь, таким образом, обособленным от соседних слов[1] - Это явление последовательно наблюдается в говорах с полным оканьем, т.е. относящихся, согласно современной диалектной классификации, к севернорусскому наречию.

Говорам с неполным оканьем (окающим среднерусским говорам, согласно современной классификации) эта черта, кажется, несвойственна.

2. В вологодских, кировских, архангельских и других говорах с полным оканьем обращает на себя внимание обилие начальных словесных ударений.

---

[1] Л.К. Цеплитис в своей монографии, посвященной анализу речевой интонации, определяет такой тип мелодики как повторение восходяще-нисходящего мотива в пределах одной синтагмы [85, 115]. Мелодическую обособленность каждого слова в отдельных ритмизованных участках текстов в севернорусских говорах отмечала Е.А. Брызгунова [15, *247, 262*]. Этот интонационный тип описан Т.М. Николаевой применительно к славянским языкам. Она полагает, что пословное оформление интонационного контура свойственно наиболее архаичным языковым системам [61].

Реже и менее последовательно эта черта проявляется в среднерусских окающих говорах – калининских, владимирских, новгородских.

Остановимся подробнее на последнем явлении.

Очень ярко тенденция выделения первого слога в слове проявляется в говорах Вологодской области, особенно последовательно – в говорах из Харовского и Биряковского районов. Поэтому основной материал для наблюдения был нами использован именно из магнитофонных записей этих говоров.

Прослушивание магнитофонных записей и последующая классификация материала показали, что начальный слог слова в говорах может приобретать акцентное усиление двумя способами: 1) этот слог может становиться носителем единственного ударения в слове и 2) он может получать второстепенное ударение при сохранении основного ударения на том же слоге, что и в литературном языке.

Примеров первого рода сравнительно немного, ср.:

[зáв'иw (= завил), сóрвал'и, пóд'и воза ц'отыр'и, п'ер ел'ил'и, н'е прыгаи, н'е здал'и, жер' еб' еи, н'е п'ил'и, розошлас', на сн'ек, од' еиало, сосна, из л'исту, из в'еку, з горбом, óщево (= от чего), б'ез м'ely-то].

Гораздо более многочисленны случаи появления второстепенного ударения на начальном слоге слова. По нашим наблюдениям, это явление преимущественно отмечается в многосложных словах с ударением на третьем слоге, т.е. в словах модели СГСГСЃ (СГ). Впрочем, были отмечены и примеры другого рода, весьма немногочисленные (например, [пóсл'е вóйны, пол'éана, мòлóд'ен'к'ои – модель СГСЃ (СГ...); нà пап'ирóск'и, пò кл'ев'ерáм, нà лошад'é – модель СГСГСГСЃ (С...).

Тем не менее, примеры с усилением слога, расположенного через один перед ударным, преобладают, при этом обращает на себя внимание обилие таких случаев в глаголах с приставками, либо с отрицательной частицей *не*:

[òбожду́, пòзовýт, пòтход'и, нè поид'óт, нè поид'óш, зàл'ивáл'и, нàкладýт, нàвар'иш, пол'ивáл'и, пр'ин'ес'óм, нàзывáл'ис', нàдругáл'ис', пол'ивáл'и, пòсад'úла, н'è дajóт, выход'úла, òд'евал'ис', н'è игрáw, нàкос'иw, úзлов úw, прòход'и, н'è скажý, пр'ивезýт, н'è кос'иw, пòпад'ош, пòдн'ес'и] и т.д.

В ряде случаев второстепенное ударение наблюдается также на первом слоге бесприставочных глаголов: [б'ер'егл'и, кòлот'úще, вòрожыл'и, àр'естýиут, ск'ип'ет'éат, гòвор'ит] и др.

Однако круг лексики, в которой происходит дополнительное усиление начального слога, не ограничивается глаголами. То же явление прослеживается и в многосложных существительных, прилагательных, сочетаниях предлогов с местоимениями, ср., например:

жýравл'óм, дóмотканоио, м'éховáй, сò страху, п'ер'едо мнóи, с пр'иговýром, с'енокýсом, стáр'ик'и-т'и, п'ирог'и, б'ез м'ely-то, нà д'ер'евн'е, пр'ётс'едáт'ел'ем, н'иколáи, нà поскýтк'е, нà лошад'é, мòлóд'ен'к'ои, мòлóд'еош, дл'и кожхозу, настас'иа, до кр'ежа, пол'ев'атам, на стол'ие, родн'ич'ок, от ов'ец, на пап'ироск'и, бр'игад'ир, до конца, по гр'ибы, по кл'ев'ерáм, кòрол'иха, пóсл'е воины, пол'éана и др.

Как видно из приведенных примеров, и здесь преобладает дополнительное акцентное усиление проклитик – предлогов, приставок и отрицательных частиц, однако этими случаями перечень примеров не исчерпывается.

Парадокс описываемого явления заключается в том, что в любом из перечисленных слов (а их список по существу остается открытым) возможно и отсутствие второстепенного ударения. Ср. примеры:

[н'е крошы́л'и, называ́л'и, накроша́т, вос'ем' ц'elов'ек, розв'оду́т, навар'а́т, н'е помну́огу, навал'а́т, выпуша́ю, накорм'и́, пр'игон'и́, п'ер'его-вор'и́л'и, н'е изв'е́сно, н'икода́, говор'и́т, навоз'и́w, подговор'и́, поиав'и́-loc'] и др.

Этот список также может быть легко продолжен. При этом любое из перечисленных слов могло бы иметь второстепенное ударение.

Видимо, подобное явление наблюдал П.С. Кузнецов в архангельских говорах (говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы). Он пишет: "В многочисленных словах обычно развивается, помимо главного, вторичное ударение. Особенно заметно оно в более чем трехсложных словах с ударением на начальном слоге. Это вторичное ударение тем сильнее, чем многосложнее слово и чем, следовательно, дальше расположено оно от главного ударения. Что касается места вторичного ударения, то в четырех– и пятисложных словах с начальным ударением (на такие больше всего примеров) оно падает, по-видимому, обычно на конечный слог. В тех случаях, когда дальше нет слогов, оно падает на второй от ударения. Примеры: за́ о́зеро̀-то ... С вторичным ударением *в начале слова* (курсив мой. – *Р.П.*): два̀ццэт'и́ (Прилук в Суре), вы́даите (=выдадите – Малетинская)... В отношении места ударения наблюдаются колебания в одних и тех же словах, когда такие колебания не влекут за собой смешения смысла. Колебания можно услышать в говоре одного и того же лица" [56, *11–12*]. Ср. также наблюдения В.В. Колесова в работе [54].

На просодическую выделенность слога, находящегося через один от ударного (перед ударным либо после него), обращал внимание О. Брок в своем исследовании севернорусского говора из юго-западной части Тотемского уезда. Отмечая появление такого второстепенного ударения, он пишет: "Чаще всего, по-видимому, оно является через слог после главноударяемого, как, например, в boγátowò. kólokòlo". И далее: "Слабейших слогов говора мы во всяком случае вправе искать непосредственно после ударяемого, например, во втором слоге, kórop" [14, 17].

В дипломной работе И.В. Орловой "Явление ляпанья[2] в севернорусских говорах" (МГУ, 1978) отмечается, что в заонежских говорах, на материале которых было проведено исследование, регулярно усилены нечетные слоги в составе фонетического слова, в то время как четные слоги ослаблены.

Волнообразное строение просодического контура слова в севернорусских говорах отмечают также З.М. Альмухамедова и Р.Э. Кульшарипова[3] [6].

---

[2] *Ляпанье* – фонетическое явление, наблюдающееся в русских говорах Заонежья, заключающееся в переносе ударения на первый слог. В ряде говоров при этом происходит изменение этимологического гласного первого слога (см., например [22, *32–34; 51*]).

[3] В книге З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой содержится также указание на то, что подобным же образом строится просодика слова в украинском языке [6, *47*].

Все эти наблюдения могут служить подкреплением гипотезы о том, что перед нами – явление, широко распространенное в современных говорах русского Севера.

Некоторые данные по исторической акцентологии русского языка свидетельствуют о том, что древнерусское слово также отличалось волнообразным строением акцентного контура. Это открытие принадлежит А.А. Зализняку. Исследовав акцентуацию древнерусской рукописи XIV в. "Мерило праведное", А.А. Зализняк обнаружил, что в этом памятнике довольно последовательно выявляется некоторое просодическое усиление второго заударного слога; отмечены также случаи усиления четвертого заударного слога (были выявлены графические способы передачи просодически усиленных гласных) [31][4].

Аналогия с современными севернорусскими говорами прослеживается в том, что в обоих случаях – и в древнерусском тексте, и в современных говорах – усиление испытывает слог, находящийся через один от ударного (ср. аналогичное наблюдение О. Брока).

Естественно, возникает вопрос: какими речевыми средствами достигается впечатление о просодическом усилении первого слога (при сохранении основного ударения на его "законном" месте)? Слуховой анализ материала, подкрепленный данными осциллографического анализа, показал, что ведущая роль в усилении первого слога принадлежит тону[5].

Графики, отражающие кривые изменения основного тона[6] в пределах интересующих нас участков фраз, приведены на рис. 22–27. Замечательно, что случаи восприятия на слух второстепенного ударения на первом слоге коррелируют с заметным повышением тона на гласном этого слога (ср. примеры: *однòво-то она прѝвезлá, ничево говорит я нè знáю, они меня ведь àрестýют* и т.д.).

Интересно отметить, что такое мелодическое выделение первого слога в отмеченных словах имеет место независимо от типа интонационной конструкции, оформляющей фразу (ср. графики на рис. 23 и 24, где выделенные слова завершают фразы, оформленные разными ИК (в терминах Е.А. Брызгуновой): в первом случае – ИК-1 (*Они меня ведь арестуют*), во втором – ИК-2 (*А хто виноват-то?*).

При этом повышение тона на первом слоге, несущем второстепенное ударение, может варьировать в довольно широком диапазоне. Частота ос-

---

4 Следует заметить, что и в современном русском литературном языке, по-видимому, сохраняются следы этого реликтового явления, во всяком случае, в строении заударной части слова. Действительно, самый слабый слог в русском – первый заударный, в то время как второй заударный получает некоторое просодическое усиление. На материале русских рифм это убедительно показал М.В. Панов [64].

5 В этой связи можно вспомнить типологическую классификацию языков в зависимости от характера ударения, принадлежащую Т.М. Николаевой: "В каждом языке существует преобладающая тенденция предпочитать один акустический параметр: интенсивность, тон, или темпоральные характеристики. Это также является типологическим фактором, и поэтому мы можем говорить о f-ориентированных, t-ориентированных и *i* -ориентированных языках [91, *71*]. Возможно, что севернорусские говоры в отношении ударения являются "f-ориентированными", в отличие от "i-ориентированного" литературного русского языка!

6 Методика вычисления значений основного тона по осциллограммам изложена в работе Л.В. Бондарко [11].

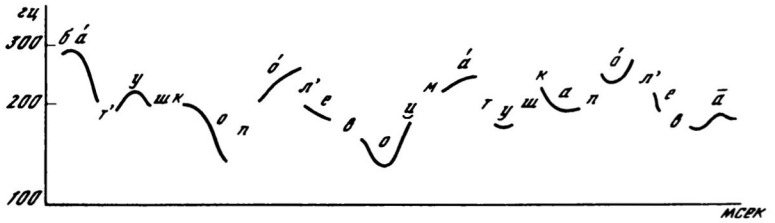

Рис. 20. График движения основного тона во фразе: *Ба́тюшко по̀лево́й, ма́тушка по̀лева́я!*

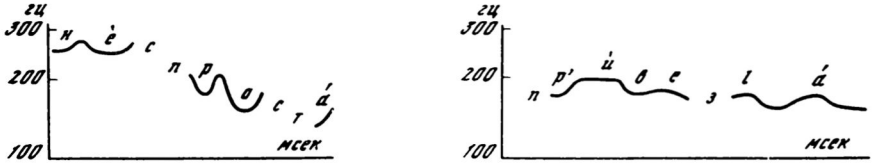

Рис. 21. График движения основного тона в слове *нѐспроста́* из фразы: *Захожу в деревню неспроста*

Рис. 22. График движения основного тона в слове *прѝвезла́* из фразы: *Одного-то она привезла*

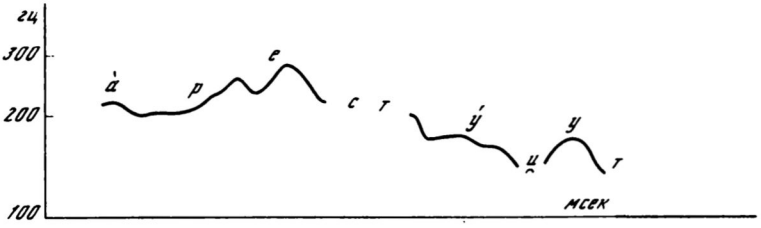

Рис. 23. График движения основного тона в слове *а̀рестую́т* из фразы: *Они меня ведь арестуют*

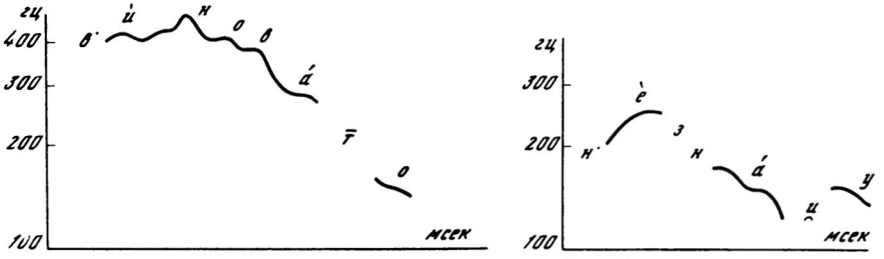

Рис. 24. График движения основного тона в слове *вѝнова́т-то* из фразы: *А хто винова́т-то?*

Рис. 25. График движения основного тона в слове *нѐ зна́ю* из фразы: *Ничего, говорит, я не знаю*

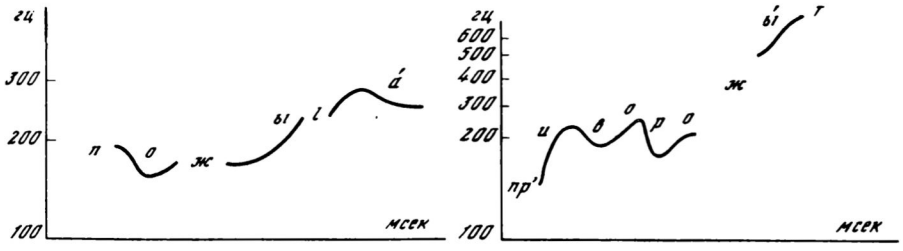

Рис. 26. График движения основного тона в слове *пожила́* из фразы: *Вот она там пожила*

Рис. 27. График движения основного тона в слове *приворожи́ть* из фразы: *Надо мужика-то приворожить!*

новного тона на гласном первого слога может лишь незначительно превышать частоту основного тона на гласном ударного слога. Ср.:

пр'ив'езла́	– *и* 195 – 165 *гц*
	– *а* 165 – 150 *гц*
ар'есту́ют	– *а* 220 – 200 *гц*
	у 200 – 160 *гц*
н'е лаит'е	– *е* 250 – 250 *гц*
	– *а* 200 – 160 *гц*
н'е п'ер'еговар'иваит'е	– *е* 350 – 350 *гц*
	– *а* 250 – 200 *гц*

В других случаях перепад частоты основного тона между первым слогом и несущим основное ударение может быть более значительным. Ср. следующие примеры:

по́л'ево́щ	– *о* 200 – 250 *гц*
	– *о* 150 – 115 – 160 *гц*
по́л'ева	– *о* 180 – 160 – 245 *гц*
	– *а* 125 – 158 *гц*
по́л'ев'а́та	– *о* 200 – 240 *гц*
	– *а* 125 – 135 – 125 *гц*
н'е руга́ит'е	– *е* 280 – 300 *гц*
	– *а* 200 – 160 – 140 *гц*
н'е зна́иу	– *е* 200 – 250 *гц*
	– *а* 160 – 140 – 125 *гц*

Наиболее значительный перепад частоты основного тона из наших примеров наблюдается во фразе *А хто виноват-то?:*

и 405 – 420 – 475 *гц*
а 300 – 275 *гц*
о (зауд.) 150 *гц*

Во всяком случае тон на ударном слоге во всех рассмотренных примерах ниже, чем на первом слоге, несущем второстепенное ударение.

Принципиально иное распределение мелодического контура наблюдается в многосложных словах, где нет просодического усиления первого слога.

Ср., например:

пр'ивор<u>о</u>жыт	– *и* 145 – 200 – 220 *гц*
	– *ы* 350 – 375 – 450 *гц*
пожыл<u>а</u>	– *о* 180 – 150 *гц*
	– *а* 275 – 250 *гц*

т.е. в этих случаях общее движение тона в пределах трехсложного слова – восходящее (см. рис. 25–27).

Второстепенное ударение и темпоральные характеристики гласных

Данные о темпоральных характеристиках гласных, полученные на основании анализа осциллограмм, свидетельствуют о том, что "идеальные" схемы распределения длительности в пределах многосложных слов при наличии в них второстепенного ударения на первом слоге оказываются нарушенными.

По данным С.С. Высотского [21, *38*], ритмическая схема трехсложного слова модели СГСГСГ(С...) в говорах северовосточной зоны севернорусского наречия характеризуется следующими соотношениями слогов по длительности: 51–57–100[7].

По данным З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой [6], вологодские (белозерские) говоры отличаются следующими темпоральными характеристиками трехсложного слова (модель СГСГСГ(С) : 50–66–100; кировские – 47–52–100; костромские – 55–59–100; пинежские – 40–42–100; холмогорские – 60–70–100 (сведения о длительности приводятся в процентах по отношению к гласному ударного слога).

Естественно, что конкретные цифровые значения колеблются от автора к автору (ср. некоторые расхождения в данных из приведенных двух источников), однако во всех случаях довольно отчетливо прослеживается общая тенденция построения слова модели СГСГСГ: 2-й предударный слог – наиболее краткий, 1-й предударный несколько превосходит его по длительности; самый длительный слог – ударный.

Во фразе, при появлении второстепенного ударения на первом слоге слова, эти соотношения оказываются нарушенными. Ср. следующие примеры (данные о длительности приводятся в процентах по отношению к длительности ударного слога):

пòлевóй (98 – 100 – 100%);
пòлева (75 – 50 – 100%);
пòлевя́та (75 – 125 – 100%);
àрестýют (120 – 100 – 100%);
нè ругáйте (70 – 70 – 100%);
привезлá (62 – 50 – 100%);
винова́т-то (200 – 80 – 100%);
нè перегова́ривайте (117 – 66 – 75– 100 – 100%);

---

[7] Цифровые данные, приведенные С.С. Высотским: 45 – 50 – 88, отражающие усредненные значения длительности гласных в *мс*, мы перевели в проценты, приняв за 100% длительность ударного гласного.

не спроста́ (150 – 70 – 100%);
на сохране́ние (120 – 66 – 80 – 100%).

Очевиден разброс приведенных значений длительности. На основании полученных данных можно лишь сделать вывод о том, что "идеальная" ритмическая схема слова во всех приведенных примерах испытывает деформацию. Гласный слога, несущего второстепенное ударение, почти во всех случаях превышает по длительности гласный последующего слога, и тогда ритмическая организация слова в целом приобретает очевидный волнообразный характер[8].

В ряде случаев гласный первого слога превышает по длительности гласный ударного слога; в отдельных примерах гласные 2-го и 1-го предударных слогов оказываются равнодлительными и тогда, видимо, решающую роль в восприятии первого слога как акцентно усиленного играет высота основного тона.

В тех примерах, где по слуховым ощущениям не наблюдалось просодического усиления первого слога, распределение длительности гласных подчинялось "нормальной" закономерности, ср. примеры:

приворожы́т (60 – 56 – 69 – 100%);
пожыла́ (40 – 60 – 100%);
не поид'о́т: (50 – 70 – 100%);
хорошо́ (50 – 70 – 100%).

Следовательно, с восприятием первого слога как акцентно выделенного коррелирует повышение основного тона на гласном этого слога (это наблюдалось безысключительно во всех случаях, проверенных нами), а также некоторое увеличение длительности этого гласного (последняя закономерность прослеживалась не всегда). Следовательно, ведущая роль в акцентном выделении первого слога принадлежит высоте основного тона.

Нам представляется, что в работах, посвященных восприятию ударения в литературном варианте русского языка, роль мелодического рисунка, оформляющего слово, явно недооценивается. Лишь в последние годы появились публикации, в которых этот вопрос обсуждается.

Н.Д. Светозарова и Л.П. Щербакова, экспериментируя с восприятием ударения в синтезированных словах, обнаружили, что ударение в изолированном двусложном слове лучше всего воспринимается русскими слушателями, когда заданные изменения частоты основного тона соответствуют фразовой интонации [79].

В нашей работе [10] по восприятию ударения в двусложных и трехсложных русских словах мы столкнулись с аналогичным явлением.

Был проведен следующий эксперимент.

На магнитофонную ленту были записаны слова в произношении диктора – носителя старомосковской нормы, в речи которого наблюдается значительное удлинение гласных первого предударного слога.

Затем магнитофонная запись подвергалась дальнейшей обработке: исходные слова деформировались с целью элиминирования смысла. Превращая естественные слова русского языка в квазилоготомы, мы хотели выяснить, при каких условиях первые предударные слоги, довольно длитель-

---

[8] Ср. аналогичные наблюдения над ритмикой слова в древнерусском языке [31] и в украинском языке [6, 47].

ные и интенсивные в произношении нашего диктора, могут быть восприняты как несущие ударение, именно для этого нам понадобилось затушевать смысл исходных слов.

Исходные слова подвергались усечению (например, *получим* превращалось в *палу, абажур* – в *бажу* и т.д.), перестановке слогов (*опалить* превращалось в *алипать, уложить* – в *ужилать* и т.д.); одну из программ для аудиторского анализа составили двусложные, усеченные из исходных трехсложных слов, квазилоготомы с переставленными слогами (*жуба* из *абажур, липа* из *опалить*).

При прослушивании квазилоготомов с переставленными слогами все аудиторы отмечали неестественность интонации, и поэтому в ряде случаев затруднялись в определении места ударения.

Этот эффект, без сомнения, связан с важностью для нашего восприятия ударения мелодического контура, оформляющего слово. Искажение мелодического рисунка, его изломы, вызванные перестановкой слогов в нашем эксперименте, приводили к затруднениям в определении места ударения.

Возможно, что в сознании носителей говора такое высотно-темпоральное усиление первого слога многосложного слова и не связывается с ударением. Вполне допустимо, что только говорящие на литературном языке воспринимают эти слоги как несущие дополнительное ударение.

Усиление первого слога слова в начале фразы и синтагмы может быть связано с общим динамическим контуром фразы в севернорусских говорах, которым, как было показано, свойственно сильноначальное строение синтагмы и фразы.

В таких случаях, как: Ко́льца бря́кнут /у̀ дуги́; В пе́цкю поста́вят/ скѝпетя́т / пото́м вы̀нут; Оно́ та́к-то / бѐз ме́лу- / нѐ пойде́т, усиление первого слога после паузы, отмечающей границу между синтагмами, вполне отвечает просодической организации севернорусской фразы.

Не исключено, что отмеченное повышение тона на первом слоге многосложного слова не в начале синтагмы и фразы выполняет маркировочную функцию и является пограничным сигналом. Однако такое предположение оставляет без объяснения тот факт, что в целом ряде случаев слова той же самой ритмической структуры (и даже те же самые слова) не испытывают во фразе деформации исходного мелодического контура, что уже было отмечено выше. Ср.:

мы так называли [jашны п'ѝрог'и́]

и

[нап'еку́т п'ирогу̂о w-то.]

Небезосновательным кажется предположение, что просодическое усиление первого слога в некоторых многосложных словах может быть связано с общей ритмической организацией текста, а именно: в т о р о с т е п е н н о е у д а р е н и е появляется в тех случаях, когда расстояние между двумя ударными слогами превышает некоторое к р и т и ч е с к о е з н а ч е н и е (2–3 слога). Это можно проиллюстрировать транскрипцией фрагментов спонтанной речи говора:

ра́нше н ѐ зва́л'и wот е́то су́пом

а фс'о́ шт'и́ скору̂омны шт'и́

карту̂ошок н'ѐ кро̆шы́л'и тол'к'и

л'иш одну́о м'а́со да owc'а́ну кру́пу
вот полу́ожут шт'и называл'ис
н'ец'евуо́ н'е кlал'и ето́ на́завал'и
пруо́сто шт'и до тово wкусно
owc'а́нои крупы́ положат да м'а́со
ф п'е́ц'к'у постав'е́ат / ск'ип'ет'ат
потом вынут муц' к'ой розботаи́ут
э́тот м'elо́к и постав'ат певуо́
вот на п'е́ц'к'у ход'ит
б'е́з м'elу-то н'е́ поид'от /
м'слу-то и накladут
он с м'е́ом-то и поид'от
а ето́ уш как навар'иш
как ц'угу́н бол'шои навар'иш
ето́ кlал'и ето́ на стол'не́ уш
и мука́ была́ крас'ивана
п'ирог'и был'и дак што́ ты
был'и горуоховыио п'ирог'и п'екл'и
ис'ц'и стоо горуо́ху нам'ел'ут
нам'ел'ут е́тоо горуо́ху
был'и жowты-жowты п'ирог'и
он што́ ты на молок'ие /
сразу росыпал'ис' в рог'е /
хорушыио был'и п'ирог'и /
туол'к'о л'иш вот' ето́ пол'ивал'и /
как ежел'и потход'ас'е дак
лошк'и дв'е тр'и как на п'ирог'и
натвуор'еат стар'ик'и-т'и
мы́ так называл'и jашны́ п'ирог'и

Из приведенных отрывков текста видно, что максимальный интервал между двумя ударениями — четыре безударных слога. Однако такие случаи в наших текстах весьма редки, преобладает модель с чередованием двух безударных слогов с одним ударным. Часто встречается хореическая организация текста, с регулярным чередованием ударных и безударных слогов, ср., например [был'и жowты-жowты п'ирог'и].

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что второстепенное ударение появляется в тех участках текста, где скапливается три и более безударных слогов, — в тех случаях, когда структура слова это допускает

(как уже подчеркивалось выше), "удобными" для возникновения второстепенного ударения моделями слов оказываются многосложные модели с ударением на третьем слоге. Многосложные слова с ударением на втором слоге, как правило, не развивают дополнительного ударения на первом слоге. Поэтому в некоторых участках текста, включающих слова такой структуры, интервалы из безударных слогов могут быть довольно длинными (3–4 слога). Ср.:

[он с м'е́ом и поид'о́т]

Кроме того, анализ материала показывает, что появление второстепенного ударения возможно преимущественно в тех случаях, когда многосложное слово модели СГСГСГ(СГ...) находится в позиции конца синтагмы. Поэтому в примерах типа [бы́ли гору́оховыио п'ирог'и́ п'екли́] даже при стечении пяти безударных слогов (редкий случай!) на первом слоге слова *пироги* второстепенного ударения не наблюдается.

Ритмическая организация текста становится еще более отчетливой, когда мы анализируем некоторые фольклорные жанры народной речи – заклинания, заговоры, поговорки и т.п. В этих разновидностях устной речи чередование ударных и безударных слогов определенно подчиняется стопному принципу организации текста, ср., например, текст заговора, обращенного к "полевому":

Ба́тюшко по̀лево́й!
Ма́тушка по̀лева́я!
Ва́ши по̀левя́та!
Возьми́те мою чернухоньку
На̀ сохранение.
Пойте, кормите,
Домой пригоните,
Людям на завидост,
А мне на радост.

Или текст заговора, который следует произносить при переезде в новую деревню:

Захожу́ в дере́вню нѐ спроста.
Соба́ки нѐ ла́йте, лю́ди не ругайте,
Нѐ перегова́ривайте, а любите до̀ ста ле́т!

Таким же образом ритмически организованы тексты песен, частушек:

Ры́жий ко́нь,
Не ходи,
Нѐ стуни
На̀ чужу́ сторону́.
Встань-ко́ ми́лый, про́будись,
И без тебя́ худа́я жи́сь!
Ой роди́тели нело́вки
Меня́ де́ржат на̀ вере́вке.
На̀ вере́вке, на̀ гужу́,
Перекушу́ да у̀бежу́![10]

9 Все тексты записаны в Харовском р-не Вологодской обл.
10 Текст частушки записан в Мезенском р-не Архангельской обл.

www.ruslang.ru

Во всех этих текстах эффект ритмизации речи создается с помощью акцентного выделения первого слога слов модели СГСГС Ѓ(С...).

Определенная ритмическая организация – свойство речи на любом языке, одна из речевых универсалий[11].

Л.В. Златоустова, автор нескольких работ по ритмике речи, определяет речевой ритм как "упорядоченное соотношение во времени различных элементов речи, словесное и фразовое ударения, паузация и динамический контур" [36, *36*]. В цитируемой статье она отмечает, что библиография работ по ритмике русской речи насчитывает не одну сотню названий, однако большая часть этих работ посвящена ритмике поэтической речи, к изучению ритма прозы специалисты обратились сравнительно недавно.

Впервые на ритмическую упорядоченность прозаической русской речи обратил внимание А.М. Пешковский [69]. Он отметил, что часто в речи используются слова, как будто бы совсем не нужные для данного сообщения; они вводятся то в середину предложения, то появляются в конце – всякий раз, когда возникает необходимость упорядочить ритм нашей речи.

Развивая эту мысль А.М. Пешковского, Г.Н. Иванова-Лукьянова предприняла исследование ритма русской прозаической речи [38–40] на материале текстов художественной, научной и публицистической литературы. Рассматривая ритм как сложное явление, создающееся взаимодействием трех элементов: ударения, паузировки и интонации – Г.Н. Иванова-Лукьянова в своих работах показала, что проза организована ритмически, наиболее ярко это проявляется в текстах художественной литературы, в текстах же научной и публицистической литературы ритм оказывается менее упорядоченным.

В работе [38] Г.Н. Иванова-Лукьянова проверила свои наблюдения и на текстах разговорной речи и пришла к выводу о том, что этим текстам свойственна высокая ритмическая организованность.

Специально исследованию русской разговорной речи с этой точки зрения посвящена работа Н.Н. Розановой [75]. Согласно ее наблюдениям, и в устной русской речи слишком большие "пробелы" (заполненные безударными слогами) между двумя ударениями избегаются. Регуляторы ритма в русской литературной речи могут быть различными: порядок слов, их фонетическая деформация (редукция в многосложных словах): « сокращая свой слоговой состав, они приобретают ритмическую "гибкость", свободнее приспосабливаются к требованиям ритма, не нарушают ритмический рисунок фразы» ; использование динамически неустойчивых слов (термин Г.Я. Панкраца [62]), гибкость границ речевых тактов, появление дополнительного ударения в сложных словах.

Как видно из приведенного перечня, только последний способ ритмической организации речи совпадает с тем, что мы наблюдали в севернорусских говорах. В литературном варианте русского языка только сложные слова допускают появление дополнительного ударения, и оно возникает в тех случаях, когда это диктуется требованиями ритма.

В севернорусских говорах дополнительное ударение "разрешено" для слов определенной ритмической структуры, а именно, для таких трех- и

---

[11] См., например, замечание Л.Р. Зиндера: "... дополнительное ударение называют ритмическим: по некоторым данным оно обязательно появляется после ч е т ы р е х безударных слогов" (разрядка моя. – *Р.П.*) [34, *261*].

многосложных слов, где ударение падает на третий слог. Кстати, и сложные слова такой ритмической структуры подчиняются тому же правилу (ср. примеры: [с'ѐиокýдсом, дòмотка́ноцо] и др.).

Итак, в севернорусской диалектной речи проявляется тенденция к ритмической ее организации. Несмотря на то, что ритм – свойство речи на любом языке, можно говорить о разных степенях выраженности этого явления. Так, даже в разных стилях русской речи, как это было показано в работах Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, склонность к ритмической организации проявляется по-разному.

Есть все основания считать, что в севернорусских говорах ритм играет особенно важную роль. Пластичность акцентного контура многосложных слов – только один из регуляторов ритма. Дальнейшие исследования в этом направлении, несомненно, выявят и другие.

Как на одно из проявлений склонности севернорусской речи к повышенной ритмичности можно указать и на наличие в ней повторов: повторяются отдельные слова, синтагмы.

Повторы свойственны и русской литературной речи (см. 87, *285*), но в севернорусских говорах это явление кажется выраженным более ярко. Часты здесь повторы предлогов; ср., например: *А уж по крыше-то по всей огонь ходит. Я была там с золовушкой со своёй, с Дарьей, и т.п.*

Сильный ритмический эффект создается в речи повторами частиц. По употребительности частиц северноруские говоры можно сравнить с русской разговорной речью. Е.А. Земская по этому поводу пишет: "Частицы в разговорной речи обладают самой высокой частотностью из всех незнаменательных слов. Наибольший контраст в употреблении частиц наблюдается между разговорной речью (11,6%) и научным стилем кодифицированного литературного языка (1,6%), что представляется вполне естественным... Итак, широкое употребление частиц составляет типическую черту разговорной речи" [32, *88*].

Частицы, несомненно, выполняют и ритмообразующую функцию, удлиняя безударный пробел между ударными слогами, а в случае необходимости принимая на себя ударение.

Ср. обилие частиц в следующем отрывке текста: *А посуда у нас вот | этот| глина у нас вот есть вот / в пруду вот рядом вот* .

В этом фрагменте безударная частица *вот* создает контраст с соседними ударными слогами.

Такую же роль, видимо, играет усилительная частица *и* в следующем фрагменте: *А дети / дак таких и умных нет*, где она создает "пробел" между двумя ударными слогами.

Определенный ритмический эффект создается повторением постпозитивной частицы *-то: Ну меня-то дома-то не было.*

Вполне вероятно, что чисто ритмическую функцию выполняет союз *да*, широко употребляемый в говорах русского Севера: *Я все Марью брала, да Дарью брала, да Денисовну тут да; Ой как навалят да, и навалят картошек да, дак только однем картошкам и пахнет.*

В этом отрывке присутствуют лексические повторы – союз *да*, глагол *навалят*, существительное *картошки*. Представлены также повторы синтагмы.

Насыщенность речи повторами такого рода обращает на себя внимание; создается впечатление, что употребление анафорических местоимений здесь

крайне редко, предпочтение отдается лексическим повторам. Ср. приведенный пример, а также следующие:

Давай-ко поглядим в постеле, постелю-то тряхнули, а в постеле-то, знаешь, роспороно;

– А крупа заспой называлась?

– Да, заспа, заспа. Это овсяная-то вот заспа, овсяная, только лишь овсяная;

– Дедко-то к окошку: дров-то нет! Хвать-похвать – нет дров. И так и нет, и так и пропали дровцы;

– Я вот так вот хожу по лесам, дак знаю травы, что вот это знаю, что от поносу, это там трава – суставная трава, вот, урошная трава – для скотины.

Каждый из отрывков текста изобилует лексическими повторами. Если сопоставить действие двух факторов – ритмического и информативного – в такой речи, то становится очевидным, что явно доминирует здесь первый. Следовательно, ритм в севернорусской речи создается и лексическими, и синтагменными повторами, и средствами акцентуации, из которых самым распространенным оказывается возникновение второстепенного ударения в многосложных словах.

Последний вопрос, который остается выяснить, – что способствует подвижности ударения именно в словах указанной структуры?

Можно предположить, что в этом явлении мы сталкиваемся с элементами сохранения древней акцентуации. Так, по данным Л.Л. Васильева [18] и В.А. Дыбо [28], в памятниках древнерусской письменности XVI–XVII вв. трехсложные формы глаголов с приставками и отрицательной частицей имели ударение на первом слоге, чему в современном русском языке соответствует положение ударения на третьем слоге. Ср. примеры: прѝзовꙋ (Ап. 1564); (Тр. П, 1589), приведо̀ (Мик. 1600), принесо̀ (Опт. 1594), сотво̀рю (Тр. П., 1589 25, 117), побѐжу, посажу̀ (25, 119). В некоторых случаях В.А. Дыбо отмечает даже двойную акцентуацию слова (совсем как в современных севернорусских говорах!): и сохранѝю; воспою̀, во̀ знесо̀, возражу̀ [28, *119*].

Глаголов такого типа в наших материалах много, однако ими списки примеров не исчерпываются, как было показано выше. Дальнейшие исследования в этом направлении, возможно, выявят какие-то общие закономерности в появлении второстепенного ударения в словах ритмической структуры СГСГСГ (С...) в севернорусских говорах.

Можно проследить аналогию отмеченного явления с так называемым "ляпаньем", распространенным в русских говорах Заонежья.

Очевидно также и различие между этими явлениями – в обследованных севернорусских говорах сдвиги словесного ударения лексически не закреплены и остаются в рамках просодии фразы, в то время как в ляпающих говорах перенос ударения на первый слог меняет акцентную модель слова, поскольку ударение закрепляется за этим слогом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования получены некоторые характеристики севернорусской фразы, наиболее подробно изучены динамические и темпоральные стороны фразовой просодии. Получены некоторые уточнения относительно мелодического контура фразы.

Показано, какими суперсегментными средствами оформляются сильные позиции фразы, способствующие акцентному выделению коммуникативного центра. На материале одного архаического вологодского говора продемонстрированы модификации гласных неверхнего подъема под ударением в зависимости от фразовых условий.

В работе выявлены условия осуществления качественной и количественной редукции безударных гласных в севернорусских говорах, а также собраны и классифицированы случаи межслоговой ассимиляции безударных гласных.

Наше исследование показало, что звуковой эллипсис в севернорусских говорах затрагивает почти исключительно только консонантные элементы речевой цепи, что приводит к ее вокализации.

Изучение фонетических явлений на стыке фонетических слов помогло выявить различия по севернорусским говорам в отношении варьирования согласных по глухости–звонкости и по твердости–мягкости в позиции сандхи.

Поскольку в поле нашего внимания постоянно находились и среднерусские окающие говоры, то проведенное исследование позволило наметить некоторые выводы, вносящие дополнительные характеристики в различие между собственно севернорусскими говорами и окающими среднерусскими.

Итоги этих наблюдений могут быть сформулированы следующим образом:

1. Существенные различия наблюдаются между этими системами в оформлении мелодического контура фразы: для севернорусских говоров характерно пословное оформление интонационного контура, в то время как среднерусским говорам свойственно посинтагменное оформление интонации.

2. Существенным является различие по темпу речи между этими группами говоров (см. [62]).

3. В более ранней нашей работе было выявлено различие в структуре слога и в механизме слогоделения между севернорусскими и среднерусскими окающими говорами [64].

4. Различаются сравниваемые говоры и по характеру фонетического эллипсиса; звуковые потери в речевой цепи севернорусских говоров приводят к вокализации потока речи этих говоров; среднерусские говоры склонны утрачивать как консонантные, так и вокалические элементы звуковой цепи, поэтому их можно определить скорее как консонантическую систему.

5. Различаются эти говоры и по характеру сандхи: среднерусские говоры не представляют отличий от литературного языка в этом отношении, в то время как большинству севернорусских говоров свойственны такие фонетические явления на стыке фонетических слов, как 1) сохранение звонкости согласными перед гласными и сонантами; 2) смягчение согласных перед гласными переднего ряда.

6. Характер редукции безударных гласных в окающих среднерусских говорах послужил одним из оснований для их типологического отделения от севернорусского наречия [74]. Наше исследование вносит некоторые дополнения в представления о редукции безударных гласных в обеих сравниваемых системах. Наблюдения над ассимилятивными изменениями безударных гласных показали, что если в среднерусских говорах стержневую часть слова составляют: 1-й предударный слог, ударный слог и конечный открытый слог, то в севернорусских говорах 1-й предударный слог никак не может быть отнесен к стержню слова: этот слог подвержен редукции и ассимилятивному воздействию гласного под ударением.

Нетрудно заметить, что все перечисленные пункты типологически сближают среднерусские окающие говоры с литературным вариантом русского языка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗВУКОВАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Арзубиха

Руфина Петровна К о н о п л е в а, 70 лет (А-1181) [1]
(разговор с М.Н. Преображенской)

Р.К. – Я говорю как вот мы здесь говорим.

М.П. – А как Вы различаете?

Р.К. – А вот как написано: "ножници", "лωтка", "кωшка".

М.П. – А как по-городскому?

Р.К. – "лотка", "кошка", не "кωшка". Как пишется, так "кошка", а мы говорим "кωшка".

М.П. – А в какой букве разница?

Р.К. – "О". "Кωшка" и не написать, буквы такой нету. Как будто я Вашего больше знаю, рассказываю. Ну, я понимаю, что "кωшка" как на писать, после "кы" какую букву писать?

М.П. – Вот Вы какую напишете?

Р.К. – "О".

М.П. – А если по-деревенски?

Р.К. – А никакую не написать. "Ведрω". На конце что напишем? Никак нам ницего не написать...

М.П. – Между "лес" и "день" какая разница?

Р.К. – "День" писать правильно, дак мягкий знак на конце, а здесь мы говорим как-то попрямей.

М.П. – А после "д" что писать?

Р.К. – "е".

М.П. – А в слове "лес"?

Р.К. – А "лес" после "л" не знаю, что писать. Буквы такой нету, как мы говорим. Такой и буквы нет.

М.П. – А в слове "прели"? Вы знаете, какую букву писать?

Р.К. – "Престь"? "Престь". Да, знаю, букву "е". Это как мы говорим.

М.П. – А в слове "прели"? Какую букву Вы напишете?

Р.К. – "е".

М.П. – А в слове "смотрели"?

Р.К. – А я так бы и написала "смотрели". А мы говорим "смотрили".

М.П. – А в словах "печка" и "речка" разные буквы? Вот малограмотная женщина что напишет?

Р.К. – Она напишет "пецкя" и "рицкя".

---

[1] Записано М.П. Преображенской в 1968 г. А-1181 – шифр, соответствующий номеру хранения фонограммы в фонотеке ИРЯ АН СССР.

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Арзубиха

Руфина Петровна К о н о п л е в а, (А-702)[2]

О глиняной посуде

А посуда у нас вот / этот / глина у нас вот есть вот / в пруду вот рядом вот // А тут вот через поле / ставки вот // Глина тоже / посуду дѣлать не каждая // Которая сдѣлает посуду / станешь обваривать / она истрѣскает вся / а надо тоже знать какую глину брать // Так вот / все оттуда возили из... Привезут на лошадѣ / и знаешь намнут ногам / положат песку / и с песком намнут / чтобы не щеляла / и не драло знаешь посуду / и обварят чтобы оно не рвало//

Вот сдѣлают этих горшков ли ставков // На кругу / круг-от вертится и дѣлает / дѣлает... этим колачиком сдѣлает / сдѣлает там / горшочек ли / ставочек // Поставят куды / он высохнет / потом знаешь знаешь окладывают дрова / и на дрова укладывают эту посуду // Она там накалится в печи / что красная // Из печи вынимают там эту посуду / наливают там в корыто большое воды / и кладут овсяной муки / вот овес истолкут да блины еще пекут / этой муки / и обваривают этой мукой //

Дак были горшки ли / ставки / дак хоть кидай / не лопалися //

Не / у нас не было полива // Это вот лужоны называются / когда с поливом...

А посуда у нас вот-ы / этот-ы гл'ина у нас вотjест' вот / в пруду вот р/а́дом вот / а ту́т вот ц'ер'ес пол'о / ставк'и́ вот // Гл'и́на тоже / посу́ду д'е́лат н'е ка́жнаја // Кото́рая зд'е́лат по су́ду / ста́н'еш ,оввар'ивает / она истр'е́скајет фс'а / а на́до то́же знат каку́ю гл'и́ну брат // так во́т / фс'о отку́да воз'и́л'и из... // пр'ив'езу́т на лошад'и́е / и зна́аш намну́т нога́м / поло́жат п'ес'ку́ / и с п'ес'ко́м намну́т / штобы н'е ше́л'а́л'а / и н'е дралó зна́еш посу́ду / и оввар'а́т шобы́ оно н'е́ рвалó // вот зд'е́лаут этих горшко́w л'и ставко́w // на кругу́ / крук-от в'е́рц'иц'а и д'е́лаат / д'е́лает а... ат'им коля́ц'иком зд'е́лает / зд'е́лат там / горше́ц'ик л'и / ставо́ц'ик // постав'ат куды́ / он вы́сохн'ет / потом зна́аш зна́аш окла́дываэт дро́wа / и на дро́wа окла́дываjут э́ту посу́ду // она там накали́ц'а ф п'ец'и́ / што красна́ја // ис п'ец'и́ вын'има́јут там э́ту посу́ду / нал'ива́јут там ф коры́то бол'шо́је воды́ / и кладу́т офс'а́ноj мук и́ / вот ов'ос истолку́т да бл'ины́ ишо п'еку́т / ето́ и муко́и / и оввар'иваjут э́тоj муко́и / дак был'и горшк'и л'и/ ставк'и/ дак хот' к'ида́и / н'е ло́пал'ис'а // н'е / у нас н'е́ было пол'ива // это-от луж'о́ны называ́jуца когды́ с пол'и́вом //

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Митиха

Александра Христофоровная К о р о в и н а, 73 года (А-800)[3]

Были вот такие кумушки / куклы из тряпок. Да вот /дѣлали/ если у меня была б дѣвушка / так я и сдѣлала. А вон были у меня мальчики / была деревянная / вон из чурки эти сдѣлали / да заробельки да гармошка была /да кωник был/ вот как мальчики были / да молоток да // А если дѣво-

[2] Записано М.Н. Преображенской в 1970 г.

[3] Запись сделана в 1971 г. Л.Л. Касаткиным.

чек у меня не было дак / а у кого дѣвочки дак из тряпок куклы // У меня вот внучки приезжают / так из тряпок кукол много надѣланных / и зыбочка вот экая сплетенная есть / играют дак / вот как в деревне //

Был / было в потолωке кольцω/экое / из его закрутят / ну вон как вон экое / пихнут в это кольцω батωг/ долгой / и на этот батωг повисят зыбку / и качеют //

А зыбка была из этих / из дранок / она долгая и два кругленькие вот экие ручки / и свяжут / и вѣшают/ кроваток не было / эти зыбки на очепу / качели их / добрω спали робята в этих зыбках / качели их //

Экие круглые-то были / зыбки-то которые /онѣ связаны веревкой / и веревка эта привязана к очепу / и качелися / это как эт дерево к дереву не привяжешь / веревка была //

И на полатях спали / полати / вот у нас в избѣ были полати / мы все изломали после старикωв-то / у нас все были полати // Надо чтоб и человѣк вошел/ не так что возле самый потолωк/ если у кого в избѣ высωко дак все-таки далеко от потолωку//

А у кого ведь низко / дак и полатей не было / нельзя / да ить как //

У нас-то в избѣ их не было / полатей / так на полу спали // А куды-то ну куды вот? Дак как и сейчас вон у ... дак тоже на полу спят //

Вот мы двое / я дак вон на койке / а вот у меня парень мой на раскладушке / а экая изба маленькая хоть куда / кровать другую не поставишь //

Были вот такие кумушки / куклы ис тр'апок // да вот / дielali jesl'i у мен'а была б девушка / так' ja и zdelala // а вон был'и у мен'а мал'ц'ик'и / была дер'ев'анаа он ис ц'урк'и эт'и зд'ielali да заробел'к'и да гармошка была / да кон'ик быу / вот как мал'ц'ик'и был'и / да молотог да // а jesl'i дevoc'ek у мен'а н е было дак / а у ково д'evoc'k'i дак ис тр'апок куклы // у мен'а вот внуц'ки прижажают / так' ис тр'апок кукол много над'elаных / и зыбоц'ка вот' экаja сплет'онаja jest' / играjут да / вот как в д'ер'евн'е// быw / было ф потолок'е кол'ц'о / экоje из' jево закру't'at / ну вон как вон экоje / п'ихнут в' это кол'ц'о батуок / доутои / и на этот баток повис'ат зыпку / и кац'ejут // а зыпка была из' эт'их / из дранок / она доугаja и два кругл'ен'к'ije вот' экије руц'к'и / и св'ажут / и в'ешајут /кроваток н'е было / эт'и зыпк'и на оц'епу / кац'ел'и их / добруо спал'и роб'ата в' эт'их зыпках / кац'ел'и их // Эк'ије кругlыје то были / зыпк'и то которыје / он'ие св'азаны в'ер'owkoи / и в'ер'owka эта пр'ив'азана к оц'епу / и кац'елис'а / это как' э д'ер'ево д'ер'еву н'е пр'ив'ажеш / в'ер'owka была // и на polat'ах спал'и / polat'и / вот у нас в' изб'е был'и polat'и / мы фс'о изломал'и посл'е стар'икоу то / у нас фс'о был'и polat'и // надо штоб и ц'elov'ek вошоу / н'е так што возл'е самои potolok // jesl'i у коо в'изб'ие высоко дак фс'о-так'и дал'око от потолоку // а у коо в'ет' н'иско / дак и polat'и н'е было / нел'з'а / да ит' как // у нас то в' изб'е их' н е было / polat еи / так на poly спал'и // а куды то ну куды вот // с'емја бол'шаja / дак как' и с'ец'ас вон у... дак тоже на poly ишо сп'ат // вот мы двоje / ja дак вон на коик'е /а вот у м'ен'а пар'ен' мои на раскладушк'е / а окаja изба мал'енка ja хот' куда / кроват другуju н'е постав'иш //

Вологодская обл. Харовский р-н, д. Макаровская

Алевтина Фронтасьевна, 70 лет (А-575) [4]

О сыне, о своей жизни

Теперь уж двадцать шестой год вдовая // А дети / дак таких и умных нет // Вот сын у меня работает // Вон видишь, похвальный лист / радиолу подарили // А вот он работает / комбайнер / самый лучший комбайнер // И со службы посылали / как ты мамаша вырастила такого сына // Тоже семь лет служил / Семнадцати на восемнадцатом году взяли // Двадцать шестой год / дак знаете сами // Да вот / у нас он родился / Илья вот // Вот в этом месяцу Илья будет / или в том / в начале // Да вот в начале / вот он родился / ему / двадцать шестого он года // И такой умный / и в житье / и так уж // Ну не сын мне // А я-то уж лишка понервная / я с малых лет за хозяйку-то / с малых лет / так уж я и ... / а он такой у нас спокойный // Пьяный придет дак тем лучше / еще лучше // Дак живу с невесткой / когда и поругаемся / а я не боюсь / я не в обиде / нет нет нет / я не боюсь // Да что ты экой вот дом состроли/ мы с мужем-то сошлись / у меня-то никого не было / да и у него-то из тех родителей никого не было / тоже семь лѣт служил дак // Всё сам / всё сам от первого бревна / всё сами нарубили / срубили да всё сдѣлали// Дак какой-то выряд несчастный был / платья / костюмчики / и то продала // Зонтичек / так полушалочки были / всё продали / дак строились-то//

Т'еп'ер' уш дваццат шестой год вдоваја // а д'ети / дак так'их' и умных н'ет // вот сын от у м'ен'а работает // вон в'ид'иш / похвал'ныи л'ист / рад'и ... рад'ијол подар'ил'и // а вот он работает конбаин'ор / самыи луц'ыи конбаин'ор // вот какои у м ен'а пар ен' / самы луц'и конбаин'ор // и со службы посыла1'и / как ты мамаша выраст'ила таково сына // тоже с'ем' л'ет службыл / с'емнацат'и на вос'емнацатом году вз'ел'и / дваццат шестои год / дак знат'е сам'и // да вот / у нас он род'ивса / илја вот // Вот в этом м'ес'ац'у илја буд'ет / или ф том / в нац'ал'е // да / вот в нац'ал'е / вот он родившс'а / јему / дваццат' шесто он года // и такои умныи / и в жыт'је / и так уш / ну н'е сын мн'е // а ја то л'ишка пон'ервнаиа / ја с малых л'иет за хоз'аику то / с малых л'иет / так уш ја и пон е ... / а он такои у нас спокоиныи // п'јаныи пр'ид'од так тем лучше / ишо лучше // дак живу с н'ев'ескои / когда и поругаемс'а / а ја н'е бојус' / ја н'е в об'ид'е / н'иет н'иет н'иет / ја н е бојус' // да што ты экои вод дом состроил'и / мы с мужем то сошл'ис' / у мен'а то никоо н'е было /да и у н'ево то ис т'ех род'ит'ел'еи никоо н'е было / тоже сем' лет служыл дак // фс'о сам / фс'о сам от п'ервово бр'евна / фс'о сам'и наруб'ил'и / сруб'ил'и дак фс'о зд'елал'и // дак какои-то выр'ат н'есц'асныи был / плат'ја / кост'умц'ик'и / и то продала // зонт'иц'ек / так полушалоц'к'и был'и / фс'о продал'и / дак строил'ис'-то //

---

[4] Записано М.Н. Преображенской в 1968 г.

Мы жили худо / отец-от помер / отец-от катаники[5] у нас катал / всё это отдали / продали / пятеро детей, дак // Вот / не знаю уж сколько мы тут годωw прожили // Мама заболѣла / ногу изломала / а брат меня шесть годωв только был постарше /шесть годωв/ а сестренке на три года молωже // Тут две сестры были неродные // Потом заболѣла мама / это пожили мне стало / да еще какие годы / еще десять лѣт //

Уж я десяти лѣт два года обряжалася по хозяйству // Мать болѣла уж два года //А с ногωй-то уж она поправилась// Сломила она ногу-то / сломила // Вот уж десять лѣт / я уж два года обряжалася / а мать болѣла уж другωй болей/другωй/// Вот это маленькие гляко-ты // Потом-от мать померла / я осталась двенадцати на тринадцатом годку // Вот эдакая / двенадцать на тринадцатом / а сестренка моя вот эдакая // А эти / одна вышла замуж / потом и другая-то вышли из неродных замуж / мы остались однѣ / когда умерла / вот этот / мама-то померла гляко-ты / брат-от мой / да сестренка да я / эти-то уж вышли замуж все //

Ладнω / хорошω/ год мы пожили / брат женился // Стало уж ему / вот уж я видишь осталась после матери двенадцать на тринадцатом / год жили / дак вот он на шесть годωв меня старше //

Да / вот брат женился / мы стали с невѣсткой жить/ а уж молотили эти маленькие-то молотили / с братом / молотили маленькие эти / заметаем / все это дѣлаем // Рукам-от молотили-то / молотилом рукам / А это-от молотило сделают зерна-то эти околацивают зерна-то эти //

Вот женился брат // Невѣстка попала неудалася/ такая неудалая //

Вот ладно хорошω // Пожили мы сколько годωв? Да вот трωе было детей / дак не знаю годωв шесть мы жили ли нет // Брата-то угонили на войну / на ту-то еще / на ту-то // Мы остались с невѣсткой// я все пахала // Пахала вот /на лошадѣ //

– Плугами пахала?

Нѣт / сохам пахали / брат пахал сохам // А сохам пахали / здесь такие сошники были долги / там-от тут там железо / как это запрягут лошадь-да // Вот так и пахали сохам // Там и ѣдешь / и переваливаешь / и переваливаешь / заворωтишься другим крайциком и опять переваливаешь / переваливаешь // Все так-от вот и хорошо попашешься // Вот попахала я / тут уж не скрай (?) дѣвка //

Тут вот брат-от женился / да с невѣской-то пожили / я пошла в рабωтницы / в рабωтницах жила //

Вот еще забыла / в рабωтницы пошла в ту вот / в Ярославскую область // По три года я ходила в рабωтницы / в рабωтницах жила // Первый год ходила / это двадцать два рубля дали за все лѣто / да десять рубликов послала / да еще послала десять рубликов брату // Вот осталось мне уж двенадцать рубликов / на себя немного осталось //

Вот так и / так и выряжалася // Косыноцки плѣли / все это дѣлали // Вот были купцихи трговали да // Онѣ брали шелку // Нам давали / а мы за это плѣли / и за рабωту платили нам //

Вот мамушка моя / исходила я после лѣта / вот война-то и сочинилась-то еще та-то / германская-то война / та // У меня брата-то угони-

[5] *Ка́таники* – валенки.

ли / один брат был // Мы и остались трωе робитяшек после брата // Брат-от и говорит мне / говорит / ах дорогая моя Алевтина / не оставь говорит моих детей // Не жену прωсит / а меня // Уж я-то большая стала // Не оставь говорит моих детей // Дак я и щас не забыла / и щас не забыла // Брат не вернулся и племянник / в эту уж войну племянника убили //

Вот матушка моя до того дело дошлω / мы с сестренкой-то на рабωте / а невестка-то няньцится / и хоть / и не стала уж и косить ходить // Да уж дѣлала дома-то / по хозяйству все дѣлала // Вот тут уж сестренка-то моя велика стала // Меня-то уж как замуж / жоних уж был у меня найден-от здешной // Вот меня замуж отдали / весной // Вот я замужом / после Миколы / после вешного / после Миколы вот двадцать вторwго бывает у нас / венцались //

До осени дожили опять красные с бѣлымитут революция-то // И мужика угонили / опять солдаткой осталась // Опять солдаткой осталась / опять пахать да все дѣлать // Три года служил в Кронштадте / дак полтора года / дак и дома не бывал // Вот моя жись как прошла // Вот муж пришел / потом это все тут концилось / пришел потом у мужа нога заболѣла / цѣлый год не рабωтал //

Мы жы́л'и ху́до / от'е́ц-от по́м'ер / от'е́ц-от ка́тан'ик'и у на́с ката́л / фс'о это о́дал'и / про́дал'и / п'е́т'еро д'ет'е́й дак // wот ја не знај / уш ско́л'ко мы туд году́ow про́жыл'и // ма́ма забол'и́ела / но́гу изloма́ла / а брат мен'а́ шес' году́ow тол'к'и был поста́рше / шес' годо́w / а с'естр'о́нк'ь на́ тр' и го́да молу́оже // Туд дв'е с'естры́ бы́л'и н'еродныjo // пото́м забол'и́ела ма́ма / это по́жыл'и / мн'е ста́ло да ишо́ как'и́је го́ды / ишо д'и́ес'ат л'и́ет // Уш ја д'ес'ат'и́ л'и́ет два го́да обр'ажа́lас'а по хоз'а́исву // мат' бол'и́ela уш два го́да // а с ноги́ то уш она́ попра́в'иlас' // слом'и́ла она но́гу-то / слом'и́ла // вуот уж д'е́с'ат л'и́ет / ја уж dwa го́да обр'ажа́лас'а мат' бол'е́la уж другои́ бо́л'jеи / другои́ / вот это ма́л'ен'к'иjo гл'а́ко ты / пото́м-от мат' пом'ерла́ / ја оста́лас' дв'ена́цати на тр'ина́цатом гото́ку / вот' э́дакаја / дв'ена́цат' на тр'ина́цатом / а с'естр'о́нка моја́ вот' э́дакаја // а эт'и / одна́ вы́шla за́муш / потом и друга́ја-то вы́шл'и из н'ероднык за́муш / мы оста́л'ис'а одн'и́е / когда́ ум'ерла́ / вот' э́тот / ма́ма-то пом'ерла́ гл'а́ко-ты / бра́т-от мои / да с'естр'о́нка да ја / э́т'и то уш вы́шл'и за́муш фс'е // ла́дно / хорошу́о / гот мы по́жыл'и / брат жен'и́wс'а // Ста́ло уш jему́ / вот уш ја в'и́д'иш оста́lас' посл'е ма́т'ер'и дв'ена́цат' на тр'ина́цатом / гот жы́л'и / дак вот он на́ шест' году́ow м'ен'а́ ста́рше // да / вот брат жен'и́wс'а / мы ста́л'и с н'ев'е́скои жыт / а уш молот'и́л'и э́т'и ма́л'енк'иje то молот'и́л'и / 3 бра́том / молот'и́л'и ма́л'ен'к'и э́т'и / зам'ета́ем / фс'о это д'и́елаем // рука́м-от молот'и́л'и то/ молот'и́ом рукам // а это-от молот'и́lo зд'е́лаут з'о́рна то э́т'и околац'ивут з'орна то э́т'и// вот жен'и́wс'а брат // н'ев'е́ска попа́ла н'еуда́лаја / такаја н'еуда́лаја // вот ла́дно хорошу́о /по́жыл'и мы ско́л'к'и же году́ow // да вот троје бы́ло д'ет'е́й / дак н'е знаw годо́w шест' мы жыл'и л'и н'ет // бра́та-то угон'и́л'и на воину́ / на ту́-то ишо / на ту́-то // мы оста́л'ис' с н'ев'е́скои / ја фс'о паха́ла // паха́ла вот / на lошад'е́ / плуга́м'и паха́ла? // н'и́ет / сохо́м паха́л'и / брат паха́л сохо́м // а сохо́м паха́л'и / зд'ес' так'и́е сошн'ик'и́ бы́л'и dowг'и / там-от тут там жыл'е́зо / как это запр'агу́т ло́шад' да // вот так' и паха́л'и сохо́м так'и jи́д'иш / и п'ер'ева́л'иваш / и п'ер'ева́л'иваш / заворо́т'ис'а друг'и́м кра́иц'иком и оп'а́т' п'ер'ева́л'и-

ваш / п'ер'ева́л'иваш // Фс'о так-от вот и хорошу́о папа́шес'а // вот попаха́la ja / тут уш н'е скра́й д'и́фка // тут вод брат-от жен'и́wс'а / да с н'ев'е́ско́и-то по́жыл'и / ja пошла́ в рабу́отн'ицы // вот ишо́ забы́ла / в робу́отн'иц'и пошла́ ф ту вот / в Japocláwскуjу о́бласт' // по́ тр'и го́да ja ход'и́la в робу́отн'иц'и / в робу́отн'иц'ах жыла́ // п'е́р'выи гот ход'и́la / э́то два́ц'ит' два́ рубл'а́ да́л'и за фс'о л'и́ето / да д'е́с'ат' рубл'и́ком поclа́la / да ишо́ поclа́la д'е́с'ат' ру́бл'и́ком бра́ту // вот оста́лос' мн'е́ уш дв'ена́цат• ру́бл'и́ком / на с'еб'а́ н'емно́го оста́лос' / вот так' и / так' и выр'ажа́ласа // косы́ноц'ки пл'ел'и́ / фс'о это д'и́elalи // вот бы́л'и купц'и́х'и торгова́л'и да // он'и́ бра́л'и шо́wку / нам дава́л'и / а мы за э́то пл'ел'и́ / и за рабу́оту плат'и́л'и нам // вот ма́мушка моjа́ / исходи́la ja посл'е л'и́ета / вот воина-то и суч'ин'и́лас-то– ишо́ та́-то // г'ерма́н'скаjа то воина́ / та // у м'ен'а́ бра́та-то угон'и́л'и / од'и́н бра́д был // мы и оста́л'ис'а / тру́оje роб'ат'и́шек посл'е бра́та // брат-от и говор'и́т мн'е́ / говор'и́т / ах дорога́jа моjа́ Ал'ефт'и́на / н'е остав' говор'и́т мои́у д'ет•е́и // н•е жену́ пру́ос'ит / а м'ен'а́ // уш jа́-то бол'ша́jа ста́ла // Н•е остав говор'и́т мои́х д'ет•е́и // дак ja и ш'ас н'е забы́la / и ш'а́с не забы́la // брат н'е в'ерну́лс'а и пл ем'а́н'ик / в' э́ту уш воину́ пл•ем'е́н'ика уб'и́л'и // вот ма́тушка моjа́ до тоо́ д'е́ло дошлу́о / мы с с'естр'о́нкои-то на рабо́т'е / а н'ев'е́ска-то н'а́н'ц'иц'а / и хот' / и не ста́la уш и кос'и́т• ход'и́т• // да уш д'и́елala до́ма-то / по хоз'а́исву фс'о д'и́елala // вот тут уш с'естр'о́нка-то моjа́ в'ел'и́ка ста́ла // м'ен'а́ уш как за́муш / жон'их уш был у м'ен'а́ наид'он-от зд'е́шноu // вот м'ен'а́ за́муш о́ддал'и / в'есно́и // вот ja за́мужо́м // посл'е М'ико́лы / посл'е в'е́шново / посл'е М'ико́лы вод два́ца́т' фтору́ово бывает у нас / вен'ц'ел'ис // до ос'ен'и до́жыл'и оп'е́т' кра́сные з б'е́лым' и тут р'евол'у́цыjа то // и мужака́ угон'и́л'и / оп'ат' солда́ткои оста́лас' // оп'ат' солда́ткои оста́лас' / оп'ат' паха́д да фс'о д'е́lат• // тр'и го́да служы́л ф Кроншта́т'е / дак полтора́ го́да / дак' и до́ма н•е быва́л // вот моjа жыс' как прошла́ // вот / муш пр'ишо́л / потом это фс'о тут ко́нц'иloc' / пр'ишо́w потом у му́жа нога забол'е́la / ц'е́ыи гот н•е рабо́таw //

Вологодская обл., Харовский р-н д. Арзубиха

Анна Васильевна К л е ш н и н а, 70 лет (А-581) [6]

О травах

Есть книга такая // все знаешь ли травы в ней нарисωваны / подписаны // вот это грамотные люди бωльше знают / а я неграмотная // дεти у меня хоть грамотные / но это / они от меня давнωуже отошли // вот // я ницево такωво не знаю //

Я вот так вот хожу по лесам // дак знаю травы / што вот это знаю што от понωху // а там ... трава // суставна трава // для скотины / там исплωд у кωней бывает // ну вот я эти травы так на видок / знаю // што хωдишь по лесу // дак и я уж это ... а по-письменному я травы не знаю // есь такие траведники // што в книжке // (нрзбр.) или в загорωде ростет //

– Какая она на вид?

– на вид она /высωкой ширωкой такой листок // есь у ее такая голωвка/ ростет //

[6] Записано М.Н. Преображенской в 1968 г.

Она уже поспѣла // это бывает у нас / мы хоть по-старинному // дак у нас бывает / перед сенокωсом день / Иванов день // как этот Иванов день пройдет // у нас травы всѣ собирают // потому што вот в прежно време // я уж не знаю наскωльке правда // тожо слыхала от матери // што сидят в кругу // на Иванов день / оцершиваются[7] // там старушка / сидит в кругу // оцершивается в луг зайдет / в траву // и кажна трава в двенадцать цясов ноци / говорит будто / котора трава от цего / но только не кажная старушка это узнает / это такие знайкие старушки / што перед ей трава говорит // вот я сяду / дак передо мной / не заговорит трава // а есь они такие прозорливые были // это прежне време / вот и будто што от этих престарѣлых людей / так и узнали // што какая трава от цего идет // вот / такие старушки были / по полю поперек вот там пройдут / на рожь ли цево / ли вот по три молωтки с кажного загωна сжинали / споринью отнимали // вот / это премудрые люди такие были // там косы росплетут косматые ходили // конешно я дак и / на моем веку / было дѣло / што косматые ходили / на Иванов день это все дѣло дѣлали //

– А Вы сами их видели?

– Да конешно я видать-то не видала / но знаашь от людей тожо слыхала // на моем веку это / што вот такая-то говорят прошла севодни / вот и там пойдешь / этим слѣдом / ведь и все-таки поперек идешь // оно хоть и на Иванов день / она уже во какая // што этим слѣдом поищешь // вот и правду // там три волоки найдешь // тут и / три корешка сжато / потом так вот подойдешь // опять сжато / вот / это таки люди были //

– А потом что они делали с травой с этой?

– А я уж не знаю / куды они эту траву // клали // только што оне с приговωром споринью отнимали // штобы у людей хлѣба / знаашь / не хватало / а у их бы оставалось // у всякого свωй закωн был // вот //

Да / это вот такие старушки были / а потом вот / у меня ишшо / корωва бывало тожо / задоила / молокω не отдавала / теленок был / корωва молокω у меня не дает / теленка посадила под корωву / вымя так хоть росперло // молока нѣт / ну мене сказал муж // иди говорит сумку наклади ежи / иди говорит / в колхозах / можот телку найдешь на оммену // а говорит нашу на мясозаготовку сдадим //

Я дошла вот до Полутихи / тут-от была двоюродная сестра у меня у етого / у мужа / зашла вот / куда пошла? вот по такому дѣлу пошла / корωва задоила / молока нет / а весной она задоила / в окурат сѣяли яровое / а вот ежели к Анне говорит // Анной звали женщину / к Мелякωвне / она говорит сдѣлат //

Я пришла к ей / вот поздорωвалась / далеко ли ходишь? да я говорю до тебя только пришла / а це? я говорю корωвушка не дает молока / да я говорит болѣю ну как-небудь дойдешь здѣс недалеко / цетыре километра // прямо-то идти / болωтом тут // сенокωсом // Она пришла ко мнѣ знаешь ты // корωушку я не отпускала // ну вот / есть говорит у тебя свѣцкя восковая? есть / есть/ а клюц сколяной? есть //

Она взяла эту свѣцкю // взяла этот клюц // сходила она на двωр / прихωдит оттуда // и там была она не бωльше минут пять // прихωдит тоды ко мнѣ // иди говорит дой корωву-ту // будь добра Аннушка подωй / я

[7] *Очерчиваются* – от "чертить".

пошла подоила и утром подоила / и говорю прям по литре два раза надоила // иди говорит дωй / я взяла дойник / пошла сѣла под корωву / не знаю / молокω пошло / пошло-пошло / пошло / доить-подоить / принесла молока я // так што килограмма цетыре / это молокω я // в кринки выцедила // она и говорит / застояло говорит / это молокω говорит / теленку не пωй / и сами говорит / не пейте / вылей говорит / но только / для мѣры // што мнωго ли дала корωва молока // вот / ладно / это молокω я вылила / а пришли мы так што / цяса в цетыре / вот дня / дожыли мы так до семи цясов вецера / я / нао вѣдь опять подоить корωву-то / я пошла опять / литры три надоила / ну она у меня переноцевала //

jec' / кн'ига такаа // фс'е знаш л'и травы w н'еи нар'исованы / потп'исаны // вот' ето грамотныи л'уд'и буол'ше знаут // а ja н'еграмотнаиа // д'иет'и у м'ен'а ход' грамотныо / но ето / он'и от м'ен'а downуо уже отошл'и // wot // ja н'иц'ево такуово н'е знаиу // ja wot так wot хожу по л'есам // дък знаиу травы / што wot ето знаиу што от поносу // ета там (нрзбр.) трава // сустawна трава // wot // урушна трава // дл'а скот'ины // там испл уот у куон'еи бываиот // ну вот' ja ет'и травы так на в'идок / знаиу // што хуод'иш по л'есу / дък и ja уш ето ... а по п'ис'м'еному ja травы н'е знаиу // jec' так'ие трав'едн'ик'и / што w кн'ишк'е // (нрзбр.) ил'и в загород'е рос'т'еот //

– Какая она на вид?

На в'ит она / высокои шырокои такои л'исток // jec' у ыио такаиа голофка // рос'т'от //

Она уже пос'п'iela // ето бываиот у нас / мы хот' по стар'иному д'ен / иванов д'ен // как' етот иванow д'ен проид'от // у нас травы фс'iе соб'ираиут // потому што вот w пр'ежно вр'ем'о / ja уш н'е знаиу наскуол'к'о правда / тожо слыхala от мат'ер'и // што с'ид'ат ф кругу / на иванow д'ен / оцершываиуц'е / там старушка / с'ид'ит ф кругу / оцершываец'е / в lуг заид'от / ф траu // и кажна трава / в дв'енацът ц'асов ноц'и / говор'ит буто / котора trawa оцево / но тол'к'о шо н'е кажнаа старушка ето узнаjет / ето так'ие знаик'ие старушк'и / што п'ер'ед joи trawa говор'ит // wot ja с'аду / дак п'ер'едо мноi н'е загowор'ит trawa // а jec' он'и так'ио прозорл'ивыио был'и // ето пр'еж н'о вр'ем'о / вот бутто што от' эт'их пр'естар'елых л'уд'еи / так' и узнал'и / што какаа trawa оц'евуо ид'еот // wot / так'ио старушк'и был'и / по пол'у поп'ер'ок вот там проидут / на ... на рош л'и ц'ево / л'и вот по тр'и molуотк'и с кажноо загуона жынал'и / спор'инjу отн'имал'и // wot / ето пр'емудрыио л'уд'и так'ио был'и // там / косы роспл'етут космат'ыио ход'ил'и // кон'ешно ja дак' и / на мojом в'еку / бiло д'iело / што космат'ыио ход'ил'и / на иванов д'ен' ето фс'уо д'iело д'iелал'и /

– А Вы сами их видели?

Да кон'ешно ja в'идат' то н'е в'идala / но знаash от л'уд'еи тожо слыхala // на mojом в'еку ето / што вот такаа-то гвар'ат прошла с'еводн'и / вот' и там поид'ош / ет'им с'л'едом / в'ед' и фс'о-так' и поп'ер'ок' ид'ош // оно хот' и на иванов д'ен она уже во какаа // што ет'им с'л'едом поид'ош // вот' и правду / там тр'и волок'и наид'ош // тут ъ / тр'и кор'ешка / жато / потом так подоид'ош // оп'ад' жато / вот'ето так'и л'уд'и был'и /

– А потом они что делали с травой с этой?

А ja уш н'е зна́иу / куды́ он'и е́ту трawу́ // кlа́л'и // тол'к'о што он'е́ с пр'игову́дром спор'инjу́ отн'има́л'и / штобы у л'уд'е́и хл'и́еба зна́аш / н'ехвата́lo / а у jиγ бы остава́loс // у wс'а́кowo свуо́и заку́дон бы́w // w от //

Да / ето wот так'и́ио стару́шк'и бы́л'и / а пото́м вот / у м'ен'а́ ишо́ / коро́ва быва́ла то́жо / задои́la / молоко́ н'е одава́ла / т'ел'о́ног бы́w / коруdwa молоко́ у м ен'а́ -н'е дajо́т / т'ел'о́нка посад'и́la пот коруdwу / вы́м'а так хот' росп'о́рlo / молока́ н'йет / ну м ен'е́ сказаw му́ш // ид'и́ говор'и́т / су́мку накlад'и́ jéжы / ид'и́ гыт / ф kolхо́зъх / мо́жот т'о́wку наид'о́ш / на обм'йену // а г'ит на́шу на м'асозаготowку здад'и́м /

ja дошла́ wод до полу́т'их'и / тут от была́ двоиу́родна с'естра́ у м ен'а́ jéтово / у му́жа / зашла́ wот / куда пошла́? вот по тако́му д'и́el'у пошла́ / коруdwка задои́la / молока́ н'ет / а в'есно́и она́ задои́la / в окура́т с'и́jал'и jарово́ио / а wот jéд'ел'и к а́не говор'и́т // а́нои зва́л'и же́ншыну / к м'ел'акуовн'е / она г'ид з'д'и́elат // ja пр'ишла́ к jои / вот / поздоруовalac' / дал'о́ко л'и ход'ищ? да ja г' до т еб'а́ туол'к'о пр'ишла́ / а ц'о? ja г' коруdwушка н'е дajо́т молока́ / да ja г'ид бол'и́ну // ну как н'ебуд' доид'о́ж з'д'ис' н'едал'о́ко / пр'амо поуид'о́ш дак н'едал'о́ко / ц'етыр'е к'илом'етра / пр'а́мо-то и́т'и / болуотом тут // с'енокуосом // она пр'ишла́ ко мн'и́е зна́еш ты // коруdwушку ja н'е опуска́ла // ну вот / jез'д' г'ит у т еб'а́ св'и́ц'к'а воскова́? jес'т' / jест / кл'уц / скол'ано́и ... (?) jес'т' // она wз'ала́ ету с'в'и́ц'к'у // wз'ала́ етот кл'уц' // скод'и́la она́ на двуо́р / пр'ихуод'ит отуда́ / и там была́ она́ н'е буол'ше м'инут п'ат // пр'ихуод'ит тоды́ ко мн'и́е // ид'и́ говор'и́д дои коруdwу-ту // буд добра́ а́нушка подуои / ja пошла́ подои́la / и утром подои́la / и гвор'у́ пр'ам по л'и́тр'е два раза надои́la // ид'и́ говор'ид дуои / ja wзalá до́ин'ик / пошла́ / с'е́la пот коруdwу / н'е зна́у / молокуо пошло́ / пошло́-пошло́ / пошло́ / доит' – подоит / пр'ин'есла́ молока́ ja // так што кilограма́ ц'етыр'е / ето молокуо ja / ф кр'и́нк'и вы́ц'ед'и́la // она и говор'и́т / застоjа́ло говор'и́т / ето молоко́ говор'и́т / т'elо́нку н'е пои́ / и сам'и́ гът / н'е п'е́ит'е вы́л'еи говор'и́т / но тол'ко / дл'а м'е́ры // што мнуо́го л'и дала́ корба́ молока́ // wот / ла́дно / ето молоко́ ja вы́л'ила / а пр'ишл'и́ мы так што ц'аса́ ф ц'етыр'е / вот / д н'а́ / до́жыл'и мы таг до с'ем'и́ ц'асуdw в'е́ц'ера / ja / нао в ит' оп'ат' подои́т коруdу-то / ja пошла́ оп'а́т' / л'и́тры тр'и́ надои́la / ну она у м'ен'а́ п'ер'еноц'ева́ла //

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Арзубиха

Анна Васильевна К л е ш н и н а (А-704)[8]

О сватовстве

Раньше приѣдут / еще невѣста дома живет // Гости к тебе приѣдут // Дѣло ты сдѣлаешь / гости к тебе приѣдут в указанный день // Они укажут / в какой день / такой-то день вот приедем в гости // Варят пиво // Ну и называют там самых ближних родных придет там десять человѣк / двенадцать //

Ну придут знаешь родители встрѣтят усадят за стωл их / а невѣста там сидит в кутѣ одѣтая / в шляпе //

Жених знает что как первый стакан ему подают / знает / что на этот стакан подкликает невѣсту // Невѣста подхωдит // Сама немножко по-

[8] Записано М.Н. Преображенской в 1968 г.

пьет / ей дольют знаешь / она ему подает / а он и скажет / я желаю чтоб ты со мной сѣла // Она проходит садится / садится знаешь / что потом этого станет дарить // Идет тамо-тка сноха ли мать ли / несет полотенце.. блюдо прѣжное // невѣста кажет / но сперва жониха подарит / тоже полотенце / ну кисет платок подарит может еще что //

И дарит каждого гостя / каждого гостя подарит / знаешь ставит она тарѣлку на стол // И в эту там / кто сколько / ранше деньгам дарили / не цем-нибудь // Денег там сколько-нибудь покладут //

Это вот / елоцкю подносили // Вот моя сестра / сперва старшая подносила / у первого нарωсту[9] / второго значит вторая / а наш нарωст-то подносила елоцкю я. Елоцкя знаешь ты / в лѣсе вырубишь елоцкю / и каждый прутицек обведешь гумашкой[10] и навѣсишь самых хороших лѣнт / всю елку / и там несколько свѣц поставишь огароцков таких вот. И елку ту засвѣтишь / засвѣтишь елку / идешь оттуда / елка не в кωмнате / елка откуда-нибудь // Идешь с елкой...

Ран'ше пр'едут / ишо н'евиеста дома жыв'от // гост'и к т'иб'е приедут / д'иело ты зд'елаш / гост'и к т'иб'е пр'иедут в указаныи д'ен // он'и укажут ф какои д'ен / такои-то д'ен вот приид'ом в гост'и // вар'ат п'иво // ну и называют там самых ближных родных пр'ид'от там д'ес'ат ц'илов'иек / дв'инацат' // ну пр'идут знаш род'ит'ел'и фстр'ит'ут усад'ат за стол' их / а н'ев'еста там с'ид'ит ф кут'ие од'етаја / ф шл'ап'е // жон'их знаит шо как п'ервыи стакан jему подаjут знаат / шо на этот стакан поткл'икает н'ев'есту // н'ев'еста подход'ит // сама н'емношко поп'jот / jеи дол'jут знаш / она jему подаjот / а он' и скажет / я желаju штоп ты со мноi с'иела // она проход'ит сад'ица / сад'ица знаш / што потом этowo стан'ет дар'ит' // ид'от тамо-тка сноха л'и мат' л'и / н'ес'от polot'ен'ц'е ... бл'удо пр'ежное // н'ев'еста кажет / но сп'ерва жон'иха подар'ит / тоже polot'ен'ц'е / ну к'ис'ет платок подар'ит можът ишо // и дар'ит кажново гост'а / кажного гост'а подар'ит / знаш став'ит она тар'иелку на стол // и в эту там / хто скол'к'и / ранше д'ен'гам дар'ил'и / н'е ц'ем н'ибу // д'ен'ек там скол'к'и н'ибут покладут //

это вот / jолоц'к'у поднос'ил'и // Вот моja с'естра / сп'ерва старша поднос'ила / ф п'ер'ва нарбсту / фторова знач'ит фтораја / а наш наруост-та поднос'ила jолоц'к'у ja // jол'оц'к'а знаш ты / в л'ис'е выруб'иш jолоц'к'у / и кажныи прут'иц'ек обв'ед'ош гумашкоu и нав'ес'иш самых хорош'их л'иент / фс'у jолку / и там н'ескол'к'и с'в'иц' постав'иш огаръц'икъф так'их вот // и jолку ту зас'в'ит'иш // зас'в'ит'иш jолку / ид'ош оттуда / jолка н'е ф комнат'е / jолка откуда н'ибут // ид'ош с jолкоu //

[9] *Нарост* – поколение.
[10] *Гумашка* – бумажка.

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Макаровская

Лидия Ивановна С у х о п а р о в а 71 год (А-690)[11]

Рассказ о пожаре

Приехали гости из города / это уж было в войну / да в войну //

Попировали / углеглись все спать // Улеглись все спат / а у меня был племянник / пришел из армии без ноги // Вот и он сидел дома все / нарωд / все были на рабωте // Вот он сижу в окошко / гов... / ой солнышко-то стало / дак крыша-то блестит / сперва думал // Потом как поглядит / а уж по крыше-то по фсёй огонь ходит // В деревне никого нет / онЬ только спят / да я один //

Вот говорит ломил / ломил / ломил к ним // Двери выставил / однЬ другие / а без ноги / дак цего целовЬк-от / только пришел из армии //

Вот туда / говорит / забегаю к ним и говорю / не испугайтесь / вставайте / вы говорит / горите // Вот / как с крыльца они все выскоцили / в цем выскоцили / только и остались все // А уж там слеги валятся // Вот // Едва и сами-то выскоцили // И тут огонь-то и кинул сразу на другой край / и сгорЬло девять домов//

А на этом порядке / улица-то широкая / а на этом порядке все стекла перелопали от пожару // Эк жарко было / горЬло во жниву самую // А потом перекинул огонь / черэз линию / в другую деревню головешку унесло / и / этот / сгорЬло там гумнω / и в поле весь навωз пригорЬл / был выложен навωз.

Вот елка / поди годωв триста стояла елка // и та сгорЬла / в поле // Поднялся говорят вЬтер / дак вот с головы фату[12] рвало / вот как //

Ну что / приЬхали позарники / а цего сдЬлают как? Перекидывает этот/ Еще хорошо руцей есть / был // Дак со станции машину привезли / дак заливали эти-те дома / еще / чтоб эти-те не загорЬли //

Было много домов заколоцено / люди в городах были // Так пригорЬло / никто ницего не вынес //

Прије́хал'и го́ст'и из го́рода / это уш быlo в воину́ / да в воину́ // поп'ирова́л'и / ул'егл'и́с фс'и́е спат // ул'егл'и́с фс'и спа́т / а у м'ен'а был пл'ем'е́ник / пришо́w из а́рм'ии без ног'и́ // вот и он с'ид'е́w до́ма фс'о / нару́от / фс'е был'и на робу́от'е // вот он с'ижу́ в око́шко / и гов / ои со́лньшко то ста́ло / дак кры́ша то бл'ест'и́т / сп'е́р'ва ду́мал // потом как погl'ад'и́т / а уш по кры́ше-то по фс'о́и огон' хо́д'ит // в д'ер'е́вн'е н'иково́ н'ет / он'е́ то́л'ко сп'ат / да ja од'и́н // вод говор'ит лом'и́l / lом'и́l / lоми́l к' jим // дв'е́р'и выстав'иw / одн'е́ друг'и́je / а б'ез ног'и́ / дак ц'иво́ ц'elов'е́к-от / то́л'к'и пр'ишо́л из а́рм'ии // вот / туда / гр'ит / заб'ега́ю к н'им и говор'у́ // н'е испуга́ит'ес' / встава́ит'е / вы говор'и́т / гор'и́те // вот / как с крыл'ца́ он'и фс'е́ выскоц'ил'и / в ц'ом выскоц'ил'и / тол'к'и и оста́л'ис' фс'е // а уш там сл'е́г'и вал'а́ц'и // вот // jедва и са́м'и-то выскоц'ил'и // и тут огон'-то и к'и́нул сра́зу на другои́ краи / и згор'е́lo д'ев'ад домо́w // а на э́том пор'а́тк'е / у́л'иц'а-то шарокаиа / а на этом пор'а́тк'е фс'е ст'о́kla п'ер'elо́пал'и от пожа́ру // эк жа́рко бы́ло / гор'е́lо во жн'и́ву са́мujу //

[11] Записано Ю.С. Азарх в 1968 г.

[12] *Фата* – платок.

а пото́м п'ер'ек'и́нyl огбн· / ч'ер'ез л'ин'jу / в другу́ д'ер'е́вн'у голов'бшку ун'еслу́о / и / этот / згор·е́lo там гумну́о / и ф пол'е в'ес' навбс пр'игор'и̯ew / был вы́ложен навубс // вот jо́лка / под'и годубw тр'и́ста стоjа́la jо́lка // и та згор'и̯е́la / ф по́л'е // подн'а́лс'а говор'а́т в'и́т'ер / дак вот с голобы́ фату́ рvalу́о / вот как // ну што / прије́хал'и поза́рн'ик'и / а ц'иво зд'е́lajут как // п'ер'ек'и́дыват этот // ишо хорошо́ ру́цеи jес'т' / был // дак со ста́нц'иjи машы́ну пр'ив'езл'и / даг зал'ива́л'и эт'и-т'и дома́ / ишо́ / штоб э́т'и т'и н·е загор'и̯е́л'и // бы́lo мно́го домбw заколо́ц'ено / л'уд'и ф города́у бы́л'и // так пр'игор'и̯е́lo / н'ихто́ н'иц'иво не вын·ес //

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Макаровская

Александра Христофоровна М а к а р о в а, 67 лет (А-926)[13]

Как рыбу ловили

К этому празднику / на этот праздник / обязательно пойдут рыбу ловить / в Катрому // Надо рыбу к этому празднику / день пωстный // Вот в нашей Катроме рыбы было много / Вот такие были сшиты бредники / опять же вот / сложимся / да из холста и выткем все одинаково / он такой рЪденький / но крЪпкий / с таким с горлом / а тут это где пошире такие батоги привяжут / тут вот мужики которые посильнее / за эти батоги управляют / а мы идем по сторонам // вот Катрома широкая / дак уж всю мы нарωдом и застанем // Такие веревки да где глубωко / дак чтобы не потонуть // Ноги не хватит / надо на эту веревку повЪситься дак // Мы с этого краю идем / а там перебωр помЪльче // Там оттуда идут / к нам сюды рыбу гωнят // Мы в этот бредник и наловим рыбу // Потом подымут батоги / там щуки-те гуляют // Наберем кузовков / пестери старинные такие / вот эстолько налωвим / а еще не хватит / так еще / мель / мель / мели звались / мЪлкие/ так с баб эти юбки снимут вот эти / и в юбке да принесем / в деревню / да вот тут наищут таких полωтен / да навыкладывают //

К' э́тому праз'н·ику / нъ етот праз·н'ик / об·езат·ел'но поидут́ ры́бу lo-в'и́т / ф Ка́трому // надо ры́бу / к' е́тому праз·н'ику / д·ен· по́сно̯и // вот w на́шо̯и Ка́тром'е ры́бы бы́lo мно́го // вот так'и́но был'и шы́ты бр'е́дн'ик'и // оп'ед же вот / clо́жымс'о / да ис хowста́ и вы́тк'ом wc'o од·ина́ково / он тако́и р'и́д'ен'к'е̯и / но кр'и̯е́пкои / с так·им з го́рlом / а тут ето гд'е пошы-р'е́ так'и́но батог·и́ пр'ив'а́жут / тут вот мужы́к'и котбры пос·ил'н'е́е / за ет'и батог·и́ управл'е́ют / а мы ид'о́м по сторона́м // вот Ка́трома шыро́каа / дак уш фс'у мы нарубдом и заста́н'ом // так'и́не в'ер'о́wк'и да гд'е́ гlу-бу́дко / дак штобы н'е потону́т· // ног·и́ н·е хва́т·ит / нао на ету в'ер'о́wку пов'ис'и́це дак // (нрзб.) мы с'е́тоо краиу ид'о́м / а там п'ер'ебор пом'ил'-ц'е // там оттуда идут́ / к нам с'уды́ ры́бу губн'ат // мы в' е́тот бр'е́дн'ик и нало́в'им ры́бу // потом подымут батог·и́ / там ш'у́к'и-т'и гул'е́ют / (нрзбр.) наб'ер'о́м кузowко́w / п'ес·т·ер'и́ стар'и́нныо так'и́но // вот е́стол'ко нalубwим / а ишо́ н·е хва́т·ит / так·иш'о́ / м'ew / м'ew // м'е́л'и зва́л'ис' // м'е́wк'иио / таг з бап· ет'и jупк'и с'н'и́мут вот· ет'и // и в' jупк'е да пр'ин'есо́м // в д'ер'е́вн'у / да вот тут / наи́ш'ут так·и́х полуот'он / да навык̀ладываиут //

[13] Записано автором в 1976 г.

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Макаровская

Елена Васильевна Чистякова, 67 лет (А-710)[14]

Как раньше растили детей

Раньше до трех годωw / до трех годωw и не ходили / ницего / да ранше и не давали / не давали в руках-то держать и робенка-то // А бывало вот недалеко скажу / про себя // Держу робенка вот / сѣла за прялку / вот исть-то так вот на это мѣсто сѣла // Надо бы прясть / а я взяла парня-то / первого парня / да его ведь и жалко // Взяла да держу парня-то / а он титькю сосет / я гляжу на него / а свекор спал вот тут на полатях / а он нет-нет да колову и подымет / нет-нет / да голову и подымет // Поднял третий раз голову: – Да-а / парнек-от парнек-от побежит / а моток-от не побежит // – Не пряду дак моток-от не побежит / дак никто его и не увидит //

Парнек-от побежит / ему уж это не любо / что я над парнеком-то тѣшуся // На прялку-то не подается / не пряду / дак говорит / парнек-от побежит / а моток-от не побежит //Догадывайся / вот догадывайся // Вот я подержала / подержала / да в зыбоцкю-то и положила парнека-то / и стала прясть //

Да вот ногой кацеешь зыбоцкю вот / зыбоцкя висѣла // Да / вот этой прялкой ногой пряду так / этой ногой / нога-то слобωдна / веревку привязала / дак кацеем // А парнек-от сидит / да тутотка вьюшецек деревянных навешено / ведь игрушек ранше не было // Знацит три вьюшецки висѣлися / после галанских[15] микацек (?). Так он барабанит / я его трясу ногой-то / он барабанит / играет / а я пряду...

Ра́нше до тр'ох году́ow / до тр'ох году́ow и не ход'ил'и / н'иц'е^{и}во́ / да ран'ше^{и} и н'е дава́л'и / н'е дава́л'и в рука́х-то д'е^{и}ржа́т и роб'о́нка-то // а быва́ло вот н'е^{и}дал'о́ко скажу́ / про с'е^{и}б'^{и}я // д'е^{и}ржу́ роб'о́нка вот / с'е́ла за пр'а́лку / вот ист'-то так вот на это м'е́сто // с'е́la / на́до бы пр'ес'т' / а ja вз'alá па́рн'а-то / п'е́рво па́рн'а / да jево́ в'ет' и жа́wko // Вз'alá да д'е^{и}ржу́ па́рн'а-то / а он ти́т'к'у сс'о́т / ja гл'ежу́ на jево́ / а св'о́кор спал вот тут на пола́т'ах / а он н'ет н'ет / да го́лову и поды́м'ет / н'ет н'ет / да го́лову и поды́м'ет // по́дн'ал тр'е́т'и^{и} рас го́лову // да-а / парн'о́к-от парн'о́к-от по́б'ежыт / а мото́к-от н'е^{и} поб'ежы́т / н'е пр'аду́ дак мото́к-от н'е поб'ежыт / дак н'икто́ jево́ и н'е ув'и́д'ит // Парн'о́к-от поб'ежы́т / jему́ уш это н'е л'у́бо / што ja нат парн'еко́м-то т'^{и}е́шус'а // На пр'а́лку-то н'е подаjе́ц'а / н'е пр'аду́ / дак говор'и́т / парн'о́к от поб'ежы́т / а мото́к от н'е поб'ежы́т // дога́дываис'и / wод дога́дываис'и // вот ja под'ержа́la / под'ержа́la / да в зы́боц'к'у и положы́ла парн'ика́-то / и ста́ла пр'ест' // да вот ногои́ кац'е́из зыбоц'к'у вот / зы́боц'ка в ис'и́ela да / вот э́тои пр'а́лкои ногои́ пр'аду́ так / э́тои ногои́ / нога́-то слобо́дна / в'ер'о́фку пр'ив'аза́ла / дак кац'е́им // а парн'о́к-от с'и́д'и́т / да ту́тотка вjу́шец'ек д'ер'ев'а́ных нав'е́шено / вет' игру́шок ра́нше н'е́ было // знац'и́т тр'и вjу́шец'ки в'ис'и́л'ис'а / посл'е́ галанск'их м'икац'ек (?) / так он бараба́т / ja jево́ тр'асу́ ногои́-то он бараба́т / игра́т / а ja пр'аду́ //

---

[14] Записано Ю.С. Азарх в 1968 г.

[15] *Галанка (голанка)* – брюква.

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Полутиха

Ольга Ивановна Фокина, 62 года (А-582)[16]

Рассказ о сватовстве

Вздумали мы вместе пожить // Он пришел сватом / он меня был побогаче / а я его была победнее // У нас был дом не очень-то хорωший/ а здесь был дом хорωший// Он был у меня один / а нас у отца у матери было четверо нас / да // Мы и стали так / подумали что надо нам сойтися // Меня сюды было не очень-то надо // Мой муж сказал я по тебя сегодня сватом приду // У нас такой обычай // Вот / он пришел / довел меня до дому до нашего / обратно я не пойду // Знаешь что / Оля? Я пошлю тетушку свою // Он послал тетушку / тетушка пришла / мѣсто поглядѣла / моему отцу сказала / матери // Им так показалося страшнω // Не возьмут / не возьмут // Онѣ же богатые у меня / а я разбѣдный человѣк // Ну я так бывала / не так-то уж плохая / плохая // У меня отец-мать собрались сюда // Мой муж пошел вперед / и эта тета пошла с ним же // Сюда пришли это / отец / мать / молодые // Моему было свекру / по-нашему как назвать сорок три года / а свекровушке сорок пять // Ну они запросили приданого / у нас в то время дарили... У нас даже / во всем дому нам всем столько полотенцей чай не присчитается / сколько онѣ за мной спросили //

Но наши родители не решили то дать со мной // Говорят как лошадка худа / так накладка добра / а тут лошадка подходяща / а накладки нисколько нет со мной //

Ну вот / ушли обратно / больше ничего не стали говорить. Ушли // Меня мат стала ругат. Хорошо погуляла? Остальных женихов ты сама от себя отбила!

Я стала подумывать / сама себе и думаю / что я с Колей прощуся и вся недолга / что до свидания / я с вами боле сидеть не буду и разговаривать даже не буду //

Вдруг опять у нас у ворот стучат // Никто не идет открывать.

Отец сошел. – Кто? – Иван / открой! – Ну значит опять эти-то люди к нам идут. – Иди / жених собирается ехать как эту невѣсту не возьмет // А он у них единственный / им жалко сына. Он был / сделался сердитый // Ладно / хорошо // Давай / обязательно / пошли //

Мамку мою насилу срядили сюда / пошли // А я с такого горя возьми невѣста засни // Заснула / вдруг опять у нас у ворωт колотятся // Сестра моя старшая вышла / открыла // Вы все спите / все / а сейчас же гости идут / я это слышу/ хорошω // Ну значит у меня сердце обрадѣло / обрадѣло // Сейчас замуж пойду за экого за парня за хорωшего//И не думаю ничего дальше //

Пришли / ну значит угостилися / подвыпили // Невѣсту у нас всегда садят / чтобы разливала сидѣла у кранта // А я видно была такая / что не сяду // Я забралась в самый угол под иконы к жениху / и сижу сама себе с богом // Вот ладно / хорошω // Все это дѣло успокоилося // Я работала свинаркой // Надо уж открыто все // Ну значит я с той рабωоты сошла // Надо быть в другой дом // В то время у нас венчалися // Дошло то / что надо венчаться / вот / вот свадьба //

Ну / со мной приланого пошло // Хлѣбушка дали / отец меня свой

[16] Записано автором в 1976 г.

жалбл / хлеба дали хорошего / ну я и вышла. // Вышла / стала жить // У нас была семья // У моего у свекра еще отец был жив // Понимаете / дедушка женился // Привел жену сюды-ко // А с той четыре года еще жила // А дядя вышел в животы / понимаете как // Вот / ладно/ хорошо //

Здумал'и мы вм'ист'е пожыт' // он пр'ишоw сватом / он м'ен'а быw побогач'е / а ja jево была поб'едн'ае // у наз дом быw н'е оц'ен' то хорошыи / здез' быw дом хорошои // он быw у м'ен'а од'ин / а нас у оц'а у мат'ер'и было ц'етв'еро нас / да // мы и стал'и так / подумали што нао нам сojт'ис'е // мен'а с'уды было н'е оцен' то надо // мои муш сказаw / ja по т'еа с'одн'и сватом пр'иду // у нас такои обыч'еи // вот / он пришоу / дов'оw м'ен'а до дому до нашево / обратно ja н'е пойду // знаеш што бl'а / ja пошl'у т'отушку своjу // Он послал т'отушку / т'отушка пришла м'иесто погл'ед'иела / моjему оц'у сказала / мат'ер'и // jим так показалос'а страшнуо // Н'е воз'мут / н'е воз'мут // Он'е же богатыие у м'ен'е / а ja разб'иедныи ц'elов'iек // Ну ja так бывало / н'е так то уш плоха / плоха // у м'ен'а от'ец мат' собрал'ис с'уда // мои муш пошоw фп'ер'от / и эта т'ота пошла с jим же // с'уда пришла / это от'ец' / мат ' молодыие // моjему было св'окру / по нашему как назват / сорок тр'и года / а св'екрбушк'е сорок п'ат // ну он'и запрос'ил'и пр'иданово / у нас ф то вр'ем'а дар'ил'и // у нас даже / во фс'ом дому нам фс'iем стоко полотен'ц'еи н'е пр'ист'итаиц'и / скол'к'и оне за мноu спрос'ил'и // но нашu род'ит'ел'и н'е решыл'и то дат со мноu што... // говор'ат как лошатка худа / так наклатка добра / а тут лошатка потход'ац'а / наклатк'и н'искоко н'iет со мноu // ну вот / ушл'и обратно / болше ниц'ео н'е стал'и говорит // ушл'и / м'ен'а мат стала ругат // хорошо погул'ала / остал'ных жен'ихоф ты сама от себ'а одб'ила // ja стала подумыват' / сама с'иб'е и думаиу / што ja с Колэи прошус'а и фс'а недолга / што досв'иданja / ja с вам боle с'ид'ит н'е буду и разговар'ивать даже н'е буду // вдрук оп'ат у нас у ворот стуц'ат // н'ихто н'е ид'от открывать // от'ец сошоw // хто? // иван // откроu // ну знач'ит оп'ат' эт'и-то л'уд'и к нам идут // ид'и / жен'их соб'ираец'а jехат как ету н'ев'есту н'е воз'м'от // а он у их од'ин иед'инств'еныи / им жawко сына // он был / зд'елалс'а с'ерд'итыи / ладно / хорошуо / даваи / об'езател'но / пошли // мамку моjу нас'ilу ср'адил'и с'уда / пошл'и // а ja с такоо гор'а воз'м'и н'ев'еста и засн'и // заснула / вдруг оп'ат' у нас у ворот колот'ац'а // с'естра моja старшаа вышла / открыла // вы фс'о спит'о / фс'о / а сеиjас же гост'и идут / ja это слышу / хорошуо // ну знац'ит у м'ен'а с'ерц'э обрадиelo / обрадиelo // с'еиjас замуш пойду / за зкоо за парн'а за хорошево // и не думаjу н'иц'ево далше // пр'ишли / ну знац'ит угост'ил'ис'а / подвып'ил'и // н'ев'есту у нас вс'егда сад'ат / штобы розл'ивала с'ид'ела у кранта // а ja в'идно была такаа / што н'е сеаду // ja забрала' ф самыи в угол под ыконы г жен'ихуу / и с'ижу сама с'иб'е з богом // вот ладно хорошуо // фс'о это д'ielo успокоiloc'а // ja роботala св'инаркои // надо уш открыто фс'о // ну знац'ит ja с тыjо с роботы сошла // надо быт' в другои дом // ф то вр'ем'а у нас в'инц'ел'ис'а // дошлуо то / што надо венц'ац'а / вот / вот свал'ба // ну / со мноu приданова пошлуо // хл'ебушка дал'и / от'ец' мен'а свои жал'iел // хл'iеба дал'и хорошева / ну ja и вышла // вышла / стала жыт // у нас была семja // у моjево у св'окра ишо от'ец' быw жыф // пон'имает'е // Д'едушка жен'иwc'и // пр'ив'оw жену с'уды-ко // а с тои ц'етыр'е года ишо жыла // а д'ад'а вышew в жывоты / пон'имает'е как // вот / ладно / хорошуо //

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Полутиха

Ольга Ивановна Фокина (А-583)[17]

Про свою жизнь

Жить-пожить // Стала быть я старикам любая // Я родила сына // Сына значит стали звать Сашей // Стала жить / стала жить // У одной / у соседки я спрашиваю: Фаина / сколько лет ты уж живешь замужем? – Семь. – А я-то буду жить так? – Будешь // А большаки значит хорошие // Я / так / никуда ни так / я все держусь закона / закона // Ладно / хорошω // И жить-пожить... Мой Саша стал уж шести годωв // Тут у меня родилась дочь / Зина // Моего мужа взяли в армию // И вот я жила со своими родителями / с этими вот / с которыми вышла / с маткой / она мне была свекровушкой / двадцать семь лѣт // Муж не вернулся мой // Муж мой не вернулся // А он когда там был / во мнѣ Зина зашевелилась / я / значит ребенок шевелится // И вот все до сих пωр живу // А со свекром жила тридцать один год / и мой сейчас свекор / все он живой / у моего он у сына. А сын мой на целинѣ // Сын работает хорошω // Привез мне-ка медаль казать как он зарабωтал / мне это очень нравится // Я ему сказала / Сашенька / будет еще лучше / силы хватит / давай еще работнем //

Жыт / пожы́т // ста́ла быт' ja стар'ика́м л'у́баja // ja род'и́ла сы́на // сы́на знац'ит, ста́л'и зват Са́шеи // ста́la жыт / ста́la жыт // у одно́и / у сос'е́тк'и ja спра́шываjу // Фаи́на / ско́ко л'е́т ты уж жыв'о́ж за́мужем // с'е́м' // a ja то бу́ду жы́т так // бу́деш // a бол'шак'и́ знац'ит хоро́шы // ja / так / н'икуда́ н'и та́к / ja фс'о д'ержу́с' зако́на / зако́на // ла́дно / хорошу́о // и жыт пожы́т // мои́ д'е́ти / мои́ Са́ша staw уш шест'и́ году́оw // Тут у мен'а род'и́лас' до́ц' / З'и́на // мojево́ му́жа вз'а́л'и / в а́рм'иу́ // и вот ja жыла́ со свои́м с род'и́т'el'ам / с' э́т'им вот / с кото́рым вы́шла / с ма́ткои / она вот мн'е́ была́ св'екро́вушкои / два́цат сем' л'и́ет // муш н'е в'ернулі́с'а мои́ // муш мои́ н'е в'ернулса // а он когда́ та́м бы́w / во мн'е З'и́на зашев'ел'и́лас' / ja знац'ит р'еб'о́нок шев'ел'и́ц'а // и вот фс'о до с'ех пу́ор жыву́ / а со св'о́кром жыла́ три́цат од'и́н го́т / и мои́ с'еица́с св'о́кор / фс'о от жыво́и / у мojево́ он у сы́на // а сын мои́ на ц'ил'ин'е́ // сын рабо́тат хорошу́о // прив'о́с мн'е́-ка м'едал' каза́т / как он зарабо́таw / мн'е это оц'ин' нрав'и́ц'а // Ja jему́ сказа́la / Са́шен'к'а / бу́ет ишо́ лу́чше / с'и́лы хват'ит / дава́и ишо́ роботн'о́м //

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Полутиха

Ольга Ивановна Фокина (А-893)[18]

Как делают толокно и овсяную муку

Толокнω это / этот овес выщерпывают в суда-те / в решета / в кузовки / в маленькие // Вытецет эта вода-то / с овса-то // Ну / его сразу в жар в пець пихают // Крѣпко закроют / он там прѣет // Пропрѣет / и его оттуда вынимают / опять же в суда / и понемножку его сушат // Высушат / и на меленку // На мельнице изопихают / просѣют / провѣют / и мелют толокнω //

[17] Записано автором в 1976 г.
[18] Записано автором в 1976 г.

Л муку овсяную дак так // Высушат овес / изопихают / провѣют / тот в ступу / и все вот толкешь / до самой мѣлкой муки // А когда овес истолкешь, то блинчики пекут так // В холωдной водѣ / натвωрят // Надо сильно сильно просѣивать чтобы было хоть бы мякина // Ляпаешь долго его с мутовкой / долго долго долго долго // Потом разводят теплой водой и пекут // Ну они хороши // У кого есть / не одна вот там женщина // Одна старушка пойдет обряжаться / а женщина молодая блины ляпае // Помногу раньше в ступках / семьи // Дак ступы по три съедали этих блинωв // Ну этих блинωв / мужики наедятся / пойдут в лѣс / с собой ежи не берут / смогают до вечера // К вечеру приходят из лѣсу //

Tolokнуо это / этот ов'ос выц'ёрпавут ф суда́-т'е / в р'ешо́та / ф кузowк'и́ / в ма́л'енк'и // выт'ец'ет эта вода́-та / с owса́-то // ну jево сразу в жар ф п'ец' п'иха́иут // Кр'ипко закро́иут / он там пр'и́ет пропр'и́ет / и jево́ оттуда вын'има́иут / оп'ад' же ф суда́ / и пон'емно́шку jево сушат // высушат / и на м'ел'енку // на м'ел'н'иц'е изоп'иха́иут / прос'и́иут / пров'и́иут / и м'ёл'ут tolokнуо // а муку́ owc'а́нуиу дак так // высушат ов'ос / изоп'иха́иут / пров'и́иут / тот ф ступу / и фс'о вот towк'о́ш / до са́мои ме́wкои мук'и́ // а когда́ ов'ос истолк'и́ош / то бл'и́н'ц'ик'и п'еку́т та́к // ф холуо́днои вод'и́е / натв'ор'ат // надо с'и́л'но с'и́л'но прос'е́иват штобы было ход бы м'ик'и́на // л'а́паш до́wго jево́ с мутówкои / до́wго до́wго до́wго до́wго // потом розво́д'ат т'и́плои водои и п'еку́т // ну он'и хорошы / у кowо́ jест / н'е одна́ вот там / жэ́ншына // одна́ стару́шка под'о́т обр'ажа́цца / а жэ́ншына молода́иа бл'и́ны л'а́паие // по мно́гу ра́нше ф ступ'ках // с'е́м'ji // дак ступы по́у тр'и с'jeда́л'и э́т'иу бл'ино́w // ну эт'иу бл'ино́w / мужык'и́ наjеде́ц'а / поидут в л'и́ес / с собои́ jе́жы н'е б'еру́т / смога́иут до в'е́ц'ера // к в'е́ц'еру пр'ихо́ат из л'и́су //

Архангельская обл., Пинежский р-н, с. Карпогоры

Александа Степановна Верещагина, 78 лет (А-593)[19]

О косьбе, ягодах, грибах

Я не даваю метать своим ребятам // Они неладно намецют / может промокнуть // А я знаю как надоть / у меня не промокнет // И вот это з' горожу огород (... скажет) ты что все сама сделаешь? А я говорю / я не доверяю ребятам-то / я сама лучше / тоцить и косить / и лопатить косу //

Вот мужчины есть стары тоже / принесешь косу лопатить / они полопатят там как-нибудь // Полопатят там сколь же немножко // Косить станешь / не берет коса // Я возьму брусок да сама так налопацю с обеих сторон // И как бритва идет / Я кошу / забываю / с той стороны / с другой / без оглядки // Улецю / всех оставлю //

Мне уж косьба далась была // Беда // Я косила / У нас дед то свекор-от был / мы-то / этот наш / женшыны все таки здоровы / полны были / косить-то / могли все работать-то // Мы пойдем до горы идем покосом // Все // Анна Денисовна тут / Марья Евсеевна / Дарья / все это мы идем // А которы женшыны не можут гониться / не ходят // Они что-нибудь / их заставят там / ворошять / либо грести / либо сено возить там //

[19] Записано автором в 1968 г.

В лесу-то вот ходим все за ягодами тоже // Я люблю ходить за ягодами / и хожу далеко / места знаю ягодны / грибные знаю места // Беру кого / когда просятся все // И возьму / придем / наберем / уйдем / там оставается еще много ягод // Пойду следующий раз уж убрано / нету / больше ни разу не поведу никого. Я все Марью брала да / Дарью брала да / тут Денисовну да // Придешь / отведешь / ягоды наберешь / а вот пойдешь другой раз с Наташей / либо со своима с кем-нибудь пойдем / уже убрано / очищено все //

Нельзя водить людей // Я знала ягодны места / У нас раньше дедушка промышлял / Алексей / ходил все по лесу-ту //

Там Сога речка есть / за Согу / по болотам / а мама водила все // Мама знала ягодны места / грибные места // Там волнухи эти / куньки[20] / грузди / маслёны[21] // Она нас всех собирает / ребята поедемте / на лошади // Поедем // Наломаем скоро / привезем / вот поэтому я знала все // А теперь пойдешь... Когда много ягод / придешь ягод много / крупны ягоды / буры / красны / весело собирать-то / быстро наберешь // И эту корзину наберешь / набирушку[22] наберу / идешь домой / таку ношу тащу / несу //

Я ходила как-то / набрала ягод-то / корзину / набирушку / в фартук набрала / много ягод / жалко уйти // Брала / брала / и солнушко закрылось // И я пошла домой / одна / я все одна ходила // Пошла домой / и заблудилась // Вздумала пересекать / мне дороги-те не надо было / я так выйду / вздумала пересекать эту дорогу / Говорю прямей пойду // Солнышко закрылось / темень накрыла / и я заблудилась / закружилась // Это вот за речкой / за Согой / пять километров от дому-то рецка-та эта / потом я шла / шла / вышла на просеку //

Ја н'е дава́ју м'ата́т' свои́м р'еб'а́т'ам // он'и н'ела́дно нам'е́ц'ут мо́жът промо́кнут' // а ја зна́ју как на́дот' / у м'ен'а́ н'е промо́кн'ет // и вот это круго́м загорожу́ огоро́т / ... ска́жет / ты што фс'о сама́ зд'е́лаш / а ја гр'у / ја н'е дов'ер'а́ју р'еб'а́там-то / ја сама́ лу́чше // тоц'и́т' и кос'и́т' / и лопа́т'ит' ко́су // вот мушы́ны јест' ста́ры тоже / пр'ин'ес'о́ш ко́су лопа́т'ит / он'и полопа́т'ат там ка́к-н'ид' // полопа́т'ат там ско́л' же н'емно́шко // Кос'и́т' ста́н'еш / н'е б'ер'о́т коса́ // ја воз'му́ брусо́к да сама́ так налопа́ц'у с об'е́х сторо́н // и как бр'и́тва ид'о́т // ја кошу́ / забыва́ју / с тои́ стороны́ / з друго́и́ / без огл'а́тк'и // ул'ец'у́ / фс'ех оста́вл'у // мн'е уш коз'ба́-то дала́с' была́ // б'еда́ // ја кос'и́ла // у наз д'е́д-от св'о́кор-от бы́л / мы-от / э́тот наш / же́ншыны фс'о так'и́ здоро́вы / по́лны бы́л'и / кос'и́т -то могл'и́ фс'е рабо́тат -то // мы поид'о́м до горы́ ид'о́м поко́сом // фс'е // А́на Д'ен'и́совна тут / Ма́р'ја Ефс'е́евна / Да́р'ја / фс'е это мы ид'о́м // а кото́ры же́ншыны н'е мо́жут гон'и́ца / н'е хо́д'ат // он'и што-н'ибу́т' / их застав'ат там / ворбц'ат / л'ибо гр'ес т'и / л'ибо с'е́но воз'и́т там // в л'есу́-то вот хо́д'им фс'о за ја́годам'и то́же // ја л'убл'у́ ход'и́т за ја́годам'и / и хожу́ дал'еко́ / м'еста́ зна́ју ја́годны / гр'и́бные зна́ју м'еста́ // Б'еру́ ково́ когда́ про́с'а́ца фс'о // и / воз'му́ / пр'ид'о́м / наб'ер'о́м / уид'о́м / там остава́јеца ишо много ја́гот // поиду́ сл'е́душии рас уш у́брано́ / н'е́ту / бо́л'ше н'и ра́зу н'е пов'еду́ н'иково́ // ја фс'о Ма́р'ју брала́ да / Да́р'ју брала́ да / туд

[20] *Ку́ньки* – вид грибов.
[21] *Масле́ны* – маслята.
[22] *Набиру́шка* – маленькая корзина.

Ден'и́совну да // пр'ид'о́ш / отв'ед'о́ш / ја́годы наб'ер'о́ш / а вот поид'о́ш друго́и рас с ната́шеи / л'ибо со свои́ма с к'е́м-н'иут' поид'о́м / уже у́брано / очы́шено фс'о // н'ел'з'а́ вод'и́т' л'уд'е́и // ја зна́ла ја́годны м'еста́ / у нас ран'ше д'е́душка промышл'а́л / Ал'екс'е́и /ход'и́л фс'о по л'е́су-ту // Там Со́га ре́ч'ка јест' / за Со́гу / по боло́там / а ма́ма вод'и́ла фс'о // ма́ма зна́ла ја́годны м'еста́ / гр'ибны́је м'еста́ // там волну́х'и эт'и / ку́н'к'и / гру́з'д'и / масл'о́ны // она нас фс'ех соб'ира́ет // р'еб'а́та / пое́д'емт'е / на лошад'и́ // пое́д'ем // наломам ско́ро / пр'ив'ез'о́м / вот пое́тому ја зна́ла фс'о // а т'еп'е́р' поид'о́ш // когда мно́го ја́гот / пр'ид'о́ш ја́гот много / кру́пны ја́годы / бу́ры / кра́сны / в'е́с'ело соб'ира́т-то / бы́стро наб'ер'о́ш // и э́ту корз'и́ну наб'ер'о́ш / наб'иру́шку наб'еру́ / ид'о́ш домо́и / таку́ но́шу ташу́ / н'есу́ // пр'иду́ домо́и так уш (нрзбр) н'е достава́м / вот как в'е́з' д'е́н' / надо от т'и́хо и вра́т'-то // ну на ја́годах-то и хорошо́ / н'е т'и́хо / ја ход'и́ла как-то / набрала́ ја́гот-то / корз'и́ну / наб'иру́шку / ф фа́ртук набрала́ / мно́го ја́гот / жа́лко уит'и́ // брала́ / брала́ / и со́лнушко закры́лос' // и ја пошла́ домо́и / одна́ / ја фс'о одна́ ход'и́ла // пошла́ домо́и / и заблуд'и́лас // вздума́ла п'ер'ес'ека́т' / мн'е доро́г'и-т'е н'е на́до бы́ло / ја та́к вы́иду / вздума́ла п'ер'ес'ека́т' это доро́гу / гр'у пр'ам'е́и поиду́ // со́нышко закры́лос' / т'е́м'ен накры́ла / и ја заблуд'и́лас' / закружи́лас' // это вот за р'е́ч'кои / за Со́гои / п'ът' к'илом'е́троф от до́му-то р'е́ц'ка-та эта / пото́м ја шла́ / шла / вы́шла на про́с'еку //

Архангельская обл., Пинежский р-н, с. Карпогоры

Александра Степановна Верещагина, 78 лет (А-593)[23]

О праздничных гуляньях

На мечище[24]-то собирались // У нас-то Петров день праздник / дак соберутся // Раньше собирались в первый день / Петров день // Ну к часам двум соберутся на мечище / в повязках девушки ходят и без повязок ходят //

Вот ходят ходетима[25] гуляют / ну и походят ходетима с ребятами // Я вот говорила вам как ребята ходят / девушки ходят ребят брать // Они придут / поклонятся / парень эту шапку снимет / пойдут ходить // А которы / которых берут там девки / знам возьмут / дак они знашь взяты не пойдут // Так они знашь ходят / ходят / поклонятся и находилися // А опять ходят две барышни возьмут / парень один и пойдут-от гуляют / это вот у нас называется имками ходят // Вот пойдут в эту сторону / в ту / кверху сходят / ну там бывает в это / в поле сходят / и тут все чего-нибудь разговаривают / про любовь / про какую-нибудь //

Парень / которая девушка ндравится / он выбират / берет / пойдемте имками / а уж он идет уж все с ней больше говорит и ближе к ней / вот и пойдут / ходят //

А ведь тут народ / все принародно / некогда и говорить / а вот ить и пойдут / и разговаривают / скажет / идешь ли замуж зовет / да все / а

---

[23] Записано автором в 1968 г.

[24] *Мечище* – праздничное гуляньe.

[25] *Ходетима* – форма от "ходить", ср. "стоять *стоймя*", "висеть *висьмя*" и т.д.

та девушка помалкивает // Он ту не зовет / дак вот эту / они как подружки / вот и берут так / и ходят //

На м'ечы́што-то соб'ира́л'ис' // У нас от П'етро́ф д'ен' пра́зн'ик / дак соб'иру́ц'а // Ра́н'ше соб'ира́л'ис'а ф п'е́рвыи д'ен' / П'етро́ф д'ен' // Ну к ч'аса́м двум соб'ируца на м'еч'и́ш'е / в пов'а́сках д'е́вушк'и хо́д'ат и б'ес пов'а́зок хо́д'ат // Вот хо́д'ат ход'е́ц'има гул'а́jут / ну и похо́д'ат ход'е́ц'има с р'еб'а́там'и // ja вот говор'и́ла вам как р'еб'а́та хо́д'ат / д'е́вушк'и хо́д'ат р'еб'а́д брат' // Он'и́ пр'идут / поклон'а́ц'а / па́р'ен' эту ша́пку сн'и́м'ет / поиду́т ход'и́т' // А кото́ры / кото́рых б'еру́т там д'е́фк'и / знам воз'му́т / дак он'и знаш вз'а́ты н'е поиду́т // Так он'и знаш хо́д'ат / хо́д'ат / поклон'а́ц'а и наход'и́л'ис'а // А оп'а́т' ход'ат дв'е ба́рышн'и воз'мут / па́р'ен' од'ин и поиду́т-от гул'а́jут / это вот у нас называ́ецца и́мкам'и и хо́д'ат // Вот поиду́т в эту сто́рону / ф ту / кв'е́рху схо́д'ат / ну там быва́ет в э́то / ф по́л'о схо́д'ат / и тут фс'о ч'ево́-н'ибу́т' разгова́р'ива́ут / про л'убо́ф / про каку́ju-н'ибу́т' // Па́р'ен' / кото́раjа д'е́вушка ндра́в'ица / он выб'ира́т / б'ер'о́т / поид'о́мт'е и́мкам'и / а уш он ид'о́т уш фс'о с н'е́и бо́л'ше говор'и́т и бл'и́же к н'е́и / вот и поиду́т / хо́д'ат // А вет' тут наро́д / фс'о пр'инаро́дно / н'е́когда и говор'и́т / а вот ит' и поиду́т / и разгова́р'ива́ют / ска́жет / ид'о́ш л'и замуш зов'о́т / да фс'о́ / а та д'е́вушка пома́лк'ива́ет // Он ту н'е зов'о́т / дак вот э́ту / он'и как подру́шк'и / вот и б'еру́т так / и хо́д'ат //

Новгородская обл., Окуловский р-н, д. Перестово

Елена Петровна, 72 года (А-1163) [26]

Как в лесу "водило"

Бывало / бывало / у нас вот моя мама шла с покосу / с дядей Прошкой // Вот они оба / обои теперь покойные // Шла с покосу / с лугов / Это у нас такие / место называется / луги // Вдруг говорит / как /э-э / заяц все равно пробежал / ну как вот мелькануло / не видел он кто //

Вдруг говорит / потерялся у меня Прошка / вот / вот / дядя Прошка. Как потерялся говорит / вот / я не знаю ... Вот я иду / а меня прям всю трясет / что потерялся Проша // Дохожу говорит / вот сейчас думаю догонит / вот догонит / дошла там тако у нас называется место / белый камень (нрзбр.) дак нету / и домой пришла / пришла говорит / бабке говорю / а Проша дома? – Нету. – А Проша если б / еще шагнул бы раз / и в реку / это вот уж точно не враки.

– Это раньше было?

– Раньше раньше / конешно раньше не сейчас //

– А теперь ведь к этим людям и не подцепиться //

– Он говорит (Проша) / иду говорит сам себе / и думаю ну что тако / должно б уж теперь быть белый камень и двое ворот / белый камень нет и нет / нет и нет/ ну как уж чувствую уж по ходьбе-то / а потом говорит / матюгнулся / матюгнулся уж не знаю там как он матюгнулся / Проша-то да / это уж потом он рассказывал / очутился под насосником / и в кряжу / еще б говорит шагнул / и сам бы упал бы /вот //

[26] Записано автором в 1980 г.

– Раньше конешно дела были...

– А моего дедушка тоже / вот маминого / батька / дак этот / Лярский[27] барин / нет / не Лярской Горнишный-то какой барин был?

– Лярской?

– Не Лярской ведь / где там березы эти // Фофаевский тоже / он с ним дружил / охотился / он охотник был хороший. И вот тоже ехал / откуда он ехал? Э – / И вдруг попадается встречу этот Фофаевский. Его и созвал / поедем / он и поехал / и очутился посреди озера на камню / да / посреди озера / Крачун (?) там в Ермолихе-то //

– Да / поди узнай что покажется //

Быва́ло / быва́ло // у на́с вот моя́ ма́ма // шла с поко́су // з д'а́д'ои про́шкои / вот он'и́ о́ба / обо́и т'еп'е́р' / обо́и поко́иныи // шла с поко́су / с lуто́ф // ето у нас така́иа // м'е́сто нъзыва́иеца луг'и́ // wдруг говор'ит // как / е / за́яец фс'о powно́ проб'ежа́л // ну как вот м'ел'кану́ло / н'е в'и́д'ел ън кто́ // wдруг говор'ит / пот'ир'а́лс'а у м'ен'а́ про́шка // wот / wот / д'а́д'а про́шка // как път'ир'а́лс'а гьвър'ит / вот / ja н'и зна́иу // ... вот /а иду́ / а м'ен'а́ пр'ам фс'у тр'ес'о́т / штъ пот'ир'а́лс'е про́ша / дъхажу́ гъвар'ит / вот сыча́з ду́маиу / дъго́н'ит / вод дъго́н'ит / дашла́ там тако́ у нас нъзываиеца м'е́сто / б'иелои ка́м'ен' // (нрзбр.) дык н'е́ту / и домои́ пр'ишла́ / пр'ишла́ гьвър'ит // бапк'е гавар'у́ / а про́ша до́ума? н'е́ту // а про́ша јесл'и п / ишо́ шагну́л бы рас / и в р'иеку // ето вот уш то́чно н'е врак'и /

– Это ра́ньше бы́ло?

– Ра́ньше ра́ньше / кон'е́шно ра́ньше н'е с'ечас //

– А т'еп'е́р' в'ет' к е́т'им л'у́д'ам и н'е поцеп'и́ца //

– О́н говор'ит / иду́ говор'ит сам с'иб'е́ / и ду́маиу ну што тако́ / дожно́ п уш т'еп'е́р' быд' б'е́лои ка́м'ен' и дво́ио воро́т / б'е́лои ка́м'ен' н'ет ы н'е́т / н'е́т ы н'е́т // ну как уш чу́ствуиу уш по ход'б'ие–то / а потом говор'и́т / мат'игну́лс'а / мат'игну́лс'а уш н'е знаиу там как он мат'игну́лс'а // про́ша-та да / ето уш пото́м он расказъвъл // очучи́лс'а под насо́с'н'иком / и кр'ажу́ / иш'о б говор'ит шегну́л / и са́м бы упа́л бы // wот //

– Ранше кон'е́шно д'ела́ бы́л'и //

– а мojово́ д'е́душка то́же / вот ма́м'иново // ба́ц'ка / дак / е́тот / л'а́рскои ба́р'ин // н'ет / н'е л'а́рскои горн'и́шныи-то коко́и ба́р'ин был //

– Л'а́рскои?

– Н'е л'а́рскои в'ет' / гд'е там б'ер'о́зы ет'и // фоfа́јефскои // то́жо / он с н'им дружы́л / охо́т'илс'е / он охо́тн'иг был хоро́шыи // и wот тоже је́хал / отку́да ън је́хал? и wдрук попада́еца wстр'е́чу етот фофа́јewскои // јово́ и съзва́л / пое́д'ъм // ън и пое́хъл // и очучы́лс'а паср'ед'и́ о́з'ъра нъ камн'у́ // да / пъср'ед'и о́з'ъра // крачу́н там в јирмал'их'ъ-ть //

– Дъ / под'и́ узна́и што пока́жъца ///

---

[27] *Лярский* – по-видимому, фамилия помещика.

Новгородская обл., Окуловский р-н, д. Перестово

Александра Ивановна З а й ц е в а, 75 лет (А-999)[28]

Рассказ о том, как "смерть" пришла

Как у меня смерть-то пришла? Я читала книгу / двадцать минут двенадцатого поглядела время / я уже читала книгу / про партизан-девушок // Отряд партизан-девушок // И легла// А я читала и плакала / эта Зоя / Зоя была в каменный мешок посажена / на три месяца / вот в какой-то каменный / ой я разволновалась так / поглядела время / двадцать минут двенадцатого // Лягу // Легла, свет везде выключила / а свет на фонаре ночью горит / зимой / а печка в спальне белая... Быдто ко мне хто-то идет / идет / вот я видела сама / своим глазам // Я не спала / идет / и на ней платье белое / длинное. А это я слышала / что надо сругнуться. Вот идет вот так // Я не ее вижу / а тень по печке / тень-то // Вижу / что ... Ды это хто? –

Она говорит ды я! – Ды хто это я? – Ды смерть твоя! – А я говорю / ды иди ты ... Честно вот что было то и говорю // Я как вскочила / рядом выключатель / я выключила // Господи / нет никого / не ей богу / вот нисколько не вру // Еще Дуня мне говорила / говорит / Шурка ты сегодня наверно самогонку гнала //

А я не самогонку / чище самогонки было // Я стала а сама думаю / господи / как мне со спальни в темненьку-то войтить? Вот я подхожу и думаю / как бы мне включить-то? я как тяпну! Включила // К другому выключателю иду смело // В комнату иду / наверно в комнаты // Я как взяла крюк / и говорю / а чегой-то я в своей избы да боюся? Иду с крюком ей богу нисколько не вру Галенька // Подошла к выключателю включила // Никого нету // Господи / а пусть везде свет горит // Подошла / отворила шкап / набрала на руку белья / давай на половики вязать тряпки // Вот я стул возьму / сижу на стуле / на другой поставлены ноги / тряпки здесь / режу режу / ой ужо я погляжу / сколько время / поглядела время / без пятнадцати пять.

Выключила свет / забралась как медведица на печку // Ох ты господи ты помилуй / лежу а самой не уснуть страх какой-то берет/ как быдто бы мороз во всей ходит //

У самой было / у самой / нисколько не вру...

А встала двадцать минут десятого / дала курицам / и вот к почты / Галенька-то знает / бабка была там / ну бабку-ту не захватила наверно / к этой бабке пришла / она мне буде двоюродного брата молодуха. Она мне / он-то мне крестной-то был крестной / я и ее звала крестной. Я говорю / крестна / чудо-то сегодня мне / ведь я всю ночь не спала / и стала ей рассказывать //

Он говорит / надо богу молиться // – Я говорю / я ложилась спать глазы перекрещены // А вот что пришло мне // Я уснувши не была / и я стала / поглядела на часы / без двадцати двенадцать // За двадцать минут / пока я кровать розобрала / пока я сама разделасе и легла / и в течении двадцати минут это чудо мне явилосе.

Откуль пришло / сама не знаю / куды ушло / тожо ...

Да давно ли это мне приснивши было?

[28] Записано автором в 1980 г.

Как у м'ен'а́ с'м'ер'т'-то пр'ишла́ / ја чыта́ла кн'и́гу / два́ц̄ът' м'ину́д д'в'ена́ц̄ътъвъ пъгл'ид'е́ла вр'е́м'а / ја уже ч'ита́ла кн'и́гу / парт'иза́н д'е́вушок // отр'а́т парт'иза́н д'е́вушок // и л'егла́ // а ја ч'ита́ла и пла́кала / е́та зо́ија / зо́ија была́ ф ка́м'ен̄ои м'е́шо́к поса́жъна: / на́ тр'и м'е́с'ьца / вот ф како́и-то ка́м'ьныи // ои ја так ръзволнова́лас' так / погл'ед'е́ла вр'е́м'а / два́ц̄ът' м'ину́д д'в'ена́ц̄ътъво // л'а́гу / ја л'егла́ / с'в'ет в'из'д'е́ вы́кл'учыла / а с'в'ет на фонар'е́ но́чиу гор'и́т / з'имо́и // а п'е́чка ф спа́л'н'е б'е́ла / бытто ко мн'ехто́-то ид'о́т /ид'о́т /, вот ја в'и́д'ъла сама́ / своим глаза́м // ја н'е спала́ // ид'о́т и (нрзбр.) пла́т'ио дл'и́нои // а ето ја слы́шала што на́до сругну́ц̄е // вот ыд'о́т вот так // ја н'и в'и́жу ыјо // а т'ен' по п'е́чк'е / т'ен'то в'и́жу што / ды ето хто́? она г'ид ды ја́ // ды хто ето ја́? ды см'е́т' твоја́ // а ја гвор'у́ ды ид'и́ ты ... // че́сно вот што бы́ло то и говор'у́ / ја как скочы́ла // р'а́дом выкл'уча́т'ьл' / ја вы́кл'учыла // го́спод'и / н'ет н'икоwо́ / н'е јеи бо́уу / вот н'иско́л' н'е вру́ / ишо́ ду́н'а мн'е говор'и́ла / гр'ит шу́рка ты с'о́дн'и нав'е́рно сомого́нку гнала́ // ... а ја н'е самого́нку / чы́шче сомого́нк'и бы́ло // ја ста́ла а сама́ ду́мъиу / го́спод'и / как мн'е со спа́л'н'и ф т'о́мн'ен'ку-ту воит'и́т'? вот ја потхожу́ и ду́мъиу / каг бы мн'е фкл'уч'и́т'-то / ја ка-а-ак т'а́пну // фкл'уч'и́ла / г другому́ вукл'ча́т'ьл'у иду́ см'е́ло / ф ко́мнату иду́ нае́рно ф ко́мнаты // ја каг вз'ала́ кр'ук / и говор'у́. / а ч'иои-то ја w своје́и избы́ дъ бојус'а? иду́ с кр'уко́м јей бо́у н'иско́л' н'е вру́ гал'ен'ка // подошла́ к вькл'ча́т'ел'у фкл'учы́ла // н'ико́ н'е́ту / го́спод'и / а пус' в'из'д'е́ с'в'е́д гор'и́т // подошла́ / откры́ла шкап // набрала́ на́ руку б'ил'ја́ // дава́и на полов'ик'и́ в'аза́т' тр'а́пк' и // вот ја стул воз'му́ // с'ижу́ на сту́л'е // на другои́ но́г'и поста́вл'ены // тр'а́пк'и з'д'е́с' // р'е́жу р'е́жу / ои ужо́-ка погл'ажу́ // ско́ко вр'е́м'а / погл'ад'е́ла вр'е́м'а / б'ис п'атна́ц̄ет'и п'ат' // вы́кл'учыла с'в'ет / забрала́с' как м'ид'в'е́д'ица на п'е́чку // ох ты го́спод'и пом'и́луи / л'ижу́ а само́и н'и уснут' страх како́и-то б'ир'о́т / каг бытто бы бытто бы моро́с по фс'е́и хо́д'ит // у само́и было / у само́и // н'иско́л' н'е вру́ // ... а стала два́ц̄ът' м'ину́д д'ис'ато́во / уснула ја // ста́ла два́ц̄ът' м'ину́д д'ис'а́тово / дала́ ку́р'ицам / и вот к по́чты // гал'ин'ка-то зна́иот // ба́пка была́ там // ну ба́пку-ту н'и^{e} зъхват'и́л'и нав'е́рнъ // к е́тои ба́пк'и^{e} пр'ишла́ / она мн'е бу́д'о двојуродново бра́та молоду́ха // она́ мн'е // он-то мн'е кр'о́сноı-то был кр'о́сноı // ја и ијо́ звала́. кр'о́сноı / ја гвор'у́ / кр'о́сна // ч'у́до-то с'и^{e}во́дн'а мн'е / в'ът' ја фс'у но́т' н'е спала́ // и ста́ла јеи роскази́ват' / она гр'ит / на́до бо́уу мол'и́ц̄е / ја гр'у / ја ложы́лас' спат' гла́зы п'ер'екр'е́шены // а воч што пр'ишло́ мн'е / ја уснуфшы н'е была́ / и ја ста́ла / погл'ед'е́ла нъ^{a} ч'асы́ / б'из два́ц̄ат'и́ д'в'ена́ц̄ъ^{a}т' // за два́ц̄ъць' м'ину́т // пока ја крова́т' разобрала́ / пока́ ја сама́ розд'е́лас'е // откул' пр'ишло́ /сама н'е зна́иу / и ф т'и^{e}че́н'ии два́ц̄ет'и́ м'ину́т ето чу́до ко мн'е иев'и́лос'е // куды ушло́ / то́жо н'е зна́иу // ... да давно́ л'и мн'е е́то пр'исн'и́фшы бы́ло?

Карельская АССР, Прионежский р-н, пос. Ладва

Анна Пантелеевна Самсонова, 72 года (А-873)[29]

Вот однажды пошли мы в лес по грибы / с одной женщиной / с Соней // Вот пришли мы на покос / трава смята через канаву // Я и говорю / Соня / тут медведь ходил // Она говорит / ну што ты там люди все ходят по грибы да...

Вот она после этого идет и все смотрит / шо наверно где-нибудь тут медведь лежит // И как раз попала на медведя // Она как закричит! Медведь встал на две лапы / и начал плевать / потом заревел / пустился и побежал //

А я стою / слушаю / что такое происходит? Он как раз на меня! Я как раз крикнула / и больше кричать не могу // Медведь от меня в сторону / а я в другую / и смотрю назад / что не побежит ли след // Он бежит на пожню // А эта женщина / как я закричала / она ведром по дереву хлопа... А потом стоит и говорит / ну теперь мне из лесу не выйти / наверно он заел женщину эту // Потом я крикнула / Соня // Она голос подала / мы пришли / што будем делать? Давай чистить грибы // Так у меня и нету // Я говорю / ты наверно высыпала по дереву хлопала ведром и высыпала // Она говорит / а я не помню / разве я хлопала? Она после этого домой пришла / заболела / трое сутки лежала // Я голос перервала...

Вот поехали мы на покос / приехали на покос километров за восемнадцать // Ну хозяин спустил лощадь / говорит / ну иди Шарик погуляй // Мы это косим / Шарик тут все звонил // Потом стихло / не слышно стало колокола // Он пошел / надо-ста проверить / наверно далеко ушел // Пошел // Нету нету нету / не видать // Ну наверно / говорит домой ушел // На второй день мы пожню выкосили / пошли домой / пришли / коня нет // Он ходил / искал искал / не нашел // Потом приходит цыган // А это женщина-то и говорит / хозяйка // — Цыган / не знаешь ли чего? У нас лощадь потерялась дак.. А он и говорит / как не знаю / знаю // Есь ли уздечка / котора была последний раз на голове? Она говорит есь // Ну / посмотрел там што-то и говорит / ваша лошадка гуляе у озера или у речки // Только сами не ходите искать / а кого-нибудь чужих отправьте // Пошли мужчины четыре человека / искали искали / не нашли // Потом эта лошадка пришла на покос // Там мужчина и женщина косили и эту лошадку поймали на покосе //

Вот однáжды мы пошл'и́ в л'е́с по грибы́ / ... с одно́й же́ншыной Сóн'ей // Ну пр'ишл'и́ мы на поко́с / трава́ см'а́та ч'ер'ес кана́ву // ja говор'у́ / Сóн'а / тут м'едв'е́т' ход'и́л // Она и говор'и́т // Ну / што́ ты / там л'уд'и фс' о хо́д'ат по гр'ибы́ да... // Вот она посл'е э́тово ид'о́т и фс'о смо́тр'ит / шо нав'е́рно гд'е́-н'ибут' тут м'едв'е́т л'ежы́т // и как рас попа́ла на м'едв'е́д'а // она как закр'ича́ла / м'едв'е́т' встал на дв'е́ ла́пы / и на́ч'ал пл'ева́т' / пото́м зар'е́ив'е́л / пуст'и́ус'а и поб'ежа́у // а ja стоjу́ / слу́шаиу / што́ тако́ие происход'ит //он как ра́с на м'ен'а́ // ja как ра́с кр'и́кнула́ / и бо́л'ше кр'ича́т' н'е могу́ // м'едв'е́т от м'ен'а́ ф сто́рону / а ja в другу́иу / и смотр'у́

[29] Записано Л.Л. Касаткиным в 1966 г.

назáт / шо н'е б'ежы́т л'и сл'ет // он б'ежы́т на по́жн'у // а́ эта же́ншына как ja закр'ича́ла / она / в'едро́м по д'е́реву хло́па // и потом стои́т и говор'и́т // Ну / т'еп'е́р' мн'е из л'е́су н'е вы́ит'и / нав'е́рно он зае́ў же́ншыну эту // пото́м ja кр'и́кнула / Сбн'а // она го́лос подала́ / мы пр'ишл'и́ / што бу́д'им д'е́лат' // дава́и чи́ст'ит' гр'ибы́ // так у м'ен'а́ и н'е́ту // ja говор'у́ / ты нав'е́рно вы́сыпала / по д'е́р'еву хло́пала в'едро́м и вы́сыпала // она́ говор'и́т / а ja н'е по́мн'у / ра́з'в'е ja хло́пала // она́ посл'е́ э́тово домо́и пр'ишл'и́ / забол'е́ла тро́и су́тк'и л'ежа́ла // а já го́лос п'ер'ервала́ //

Вот пое́жа́л'и мы на поко́с / пое́хал' и на поко́с к'ило́м'етроф за вос'ем'-на́ца́т' // ну хоз'а́ин спуст'и́л ло́шат' / ну ид'и. Ша́р'ик / гул'а́и // мы это кос'и́м / Ша́р'ик фс'о туд звон'и́л // потом ст'и́хло / н'е слы́шно ста́ло ко́локола // он прошо́ў / на́до-ста пров'е́р'ит' / нав'е́рно дал'еко́ ушо́ў // пошо́ў / н'е́ту н'е́ту / н'е в'ида́т' // ну / нав'е́рно / говор'и́д домо́и ушо́ў // на фторо́и д'ен' мы по́жн'у вы́кос'ил'и / пошл'и́ домо́и / пр'ишл'и́ кон'а́ н'ет // он ход'и́ў ход'и́ў / иска́ў иска́ў / н'е нашо́ў // потом пр'иход'ит цыга́н // а это же́ншына-то и говор'и́ / хоз'а́ика // цыга́н / н'е зна́иш л'и ч'ево́? у нас ло́шат пот'ер'а́лаз дак... ч'ево́-н'ибу́т // а он и говор'и́т / ка́к н'е зна́иу / зна́иу // jес'л'и уз'д'е́чка / кото́ра была́ посл'е́дн'ии рас на голов'е́ // Она говр'и́т jе́с' // ну / посмотр'е́л там што-то и говор'и́т // ваша лоша́тка гул'а́ие у о́з'ера ил'и р'е́чк'и // токо са́м и н'е ход'и́т'е иска́т' / а ково́-н'ибу́т' чужы́х отпра́ф'т'е // пошл'и́ му́ш'ины ч'еты́р'е ч'елов'е́ка / иска́л'и иска́л'и / н'е нашл'и́ // пото́м эта лоша́тка пр'ишла́ на поко́с // там му́ш'ина да же́нш'ина кос'и́л'и и э́ту лоша́тку поима́л'и на поко́с'е //

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., Учпедгиз, 1949.
2. *Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма. Звуки *и* и *ы*. – В кн.: *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., Наука, 1972.
3. *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., Просвещение, 1972.
4. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
5. *Азарх Ю.С.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., Наука, 1967.
6. *Альмухамедова З.М., Кульшарипова Р.Э.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говора. Изд-во Казанского ун-та, 1980.
7. *Андреева Л.К.* Новые сочетания согласных с j в восточнославянских языках. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III. М., 1962.
8. *Барышникова К.К.* О фразовых ударениях и слоговой выделенности в современном французском языке. – В кн.: Экспериментальная фонетика. Минск, 1976.
9. *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа. В кн.: Новое в лингвистике, вып. V. М., 1965.
10. *Богомазов Г.М., Пауфошима Р.Ф.* О влиянии структуры слова на восприятие русского ударения. (В печати).
11. *Бондарко Л.В.* Осциллографический анализ речи. Л., 1965.
12. *Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б.* Стили произношения и типы произнесения. – ВЯ, 1974, № 2.
13. *Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р.* Фонетическая характеристика различных типов синтаксических отношений в нивхском языке. – ВЯ, 1962, № 4.
14. *Брок Олаф.* Списание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. – Изв. ОРЯС. СПб., 1907.
15. *Брызгунова Е.А.* Анализ русской диалектной интонации. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
16. *Брызгунова Е.А.* Интонация и смысл предложения. – Русский язык за рубежом, 1967, № 1.
17. *Васильев Л.В.* Магнитофон-сепаратор для фонетических исследований. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
18. *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л., 1929.
19. *Васильева А.К.* Специфика позиционного поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
20. *Высотский С.С.* О говоре д. Лека. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М., 1949.
21. *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
22. *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
23. *Высотский С.С.* Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных. – Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русск. яз. АН СССР. М., 1949, вып. 6.
24. *Высотский С.С.* Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. – В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
25. *Высотский С.С.* Юго-западные подмосковные говоры. К проблеме пере-

ходных говоров. Канд. дис. М., 1941.
26. *Галеева М.М.* Спектральные характеристики русских гласных в зависимости от фразового ударения (к вопросу о роли тембра в составе интонации). – Труды УДН им. П. Лумумбы, 1967, т. XXII, вып. 2.
27. *Грандилевский А.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова. – Сб. ОРЯС имп. АН, т. LXXXIII, № 5, СПб, 1907.
28. *Дыбо В.А.* Древнерусские тексты и праславянское ударение. – ВЯ, 1969, № 6.
29. *Дыбо В.А.* О фразовых модификациях ударения в праславянском. – Сов. славяноведение, 1971, № 6.
30. *Живов В.М.* Типология сочетаний согласных в русских говорах. – ВЯ, 1971, № 2.
31. *Зализняк А.А.* Протипопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века "Мерило праведное". – Сов. славяноведение, 1978, № 5.
32. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
33. *Зиндер Л.Р.* Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. – Уч. зап. ЛГУ, 1964, № 325. Вопросы фонетики.
34. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Изд. 2-е. М., Высшая школа, 1979.
35. *Златоустова Л.В.* и др. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий. – В кн.: Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.
36. *Златоустова Л.В., Банин А.А.* Об иерархии уровней ритмического компонента русской речи. – Вестник МГУ, 1978, № 2.
37. *Златоустова Л.В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
38. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Об ударности динамически неустойчивых слов. – В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
39. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Приемы оценки ритмичности текста. – Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, 1968, № 292.
40. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Ритмика русской прозы. Канд. дис. М., 1969.
41. *Иванов Вяч.Вс.* К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными фонемами. – В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
42. *Иванов Вяч.Вс.* Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом. – Balcanica, M., 1979.
43. Интонация. Киев, 1978.
44. *Касаткин Л.Л.* Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости-мягкости. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
45. *Касаткин Л.Л.* Об одном фонетическом гиперизме в смоленских и калининских говорах (с'т' на месте с'с). К методике реконструкции диалектов прошлых эпох. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
46. *Каринский Н.М.* О говорах восточной половины Бронницкого уезда. – ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 1–2.
47. *Кодзасов С.В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи. – В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Изд-во МГУ, 1973.
48. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
49. *Колесов В.В.* Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости–звонкости. – Вестник МГУ, 1963, № 2.
50. *Колесов В.В.* Функциональная система вокализма в традиционных севернорусских говорах. – В кн.: Вопросы изучения северновеликорусских говоров и памятников письменности. Материалы Межвузовской конференции. Краткое содержание докладов. Череповец, 1970.
51. *Колесов В.В.* Фонетические условия заонежского "яканья". – В кн.: Русские говоры. М., 1975.
52. *Колесов В.В.* Ударение в древнерусском сочетании с "еровым" предлогом. – ВЯ, 1966, № 6.
53. *Колесов В.В.* Просодические диалектные признаки в истории русского языка. – ВЯ, 1974, № 1.
54. *Колесов В.В.* Словесное ударение в пинежских говорах. – В кн.: Севернорусские говоры, вып. 1. Изд-во ЛГУ, 1970.

55. *Кузнецов П.С.* К вопросу о фонематической системе современного французского языка. – Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Каф-ра русского языка, 1941, т. V, вып. 1.
56. *Кузнецов П.С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.–Л., 1949.
57. *Кузнецов П.С.* О фонологической системе сербохорватского языка. – Изв. ОЛЯ АН СССР, 1948, т. VII, вып. 2.
58. *Кузнецова А.М.* Разновидности способа образования согласных в русских говорах. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
59. *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
60. *Николаева Т.М.* Стихотворная и прозаическая строки: первичное и модифицированное. Balcanica. М., 1979.
61. *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
62. *Панкрац Г.Я.* Об интонации и ее основных компонентах (на материале русского и немецкого языка). – Уч. зап. Алмаатинского пед. ин-та им. Абая. Алма-Ата, 1959.
63. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.
64. *Панов М.В.* О строении заударной части слова. – В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.
65. *Пауфошима Р.Ф.* Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные измерения безударных гласных). – Изв. ОЛЯ АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1980, т. 39, № 1.
66. *Пауфошима Р.Ф.* Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости–звонкости согласных в говорах русского языка. – В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
67. *Пауфошима Р.Ф.* О темпе речи в некоторых русских говорах. – В кн.: Русские говоры. М., 1975.
68. *Пауфошима Р.Ф.* Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского р-на Вологодской обл. – В сб.: Материалы и исследования по русской диалектологии, вып. 2. М., 1961.
69. *Пешковский А.М.* Стихи и проза с лингвистической точки зрения. (сб. статей.) Л. –М., 1925.
70. *Пирогова Н.К.* Полумягкие согласные в современном русском языке. – Вестник МГУ, 1970, № 1.
71. *Поливанов Е.Д.* Субъективный характер восприятий звуков языка. – В кн.: Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
72. *Реформатский А.А.* Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. – В сб.: Исследования по фонологии. М., 1966.
73. *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
75. *Реформатский А.А.* О соотношении фонетики и грамматики. – В кн.: Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
75. *Розанова Н.Н.* Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи). Канд. дис. М., 1978.
76. Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.
77. Русская разговорная речь. М., 1973.
78. *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968.
79. *Светозарова Н.Д., Щербакова Л.П.* Роль изменения частоты основного тона в восприятии ударения в изолированных словах и предложениях /тезисы докладов 6-го Всесоюзного семинара "Автоматическое распознавание слуховых образов"). Таллин, 1972.
80. *Селезнева И.С.* Восприятие словесного ударения. – Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1960, т. 18.
81. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1965.
82. *Успенский Б.А.* Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения "говорящего" (адресанта) и "слушающего" (адресата). – In: To honor Roman Jakobson. The Hague – Paris, 1967.
83. *Федорова Н.А.* Восприятие ударения в простой звуковой последовательности. – В кн.: Анализ речевых сигналов человеком. Л., 1971.
84. Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. Ред. С.С. Высотский. М., 1978.
85. *Цеплитис Л.К.* Анализ речевой интонации. Рига, 1974.

86. *Чистович Л.А., Венцов А.В., Гранстрем М.П.* и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л., 1976.
87. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
88. *Щерба Л.В.* Фонетика. – БСЭ, т. 58. М., 1936.
89. *Jespersen O.* Lehrbuch der Phonetik. Leipzig – Berlin, 1926.
90. *Kasatkin L.L., Paufoshima R.F.* The use of the segmenting apparatus in the analysis of the vocalism of Russian dialects.– In: The processing of the dialectological data. Tallinn, 1981.
91. *Nikolayeva T.M.* The prosodic parameters of word stress and their dependence on the place of stress in a word and on the type of stress in a given language (fixed or not fixed). – In: Estonian papers in phonetics. Tallinn, 1978.
92. *Potapova* R.K. Some timing characteristics of spoken Russian. – In: Proceedings of the speech communication seminar, v. 2. N.–Y., 1976.
93. *Öhman S.E.G.* Peripheral motor commands in labial articulation. – STL – QPSR, 4. Stockholm, 1967.
94. *Öhman S.E.G.* Numerical model of coarticulation. – YASA, 41, 1967.
95. *Öhman S.E.G.* Coarticulation in VCV utterances. – YASA, 39, 1966.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Просодия фразы в севернорусских говорах 5
Динамические характеристики фарзы 8
Темпоральные характеристики фразы 14
Зависимость реализации гласных неверхнего подъема от позиций в севернорусских говорах 20
Реализация фонем <ω>, <o>, <ѣ>, <e> 20
Реализация фонем <a>, <o> после нетвердых согласных 37
Фонетические изменения в сегментном составе слова в севернорусских говорах 42
О количественной и качественной редукции гласных 42
Звуковой эллипсис 48
Некоторые особенности сандхи 55
Некоторые наблюдения над ритмической организацией спонтанной речи в севернорусских говорах 63
Заключение 78
Приложение (звуковая хрестоматия) 80
Литература 106

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

Розалия Францевна П а у ф о ш и м а

ФОНЕТИКА СЛОВА И ФРАЗЫ
В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства
Л.М. Гаврилова

Художник
В.А. Кобрин

Художественный редактор
Т.П. Поленова

Технический редактор
Н.А. Торгашова

ИБ № 26735

Подписано к печати 29.03.83.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 7,0
Усл.кр.-отт. 7,3. Уч.-изд.л. 8,1
Тираж 1100 экз. Тип.зак. 153
Цена 1 р. 20 к.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

готовятся к печати:

Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. 14 л. 2 р. 10 к.

В сборнике освещаются актуальные вопросы современной описательной диалектологии, представлена разработка целого ряда отдельных особенностей строя русского языка.

Для широкого круга лингвистов, интересующихся историко-диалектологической проблематикой, для аспирантов, студентов.

Словарь русских говоров Приамурья. 45 л. 3 р. 40 к.

Толковый словарь представляет собой первое системное описание русских старожильческих говоров Приамурья. Он содержит богатый материал по диалектной лексике и фразеологии. Особый интерес представляют этнографизмы, а также ботанические и зоологические названия, отражающие специфику дальневосточной флоры и фауны.

Для специалистов-диалектологов, историков, этнографов, журналистов, а также преподавателей, учащихся вузов и школ дальневосточного региона.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов "Книга–почтой" "Академкнига"

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13
374001 Душанбе, проспект Ленина, 95
252030 Киев, ул. Ленина, 42
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
310003 Харьков, ул. Чернышевского, 37

1 р. 20 к.